ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА
№ 38 СЕНТЯБРЬ 1988

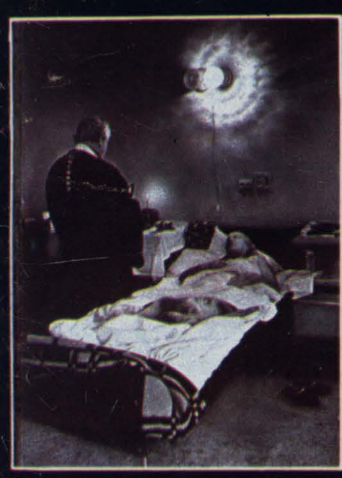

ЖИВОПИСЬ ПАОЛО ВЕРОНЕЗЕ

РУССКИЙ БАНК ЗА ГРАНИЦЕЙ

КОНТРОЛЬНАЯ ДЛЯ УЧИТЕЛЯ

АДРЕСА МИЛОСЕРДИЯ

СБЕРЕЧЬ КРАСОТУ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 38 (3191)

17 — 24 СЕНТЯБРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

«И светла адмиралтейская игла...» (См. в номере материал «Между Невским и Невой».)

Фотоэтюд Виктора ЯКОБСОНА

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА
Цена подписки на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

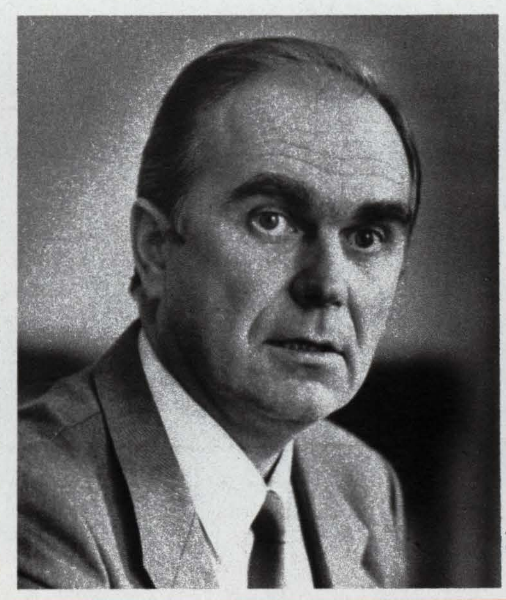
Телефакс (международный) (095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 29.08.88. Подписано к печати 13.09.88. А 10401. Формат 70 × 108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 800 000 экз. Заказ № 2887.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

С секретарем ЦК Компартии Эстонии Индреком ТООМЕ беседует собственный корреспондент «Огонька» Димитрий КЛЕНСКИЙ.

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

СН

КОГДА ТЕПЕРЬ ВСТРЕЧАЕШЬ В МОСКВЕ ИЛИ ЛЕНИНГРАДЕ ЗНАКОМЫХ, ТО ВМЕСТО «ЗДРАСТЕ» СЛЫШИШЬ ВОПРОС: «ЧТО В ЭСТОНИИ ПРОИСХОДИТ, ВТОРОЙ КАРАБАХ?» ПОНЯТНАЯ ОЗАБОЧЕННОСТЬ ПРИПРАВЛЕНА НЕВЕРОЯТНЫМИ НЕБЫЛИЦАМИ... КОНЕЧНО, НЕТ ДЫМА БЕЗ ОГНЯ. НО ИЗ-ЗА МОЛЧАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПРЕССЫ СОБЫТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ НЕРЕДКО ИСТОЛКОВЫВАЮТ ПРЕВРАТНО. КТО — ПО НЕЗНАНИЮ, КТО — ПОТОМУ, ЧТО НЕ БЛЕЩЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ, А ИНОЙ ПО ЗЛОМУ УМЫСЛУ ВБИВАЕТ КЛИН... ОБЩЕПРИЗНАНО, ЧТО В ЭСТОНИИ БЛАГОТВОРНЫЙ ПРОЦЕСС ДЕМОКРАТИЗАЦИИ РАЗВИВАЕТСЯ, ПОЖАЛУЙ, ЗАМЕТНЕЕ, ЧЕМ В ДРУГИХ РЕСПУБЛИКАХ СОЮЗА. НО РАЗВЕ В ЭСТОНИИ ГОД-ДВА НАЗАД ТАК ОСТРО СТОЯЛ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС, КАК СЕГОДНЯ? СЛОВНО ВИРУС КАКОЙ ВСЕЛИЛСЯ... А ЕСЛИ И СУЩЕСТВУЕТ ЭТОТ ВОПРОС, ТО НЕ ВЫПЯЧИВАЕТСЯ ЛИ? НЕ ВЕЛИКИ ЛИ У СТРАХА ГЛАЗА? С ЭТОГО И НАЧАЛСЯ РАЗГОВОР С ТОВАРИЩЕМ ИНДРЕКОМ ТООМЕ.

СОВЕТУЯСЬ
АРОДОМ

Такой ход мыслей мне по душе. В основе перемен — нормальный и логический политический процесс. Да, высока активность людей: борцов нового со старым. Я подчеркиваю — борцов, а не просто сторонников перестройки. Ведь явных противников нет. Сочувствующих союзниками нельзя считать в том смысле, что на словах они, конечно же, «за», да в делах не спешат.

Но тот, кого подталкивают, чтобы не дремал, тем более тот, кто чувствует, что его валят с ног, да еще если он человек непорядочный, такой прибегает к запрещенным приемам. Вытаскивается жупел местного национализма, у людей ограниченных всегда под рукой эта спасительная соломинка...

— Да, в многонациональном государстве не трудно при желании спекулировать именно на национальном вопросе. В Эстонии из-за вульгарного понимания национализма в 1950 году, в Латвии в 1949 году последовали массовые репрессии, были даже случаи сжигания книг на национальных языках. Все это в памяти народа. Национальные чувства были ущемлены, не обошлось без перекосов. А теперь — обратная волна.

— ...В начале года, да и совсем недавно Центральное телевидение обращалось ко мне с просьбой прокомментировать события в республике. И что же?

Из первой беседы «вырезали» наше отношение к союзным планам по добыче в Эстонии фосфоритов. Во второй раз «за кадром» осталось наше понимание роли Народного фронта в процессе перестройки. Зато зритель узнал о моем отношении к природе и о моих увлечениях. Потому-то и беспокоит, что тем, кто руководит работой журналистов, кто их редактирует, не всегда хватает смелости говорить до конца честно и откровенно даже в эпоху перестройки.

— Тем более при обсуждении национальных проблем, тут комментаторов охватывают непостижимая стыдливость и политическое кокетство. Не оттого ли замалчивается обострение межнациональных отношений?

— Мы серьезно обеспокоены отсутствием оперативной информации о политических и межнациональных процессах на союзном уровне. Нам не безразлично, что говорят о нас в других регионах страны. В соседней Латвии состоялся пленум Союза писателей, обсудивший насущные проблемы республики. Интерес к событию огромный. Но мы долго ничего не знали толком. И честно скажу, в республике во время работы XIX Всесоюзной конференции КПСС очень обрадовались брифингу, данному нашей делегацией советским и зарубежным журналистам, и встречам в ТАСС и в редакции газеты «Известия»... Мы хотим, чтобы информация с мест поступала из первых рук, в объективной интерпретации, которая выражает в оригинале специфику процессов в данном регионе. Считаю исключительно привлекательной идею, родившуюся в небольшом нашем поселке Рапла. Предлагается создать общесоюзный еженедельник «Вестник перестройки» на шестнадцати полосах, пятнадцать из которых были бы представлены союзным республикам. Каждой — свою страницу! Авторы идеи считают недопустимым препарировать тексты, смысл перемен должен дойти до союзного читателя в неискаженном виде. Стоящая мысль!

Надо отказываться от стереотипа в освещении жизни национальных республик. На один манер описываются специфические национальные особенности. Помню один праздничный очерк в уважаемом центральном издании, в котором об Эстонии говорилось как о республике с разветвленной сетью дорог, на обочине которых то тут, то там стоят хутора, а возле них — девушки в национальных костюмах. Это же антипропаганда!

А в республиканской прессе усматривается другой изъян. Наверное, редакции не способны переваривать поток информации. Справедливо говорят, что сегодня по общественно-политической насыщенности день равен неделе. Как грибы появляются всевозможные общественные организации! Газеты забиты обращениями, манифестами, декларациями. Люди торопятся выговориться. Беда в другом — в недостаточном профессионализме и политической культуре как читателей, так и некоторых журналистов.

Разочарование ждало нас и в «своем доме» — пассивность партийных, идеологических работников, их недостаточная боевитость, неумение убеждать людей. Отсюда и боязнь дискуссий, неумение даже беседовать. Не хватает и общей культуры в идеологических спорах, особенно с молодежью. В печати сейчас скорее встретишь выступление домохозяйки, студента, кандидата наук, чем мысли, мнения партийца или общественного деятеля.

— Однобокое получается общение? Почему редки убедительные доводы с четкими идейными позициями? Почему говорят о кризисе доверия?

— Демократия оказалась для многих устроившихся на высоких постах камнем преткновения. Руководители республики избегали открытых дискуссий — это не случайно. Они вольно или невольно выбирали для встреч с людьми аудитории поспокойнее и «понадежнее». Конечно, такое не редкость и сегодня... И вообще, если говорить о кризисе доверия, то мы все в ответе за него — и члены Бюро ЦК и наш Центральный Комитет, да и все сто тринадцать тысяч коммунистов республики.

— Можно ли сказать, что партийное руководство республики имеет сегодня вотум доверия?

— Имеет, но пока в кредит. Дела подтвердят ожидания народа. И одно из них — экологически чистая Эстония. Примечательно, что в составе нашей делегации на XIX партконференции был тележурналист, лидер эстонского «зеленого движения» Юхан Ааре. Это он начал в прессе борьбу против Министерства по производству минеральных удобрений СССР, которое задумало гигантскую добычу фосфоритов в Вирумаа. Причем открытым способом, что было бы губительно для природы. Ученые это доказали, но министерству их доводы не помеха. Всполошилось население, ведь действующие карьеры под Таллином стали серьезным предостережением: в пригороде Маарду отмечена повышенная заболеваемость населения, в отработанных карьерах загрязняются грунтовые воды, на близлежащей молочной ферме пострадали коровы...

На северо-востоке республики люди уже привыкли к лунным пейзажам, рубцам на земле как результату добычи сланца открытым способом. Но речь даже не о ландшафте, хотя к нему эстонцы относятся трогательно-бережно. Нам не безразлично, какую воду пить, чем дышать, чем наполняются легкие детей и внуков. Грозила и другая опасность. Добыча фосфоритов предусмотрена в районе Пандивереской возвышенности, которая имеет редчайшее геологическое строение. В подземных карстовых провалах накапливается четвертая часть запасов пресной воды республики. Оттуда берут начало реки, водный бассейн которых охватывает треть материковой территории Эстонии. Разрушить хрупкую подземную кладовую было бы преступлением. В свое время этими предостережениями руководители республики, да и в Москве пренебрегли.

Такой активности населения мы не знали. Все прошлое лето шла упорная борьба. Пресс-конференции, рейды журналистов, в районе предстоящих разработок — пикеты общественности, митинги. Даже песню, свой гимн сочинили о земле Вирумаа! В республике наряду с первым в стране Обществом охраны природы возникло движение «зеленых».

— Но тогда, год назад, не пришло еще осознание, что это не бунт, а горячее участие народа в делах государства, желание влиять на их исход?

— К сожалению, обстановка накалилась до предела 2 февраля. В этот день исполнилось шестьдесят восемь лет со дня подписания Тартуского мирного договора между Советской Россией и Эстонией. Именно РСФСР впервые прорвала вызванную интервенцией блокаду, признав, в отличие от США и европейских стран, эстонскую государственность — тогда эстонцы приобрели ее впервые в истории. Событие достойное, чтобы его вполне официально, торжественно отметить. Да, то было торжество ленинской внешней политики! И что же? Инициативу отметить заключенный мир снова взяла на себя общественность, причем на этот раз далеко не лучшая ее часть. Был у мероприятия подтекст: память именно о буржуазной государственности. Да и в ЦК Компартии республики заняли ошибочную позицию, усмотрев в предстоящем митинге некое сборище одних националистов... Вечером того дня на улицах Тарту для устрашения жителей и гостей появились спецподразделения милиции со щитами, дубинками, противогазами, собаками. Конечно, была и стычка с задиристыми, в общем-то хулиганствующими юнцами. Такой демарш население восприняло как оскорбление гражданских чувств, личного достоинства собравшихся. 24 февраля в Таллине стали собираться люди, подогреваемые националистами и, конечно, зарубежными радиоголосами. В основном юноши и девушки. Они пришли к памятнику Таммсааре, классику эстонской литературы.

— Теперь руководство проявило понимание?

— Вынуждено было. С помощью телевидения мы провели дискуссию, продолжили ее в залах, где перед собравшимися выступили историки и юристы, социологи и партийные работники.

Надо трезво признать, что хотя в выступлениях людей было очень много обывательского, тем не менее они затрагивали болевые точки жизни, труда и быта. Подобные встречи мы повторили. Они убедили многих в азбучной истине — с народом надо общаться, тем более если он чем-то неудовлетворен.

— На таких встречах выяснилось, что недостатки в национальной политике и охране окружающей среды, проблемы в изучении эстонского языка приписывались оптом и в розницу межреспубликанской миграции?

— Что ж, надо признать — механический прирост населения республики велик. За послевоенное время в Эстонии на постоянное жительство в среднем приезжало по тринадцать тысяч человек в год, что привело к экономическим и социальным перекосам. В 1945 году удельный вес эстонцев в населении республики составлял девяносто семь процентов, теперь он около шестидесяти... В городах Кохтла-Ярве, Нарва, Силламяэ преобладает русскоязычное население. Здесь индустриальный центр Эстонии. В Таллине эстонцы составляют только половину жителей. Все это вместо интернационализма приводило подчас к национальному отчуждению, порождало у населения напряженность и дискомфорт: эстонцы не чувствовали себя дома. Этого нельзя не учитывать. Но стихийная односторонняя миграция ухудшает условия жизни всех, независимо от национальности. Поэтому сегодня в республике единодушны, что с этим надо разобраться решительно.

Сама по себе миграция — чисто социальное явление. К сожалению, эстонцы связывают с миграцией еще и действительно ухудшившееся снабжение населения продуктами питания, промышленными товарами. Короче, возникают напряжения в межнациональном общении. На этом спекулируют. В прессе стал вдруг широко применяться сугубо социологический термин «мигрант».

— Под ним некоторые понимают любого неэстонца. Порой доходит до того, что даже в газетах без обиняков предлагали русским выехать в Псковскую область заселять брошенные деревни...

— Полностью осуждаю все эти провокации, россказни. Игра на национальных чувствах — кому это на руку? Кому-то выгодно перегревать котел общественного недовольства. Мы убедили редакторов в том, что они играют с огнем. Но джинн был выпущен...

— Кстати, никто не определил четко, кто же он, мигрант? А если эстонец, живущий в России, захочет вернуться в Эстонию, он тоже мигрант? Каким сроком оседлости лимитировать понятие мигрант?

— Обывателям лишь бы выплеснуть эмоции. Они порой совершенно не задумываются о гражданской ответственности, о культуре поведения. О гуманизме, наконец. Как говорят эстонцы, язык бежит быстрее мысли.

Таких ляпсусов хватало поначалу. Начавшуюся в ответ словесную цепную реакцию с трудом удалось приостановить. Еще раз напомню: мы разочаровались в политической культуре ряда авторов наших публикаций. Вопрос не в том, что есть запретные темы; дело в том, что нельзя в печати унижать человеческое достоинство, нельзя оскорблять национальные чувства.

Виноваты в проблемах миграции не мигранты, а ведомственная политика союзных министерств. И соглашательство самой республики. Именно бывшие руководители Эстонии, бездумно одобряя строительство и нужных, и несвойственных структуре республиканской промышленности предприятий, давая добро на экстенсивное развитие производства, не задумывались в свое время о демографических последствиях.

— Это был крупный хозяйственный и политический просчет?

— Да. Как мина замедленного действия! Он дал о себе знать не сразу. Осенью прошлого года тартуская городская газета «Эдази» («Вперед») опубликовала нашумевшее письмо четырех авторов. Они изложили программу, предусматривавшую выход Эстонии из экономического, особенно социального, застоя. Причем собственными силами. Предлагалась даже своя твердая валюта для выхода на внешний рынок. В печати, причем русскоязычной, была опубликована разгромная статья председателя госплана Валерия Паульмана. В воздухе снова повеяло грозой. Ведь идея республиканского хозрасчета, который правильнее называть региональным, уже до этого молниеносно пронеслась по Эстонии! Она была поддержана во многих трудовых коллективах, в основном среди эстонцев. Деталь существенная. Материал из газеты «Эдази» долго не перепечатывала ни одна газета на русском языке.

Но реализация идеи не проста. Нужна колоссальная подготовительная работа. Зато проста сама идея: самим хозяйствовать на территории республики и отвечать за результаты самим. Это исключает иждивенчество, несправедливость. При этом я имею в виду не примитивное сравнение республик — кто кому что и сколько поставляет, а эффективность производства. Как ее сопоставлять? Так вот, региональный хозрасчет предполагает только эквивалентный товарообмен. И для всех, а не для Эстонии или Украины только. Разве это несправедливо?

Кстати, сегодня много говорят об экономическом равенстве республик. Но об уровне их национального дохода, их вклада в общую народную копилку трудно судить с учетом консервативной сегодня системы цен. Установлено, что в сельском хозяйстве национальный доход искусственно занижен, а в промышленности — наоборот. Аграрная специализация Эстонии хорошо известна. И обидно слышать местному крестьянину, что он по какой-то кабинетной методике подсчета оказывается в долгу перед государством. Такие бюрократические штучки способствуют деформации национального сознания. Отсюда скрытые предпосылки для обострения межнациональных отношений.

Из-за волюнтаристски установленных закупочных цен на животноводческую продукцию только при реализации молока, по данным академика Михаила Бронштейна, Эстония недополучает ежегодно сто пятьдесят миллионов рублей. Оказывается, цены дифференцированы по зонам страны, учитывают всевозможные, мало кому известные и мало кому понятные надбавки и коэффициенты. В результате Московская область продает литр молока за сорок шесть копеек, а наша республика — за тридцать четыре копейки. А ведь в хозяйствах нашей республики самая низкая в стране себестоимость молока. Выходит, наши доходы искусственно снижаются при расчете с государством. Но такой подход не стимули-

рует инициативу. Или другой пример. Мы продаем соседям по Северо-Западу страны электроэнергию ниже ее себестоимости — и низка-то она из-за цены на сланец, которую взяли с потолка. Но сланец — ценнейшее химическое сырье! А мы его по дешевке сжигаем. Так распоряжаемся своими ресурсами. И не только своими — это ведь и богатство страны в целом.

Мы не ставим целью выгадать за счет других. Мы хотим, чтобы все стало на свои места. Мы за экономическую справедливость. Это и станет двигателем любой местной инициативы при соблюдении государственных интересов. По мере децентрализации, лишения диктатуры министерств — советских отраслевых монополий — многие социальные проблемы, по мнению сторонников регионального хозрасчета, будут изжиты. Например, та же миграция. Союзное министерство безнационально, и оно одинаково равнодушно загрязняет природу рядом с Ясной Поляной и в десяти километрах от Таллина. Создавая новое предприятие-монстр, министерство уверено, что оно облагодетельствовало местный Совет своими капвложениями и строительством жилья, которого, впрочем, все равно на всех не хватает. Такой диктат на исходе. В Эстонии уже не один райсовет отказывал союзным министерствам в их притязаниях. И понимать эти отказы надо не как проявление национализма. Из местных интересов и складывается общегосударственный, общенациональный! Вот этой истины ни мы в Таллине, ни в Москве до сих пор никак понять не хотели.

— Как вы отнеслись к претензии, которая предъявлялась руководству республики на одном из митингов: «Отстаивайте интересы республики в Москве, а не только Москвы — в республике»?

— Именно неспособность отстаивать законные интересы республики во имя республики стала причиной недоверия, выраженного народом руководству, затем Бюро ЦК Компартии республики. Об этом говорить неприятно. Но если бы мы не признались в этом, мы не были бы коммунистами. Тот, кто принял душой перестройку, не может этого не признать. Тем более что кому, как не самой партии, позаботиться о восстановлении своего авторитета! Иногда хотят сделать вид, что никакого кризиса доверия нет. Или осуждают за публичное его признание. Но коммунистам в кусты прятаться негоже. Я хорошо понимаю, почему значительная часть членов республиканской партийной организации входит в создаваемый у нас Народный фронт в поддержку перестройки. Да и инициаторы ее создания — коммунисты. Кризис доверия причинил огромный вред. Громко заговорили те, кто не разделяет нашей идеологии. Пользуясь тем, что коммунисты ощущают чувство вины за годы застоя, критику подменили критиканством.

Мы назвали пассивность коммунистов, партийного руководства окопной психологией. Многие партийные функционеры, активисты, к сожалению, и сейчас порой предпочитают отсидеться, ждать команд сверху, а не действовать по убеждению и совести. Наши ряды на время заразил, по выражению Ленина, «хвостизм» — мы часто шли по следам событий. Взаимную взыскательность члены ЦК подменяли «щекоткой»— так у нас назвали «критику напоказ».

— А состоявшийся объединенный пленум творческих союзов республики? Это было незаурядное мероприятие?

— Такого широкого обмена мнений не только между представителями интеллигенции, но вообще в нашей послевоенной истории никто не может припомнить. Разговор был максимально откровенный. Все, кто хотел выступить, получили слово. Общественный резонанс огромнейший. Еще бы! Были подняты, наверное, все острые вопросы, волнующие сегодня жителей республики. Напор снизу был силен. А революционная перестройка и возможна только «снизу». Не все это усвоили. Вот и в Бюро ЦК отношение к пленуму творческих союзов оказалось разным...

Слушая оппонента, мы разучились его слышать. А в выступлениях экспертов и творческих работников было очень много толкового. Не случайно их предложения легли в основу платформы делегации нашей республиканской партийной организации на XIX конференции. Разумеется, было и спорное, было и абсолютно неприемлемое. Но коль уж мы признаем плюрализм мнений, то надо хотя бы выслушать друг друга. Надо за деревьями видеть лес. Я это повторяю везде, особенно на встречах с трудящимися. Важно разглядеть тенденцию. И не паниковать, если что-то частное не согласуется с общепринятой точкой зрения. Интеллигенцию отличает новизна мышления. Что мешает нам, партийным работникам, разобраться в сути сказанного? Было бы желание!

— Тем не менее итоговые документы объединенного пленума творческих союзов в партийной печати по сей день не опубликованы?..

— Это была наша ошибка. И непростительная. Накладка получилась и потому, что авторитет документов пленума рос с каждым днем, но в основном среди эстонского населения, а русскоязычная его часть оставалась в неведении, нервничала... Вот отсюда разговоры о подмене партии творческими союзами, о выселении русских, о выходе Эстонии из состава СССР... Чушь невероятная.

— Может, кто-то ставил это целью?

— Не думаю. Но прямая выгода от этого — противникам перестройки и экстремистам, шовинистам и националистам. Всем им на руку столкновения на национальной почве. Суровый для нас урок. Только через полтора месяца республиканская молодежная газета опубликовала на русском языке итоговые документы пленума... Но и к этому отношение людей было разным.

К этому времени политическая инициатива была в руках творческих союзов и Совета по делам культуры. Его дискуссионный клуб с прямым выходом в эфир по эстонскому радио в обеденный перерыв по пятницам слушает вся республика.

Совет стал мозговым центром, что ли. Это своеобразный консилиум, который ставит актуальные вопросы, комментирует их с привлечением экспертов. Совет как бы выискивает пороки нашей жизни, ставит диагноз. Интеллигенция, ее рупор в республике — Совет по делам культуры — генератор идей. Партийные комитеты должны были бы с самого начала быть благодарны за полезные рекомендации этого Совета и засучив рукава браться за решение проблем. Сейчас более или менее так и получается. Но поначалу были растерянность и противостояние. Именно в этой ситуации и возник Народный фронт!

Народный фронт имеет опорные группы на местах, они в первую очередь призваны работать через местные Советы, через депутатов всех рангов — с тем, чтобы обеспечить реальное выполнение наказов, участвовать в решении жизненно важных проблем своего района. Это что-то вроде гражданского контроля. Кстати, доярка Маарика Кристманн именно в этой ситуации написала заявление об отказе выполнять обязанности депутата Верховного Совета республики. Да и не она одна. Мотивировка немудреная: некомпетентность, нежелание быть статистом во время голосования по государственным делам. Считаю, что это честно. Такая грань влияния Народного фронта мне по душе.

Народный фронт не претендует на роль партии. И на роль организации вообще. Его инициаторы называют фронт демократическим движением, гражданской инициативой. Много похожего можно встретить в соцстранах. Нам непривычно, что коммунисты борются за перестройку не только в составе своей парторганизации. Такая позиция смущает некоторых аппаратных работников. Но где же их самолюбие раньше было? Ведь ясно, что во многих еще парторганизациях нет благоприятной атмосферы перестройки, нужно их как-то расшевелить.

Кризис доверия! Объективно он заставил активных коммунистов искать любые пути для ускорения перестройки. Нельзя ждать. Кстати, кто входит в инициативный центр Народного фронта? Журналисты эстонского телевидения. Все они коммунисты. Мозговой центр составляют известные в республике люди, и они все коммунисты: академик Виктор Пальм, экономист Эдгар Сависаар, Марью Лауристин, заведующая кафедрой журналистики Тартуского университета, социолог, кстати, она дочь известного эстонского революционера, погибшего в 1941 году. Они считают своим гражданским долгом ускорять перестройку. И убеждены, что она реальна только при поддержке ее народом.

Вообще участие людей в общественной жизни и самых разных самодеятельных организациях поражает масштабами. Традицией стали массовые пожертвования в самые разные фонды. Дело в том, что сталинщина и брежневщина выкорчевали из нашей жизни общественную самодеятельность. Потому и стали «ритуальными» такие общественные организации, как ДОСААФ, Красный Крест и Красный Полумесяц, да еще и комсомол, профсоюзы. Привычка смотреть на мир глазами начальства, как предписано сверху. Это ненормально, противоестественно. Чем больше всевозможных, больших и малых, организаций, обществ и групп, тем лучше они впитывают социальную активность граждан. Инициатива, не нашедшая применения, становится асоциальной. Особенно среди молодежи. Азбучная истина: любая общественная деятельность — хорошая школа становления личности, гражданской зрелости.

— Задают и такой вопрос: «Какой фронт, народный или национальный?»

— Конечно, народный. И гарантия — в самом положительном отношении к этому здоровому движению всех: и эстонцев, и русских, и украинцев, живущих в Эстонии.

До отъезда в Москву на XIX партконференцию был на встрече с рабочими завода «Двигатель». Мне задали вопрос, как это я, секретарь ЦК, и не выразил возмущения тем, что на Певческом поле во время митинга не было красных флагов? Кстати, это не совсем так. Хотя действительно много было сине-черно-белых флагов. Меня поразило такое политическое иждивенчество. Поэтому я был рад, когда кто-то из зала крикнул: «А почему задавший вопрос сам не пришел с красным флагом в руках?» И тогда я сказал, что пусть на следующее мероприятие Народного фронта рабочие придут с пролетарскими знаменами! В ответ раздалась овация... Конечно, трудно представить себе, что мы полностью гарантированы от проявлений экстремизма, даже от политических провокаций. Но уверены, здоровые интернациональные силы всегда будут одерживать верх.

Сегодня в условиях ощутимой разобщенности разных национальных групп искусственное культивирование настороженного отношения к Народному фронту служит среди русскоязычного населения дополнительным стимулом подозрительности. Правда, положение улучшается, но исправлять ошибку всегда труднее... В Таллине активнее всего среди русскоязычного населения в обсуждение декларации Народного фронта включился коллектив завода «Двигатель». Их обращение к населению республики, в котором выражены отношение к Фронту и сомнения по некоторым его позициям, эстонские газеты не опубликовали! Опять пришлось разъяснять, теперь на другом «фланге». Политические ошибки преступны, любые политические деятели должны нести за них ответственность.

— В Таллине объявлено о намерении создать Интернациональное движение.

— Самое досадное, что идея Интердвижения означает пусть невольное, но размежевание по национальному признаку. Расхождения начинаются от полного непонимания забот и национальных чаяний коренного населения. Вот почему многие, в том числе и на заводе «Двигатель», считают такую платформу неудачной для того, чтобы найти общий язык с Народным фронтом, который имеет реальный авторитет у населения.

— Приезжие порой в растерянности, например, при виде национальной символики. Однако нет-нет, да и используется она демонстративно как память о буржуазной республике. Эпатаж обывателя? И в то же время Президиум Верховного Совета республики принял постановление о национальной символике. Нет ли тут компромисса?

— То есть уступки? Что же, политика — это искусство уступок. Но в данном случае нет, не компромисс. Этот злополучный вопрос о символике надо было давным-давно решить. А то, что официальное признание ее пришло только теперь, объясняется политической ситуацией. Мы были бы глупцами, если бы не признали этого. Надо иметь в виду и еще одну важную деталь. Сочетание этих трех цветов — сине-черно-белого...

— ...Очень красивое.

— ...стали использовать как национальное задолго до провозглашения буржуазной Эстонии — еще в прошлом веке! Трехцветие, как и василек с ласточкой, символизирует для эстонцев национальную гордость, независимость, сохранение нации. Зачем же делать вид, что мы этого не знаем? Наоборот, это надо даже пропагандировать. Тем более что республика вовсе не отказывается от Государственного флага Эстонской ССР! Безусловно, найдутся и те, кто будет спекулировать на бывшем «запретном плоде». Но нет сомнений, что с «однонациональным патриотизмом», как называл его на XIX партконференции Генрих Боровик, мы будем бороться бескомпромиссно. Экстремисты не пройдут! А такие есть. Подобные настроения будут, пока будут хромать наша экономика, социально-культурная жизнь.

И честно скажу, все эти негативные явления сильно преувеличиваются. И радетели устоев, и граждане, ностальгически страдающие по собственной национальной исключительности,— те и другие смотрят на проблему примитивно. Нет оснований драматизировать ситуацию в Эстонии. Преобразования не могут не задевать чьих-то интересов.

— Что же происходит в Эстонии?

— Перестройка.

●

ПАРАДОКСЫ СТАТИСТИЧЕСКОЙ МОНОПОЛИИ●
ИГРА В ТАЛОНЫ НА САХАР●
ЧТО ПРОИСХОДИТ С АВИАБИЛЕТАМИ?●
ЗАРПЛАТА ДЛЯ ПЕНСИОНЕРОВ●
КТО БУДЕТ УЧИТЬСЯ В ЛИЦЕЕ?●

■

Недавно натолкнулся на загадочный факт. На разных страницах статистического сборника «Народное хозяйство СССР в 1985 году» приводятся разные данные относительно того, на сколько процентов увеличился национальный доход нашей страны в 1985 году по сравнению с предшествующим, восемьдесят четвертым. Если верить странице сороковой, он увеличился на 3,1 процента, то есть на 15 миллиардов рублей. А в дальнейшем по тексту — увеличение составило лишь 4 миллиарда, то есть 0,8 процента.

Расхождение почти в четыре раза. Одиннадцать миллиардов! Ломаю голову: каким образом в одном и том же издании официального статистического ведомства могла появиться столь противоречивая информация? Это тем более важно, что 1985 год — итоговый для одиннадцатой пятилетки. И если величина национального дохода по восемьдесят пятому году определена неверно, то и все расчеты темпов роста этого показателя в двенадцатой пятилетке оказываются под сомнением.

В такой ситуации было бы естественным ожидать от Госкомстата СССР разъяснений. Или признания ошибки. Но ведомство молчит и упорствует, надеясь на чудо: авось не заметят — ни свои читатели, ни зарубежные. Вместо разъяснений — привычная манипуляция информацией. В очередных ежегодниках за 1986 и 1987 годы данные о величине национального дохода (в миллиардах рублей) вообще исчезли — публикуются лишь процентные показатели, лишь темпы роста (индексы). Ну как тут не вспомнить исчезновение сведений о производстве в стране зерна в статистических справочниках 1982—1984 годов! А ведь за окнами Госкомстата — другая погода: перестройка, гласность, демократизация.

Может быть, настало уже время разрушить привычную монополию статистического ведомства на доступ к социально-экономической информации, на ее анализ и интерпретацию? Необходимо иметь возможность перепроверить результаты расчетов показателей, важных для народного хозяйства и для каждого гражданина. А методику расчетов — обсудить в свободной дискуссии. Мы должны быть уверены не только в том, что имеем право знать все о стране, в которой живем, но и знать это без искажений в ту или иную сторону.

М. А. ИВАНОВ,
кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры ценообразования Ленинградского финансово-экономического института имени Н. А. Вознесенского

■

Мы с мужем свыше тридцати лет проработали преподавателями в одном и том же профессионально-техническом училище, кроме того, активно занимались лекционной и экскурсионной работой.

Оба — экскурсоводы первой категории, авторы методических разработок. За долгие годы у нас скопилась богатая библиотека по истории края, прибалтийских республик, которые мы хорошо изучили, полюбили. Но наступил пенсионный возраст — пора трудная для любого человека, а для человека активной деятельности — вдвойне. Силы есть, есть опыт, позволяющий продолжать трудовую деятельность, заниматься лекционной работой, проводить экскурсии. Но на пути стоят преграды, установленные органами соцобеспечения.

Мы оба заработали максимальную пенсию — 132 рубля. Мой муж, неработающий пенсионер, имеет право заниматься экскурсионной и лекционной деятельностью — без ограничений и без потери пенсии — только два месяца в году. Остальное время — так, чтобы суммарный заработок не превышал 150 рублей в месяц. Я продолжаю работать в училище и, потеряв пятьдесят процентов пенсии, могу зарабатывать до трехсот рублей в месяц. Но стоит мне начать водить экскурсии или читать лекции, расчет идет уже по другой статье — с «потолком» в те же 150 рублей, учитывая как основную, так и дополнительную работу. Нелепость такой ситуации очевидна — распределения доходов по труду здесь нет и в помине.

Естественно, что преподаватель (да, наверное, и любой человек) пенсионного возраста не может отказаться полностью от пенсии и работать в прежнем темпе. Но и жить на одну пенсию тоже трудно и материально, и особенно морально — в отрыве от людей, общества. Правительство сделало доброе дело, разрешив пенсионерам заниматься индивидуальной трудовой деятельностью, работать в кооперативах, не теряя пенсии. Но почему нельзя использовать пенсионеров-преподавателей, пенсионеров-инженеров на интеллектуальном поприще? Их лекционная, преподавательская, пропагандистская, экскурсионная работа принесет не меньше пользы нашему обществу, чем шитье, вязание, изготовление поделок, разрешенные для пенсионеров, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью.

З. В. МАКСИМОВА,
преподаватель
Советск Калининградской области

■

Обращаюсь к вам, потому что не могу понять ситуацию, в которой оказался. По профессии я моряк, хожу в море шесть лет, из них четыре — в загранрейсы. Десять месяцев в году я в море (два рейса по пять месяцев). Естественно, оставшиеся два месяца хочется побыть с близкими. Вот и этим летом я был в отпуске дома, в Грозном. Обратный билет во Владивосток нужен мне был на 5 августа. 4 июля я сделал заказ на рейс Москва — Владивосток. Заказ приняли, но 6 июля пришел ответ: Москва отказала.

Лечу в столицу за билетом во Владивосток, тем самым загружаю и без того перегруженную линию Москва — Грозный, а ведь кому-то надо срочно лететь именно в эти дни. Иду в кассу, прошу билет на 5 августа. Билетов в продаже не оказалось. Прошу на 2, 3, 4, 6 августа — то же самое. Но кассир меня успокоила: «Молодой человек, не огорчайтесь, приезжайте 3 августа, билеты на 4-е или 5-е будут». Мне хотелось все-таки иметь билет и быть уверенным, что улечу вовремя. С этим я и пошел к замначальника аэропорта по перевозкам. Он мне ответил вопросом, от которого я пришел в себя только на улице: «Вы когда-нибудь в магазине были?» Я ответил, что был, конечно. Дальше он сказал: «Вы ведь не можете знать, что привезут завтра и что не привезут. Так же и у нас с билетами». Я, естественно, ничего не понял, вышел и улетел домой в Грозный.

Дальше начинается самое интересное: 3 августа прилетаю в Москву. Стал в очередь в кассу и вдруг слышу просьбу к кассиру: «Мне, пожалуйста, три билета на Владивосток на ближайший рейс». Кассир ответила: только на 5-е. Пока стоял в очереди, в соседней кассе еще на Владивосток двое взяли билеты на 5-е. Подошла моя очередь, и я взял на 5-е. Вот этого как раз я и не понял: 18 июля на 5 августа билетов не было, а 3 августа они появились.

И еще: вы печатаете письма москвичей с жалобами на очереди, которые создают приезжие. Мой к вам вопрос: зачем я вам был нужен в столице те два-три дня? Ведь основным моим занятием. было стоять в очереди — лишь бы как-нибудь время убить, а ведь я не один такой.

Д. А. АГАДЖАНОВ
Находка Приморского края

■

Хочу затронуть вопрос, связанный с партийными организациями наших Вооруженных Сил. В соответствии с Уставом КПСС «Руководство партийной работой в Вооруженных Силах осуществляется Центральным Комитетом КПСС через политические органы». Первичными парторганизациями руководят соответствующие политотделы, и фактически заместители командира по политической части систематически инструктируют партийный актив. Слово «инструктировать» имеет в русском языке однозначное толкование. Стало быть, руководитель парторганизаций один — замполит ротный, батальонный... и т. д.

Что необходимо для того, чтобы стать этим партийным лидером? Не много. В десятом классе возыметь горячее желание, поскольку, сдав вступительные экзамены в политическое училище и окончив его через четыре года, товарищ обречен на руководство партийными организациями вне зависимости от успехов на этом поприще. За многие годы службы ни я, ни мои сослуживцы не припомнят случая перевода несостоявшегося политработника на командную, техническую, тем более инженерную должность. Причин этому много, и одна из них — некомпетентность многих политработников в боевой деятельности своих подразделений. Обусловлено это как издержками специальной подготовки в вузе, так и практикой перевода политработников: из бронетанковых частей — в войска связи, из ПВО — в автомобильную часть и т. п. Очевидно, что при таком положении важнейший принцип воспитания «делай, как я», даже «делай, как я говорю» реализовать затруднительно.

Итак, личный состав политорганов по своему усмотрению руководит парторганизациями, в которых сосредоточены не просто специалисты своего дела, а воспитатели подчиненных, командиры-коммунисты, партстаж которых исчисляется десятками лет. Неужели эти люди не способны проводить партийно-политическую работу? Не все, конечно, но многие? Куда более подготовленные и в идеологическом, и в общевойсковом, и в техническом плане, нежели выпускники политических учебных заведений. Вопрос об этом должны решать товарищи по партии, по совместной службе.

Считаю целесообразным в условиях перестройки первичные выборы (именно выборы) на должность заместителей командиров по политчасти осуществлять из числа офицеров-коммунистов подразделения с последующей их доподготовкой (при необходимости) на двух- или трехмесячных курсах.

И далее. Почему обязанности замполита не может исполнять освобо-

женный секретарь бюро, парткома? Почему система политического руководства, принятая в нашей стране, не удовлетворяет Вооруженные Силы? Думаю, что сохранение неподотчетных коммунистам органов политического руководства в армии никак нельзя оправдать сложностью решаемых задач.

В. М. ЛЕОНЧИКОВ,
майор,
член КПСС с 1974 года
Киев

■

Моей дочке девять лет. Сегодня заглянул в маленький уголок ее игрушечного мира. Он только нам, взрослым, кажется придуманным и несерьезным. В том уголке я увидел нас самих, сегодняшних, со всеми нашими заботами и проблемами.

Высылаю вам нарисованный детской рукой талон — да, да, талон на сахар. Вот в такую игру играет девочка, гостящая у бабушки.

Что ж, ребенок есть ребенок, ему позволительно играть, даже если нам, взрослым, от его игры становится не по себе.

Анатолий СМИРНОВ,
журналист
Кострома

■

Товарищ министр связи СССР! Прошу Вас разъяснить мои сомнения. В данное время нахожусь в Мурманской области, в поселке Ревда. Получил из Гатчины, что находится под Ленинградом, два письма. Судя по почтовым штемпелям (конверты высылаю в редакцию), одно отправлено 1-го, другое — 19 июня. В отделении связи в поселке Ревда они получены 7-го и 25 июля. Итак, по тридцать шесть дней шло каждое из этих писем.

Хотя раньше от того же адресата я получал корреспонденцию за четыре, от силы пять дней.

Что же изменилось теперь в работе Министерства связи? Может быть, из Ленинграда в Мурманск поезда стали ходить через Владивосток? Или не хватает почтовых вагонов?

С уважением

В. С. КОВАЛЕВ

■

Пишу под впечатлением от августовской телепередачи «Перестройка: проблемы и решения». Весь ход диалога за круглым столом с плакатной наглядностью показал бесперспективность административного управления экономикой страны и беспомощность организаций, пытающихся выполнять эту функцию. Передача, помимо воли ее участников, оказалась ярким пропагандистским материалом в пользу радикальной экономической реформы. В своих разговорах о насущных заботах людей собеседники обнаружили удивительную степень непонимания этих забот, а также тех механизмов, которыми связаны между собой явления нашей повседневной жизни.

К примеру, зрители спрашивают: почему с прилавков исчезли пряники, конфеты? Нам объясняют: большое количество кондитерских изделий в последнее время используется не по прямому назначению. Так что: из пряников и шоколадок гонят самогон? Как-то не верится. Другой вопрос: куда девались лезвия для безопасных бритв? Ответ готов: мы стали меньше продавать водки, у людей остаются неистраченными миллионы рублей, их стали тратить на непродовольственные товары народного потребления. Что это значит? Неужели те, кому водки не достать, с горя стали чаще бриться? А самогон, что ли, бесплатно выдают? Еще вопрос: что делается, чтобы не было очередей? Ответ: главное — расширение самообслуживания, внедрение фасованных товаров.

Это письмо я пишу в Архангельске. Здесь нет очередей ни за сливочным маслом, ни за колбасой. Масло лежит аккуратными пакетиками в свободной продаже, а колбасы в магазинах просто не бывает. Как видите, отсутствие очередей может быть обусловлено различными причинами.

В разговоре о том, какие меры принимаются для повышения качества, нам начали толковать о госприемке, о привлечении к приему продукции представителей торгующих организаций, хотя один из собеседников говорил о телевизорах, другой — о корнеплодах.

Неужели участникам круглого стола, ответственным товарищам, невдомек, что проблемы ассортимента, качества, очередей, спекуляции, стиля обслуживания решаются автоматически при условии превышения предложения над спросом? Что при обратном соотношении они принципиально неустранимы?

Ю. С. ВАРШАВСКИЙ
Ленинград

■

Посылаю вам вырезку из газеты «Горьковский рабочий». Обратите внимание на статью под названием «С учетом мнения пассажиров». В ней говорится о том, что в нашем городе в следующем году будет введена в эксплуатацию новая станция метро «Ждановская».

Как это согласуется с тем, что мы теперь знаем о Жданове? Станции метро еще нет, а название уже есть, имя опять увековечено.

Кому это надо? В нашем городе существуют завод, институт, набережная его имени, два бюста этого идеологического палача. Но, оказывается, мало. Надо еще, чтобы в ушах постоянно звучало: «Следующая остановка — станция «Ждановская».

Н. ЛУКЬЯНОВ
Горький

■

В газете «Комсомольская правда» 1 сентября опубликована статья В. Хилтунена «Дети и деньги». Автор статьи критикует недостатки нашей школы, где всем детям, и талантливым, и малоспособным, дается одинаковое усредненное образование по общей программе. В такой школе, по его мнению, к шестому-седьмому классу способности учеников усредняются и «потенциальные Курчатовы никогда уже не станут Курчатовыми, и новых Королевых не видать нам...».

Из создавшегося положения он видит лишь один выход — строить элитарные школы, «лицеи», обучение в которых стоит около 3000 рублей в месяц. Эти школы-кооперативы, оснащенные новейшей компьютерной техникой, первоклассными лабораториями, укомплектованные высококвалифицированными учителями и большим количеством обслуживающего персонала, будут готовить лидеров.

Попробуем выяснить, кто сможет, а кто не сможет пользоваться услугами кооперативных платных элитных школ. В эту группу, очевидно, не входит «архангельский мужик», красноярский арендатор земли и вообще сельский житель, так же, как не воспользуются услугами этих школ металлурги Череповца, шахтеры Кузбасса и Караганды, жители небольших провинциальных городов — по той причине, что такие лицеи можно организовать лишь в крупных центрах: в Москве, Киеве, Ташкенте, может быть, в Ростове-на-Дону и в Днепропетровске. Из жителей крупных центров услугами школьного кооператива не смогут воспользоваться учителя, врачи, архитекторы, библиотекари, фармацевты, рядовые артисты, инженеры и другие интеллигенты, в том числе журналисты и партийные работники, многие рабочие. Очевидно, автор статьи переоценивает финансовые возможности этих социальных групп.

Зато услугами элитных школ могут воспользоваться деловые люди из «теневой экономики» и другие лица, не афиширующие свои доходы. Они, как точно подметил В. Хилтунен, не собираются брать деньги с собой в могилу. Они дальновидные люди, с удовольствием вложат капитал в «дело» — в создание режима наибольшего благоприятствования своему потомству.

Уверен: если государство передаст в частные руки дело подготовки школьной элиты и уровень образования в частных школах будет выше, чем в государственных, то социалистическое общество от этого не выиграет, а пострадает: о социальной справедливости говорить тогда не придется.

А. ГЕРАСИМЕНКО,
инженер
Москва

■

В № 48 за 1977 год и в № 9 за 1978 год правильно ставился вопрос о батарейках для питания бытовой техники. Приемники, магнитофоны, часы, фонарики — все есть в продаже, а вот батареек нет.

Прошло одинадцать лет, но положение не изменилось к лучшему. Раньше обещали обеспечить их достаточный выпуск к 80—81-м годам. Теперь, наверное, срок отодвинется к 1990-му. А дальше что?

Г. ЛИТВИНОВ
Химки Московской области

■

В печати появилось сообщение, что с 1 января 1989 года сбор за пользование транспортным средством (автомобилем) для индивидуальных владельцев будет увеличен — вдвое для городских жителей, а для сельских еще больше. И это при наших-то дорогах, когда автовладельцу полагалось бы приплачивать за бездорожье и усиленный от того износ автомобилей!

Вопрос не обсуждался в печати, и, по-видимому, Минфин (или какое-то другое министерство) готовит (или уже утвердило?) это решение в тиши кабинетов, а теперь поставило миллионы людей перед свершившимся фактом.

Считаю, что в наше время нельзя допускать келейного повышения налогов. Стремление высших чиновников втихую проводить законодательные акты (вспомним закон о налогообложении кооператоров) является полным пренебрежением к интересам больших групп населения. Хотелось бы получить разъяснения по затронутой проблеме, как принято говорить, у компетентных органов. И неплохо бы широко обсудить этот вопрос, поскольку повышение налога на автомашины касается десятков миллионов советских граждан — в городе и на селе.

В. С. ГУРОВ,
ветеран войны и труда,
персональный пенсионер

■

В последнее время наша пресса нет-нет да и вспомнит добрым словом американский Диснейленд. А когда кусочек этой сказочной страны показывали по телевидению, ведущий не ограничился проходным комментарием, а задал вопрос: почему бы и в нашей стране не создать нечто подобное? Неужели не под силу?

Естественно, первое, во что может упереться вопрос: где взять средства?

Есть предложение. Пусть наши общественные и творческие организации на определенных паях выпустят специальную сказочную лотерею. Стоимость билетов — 15, 50 копеек, 1 рубль (люди в возрасте помнят, что такая ступенчатая цена была, например, у билетов давних осоавиахимовских лотерей). Лотерейный билет сможет приобрести и малыш на свои символические деньги, и его папа и мама, и более состоятельные дедушка с бабушкой...

На название, место размещения сказочной страны (думается, совсем необязательно, чтобы им стала Москва) и на ее проект можно объявить конкурс, благо нынче они вошли в практику.

Недавно в печати промелькнуло упоминание, что в создании Диснейленда нашей стране предложили помощь американцы. Разумеется, у них есть достаточный опыт. Помощь — да. Это не противоречит сказанному. Но содержание, дух страны чудес должны быть нашими, национальными. Как и наше всеобщее участие...

Кто «за»?

Г. А. ПУШКАРЕВ,
конструктор
Свердловск

Наш адрес:
101456,
Москва,
Бумажный проезд, 14.

ПРОШУ СЛОВА!

Синдром Отца

Николай МИХАЙЛОВ,
доктор философских наук

МИФЫ, НАДЕЖДЫ, УГРОЗЫ

Приходилось ли вам, читатель, бывать в детских домах для сирот «при живых родителях»? Я имею в виду тех отцов и матерей, которые или лишены родительских прав за непотребный образ жизни, или сами отказались от своих малышей как от обременительной обузы. Если доведется побывать и поговорить с ребятишками, обратите внимание на такой — психологически любопытный — феномен. Многие из детдомовцев прекрасно помнят тяжелую обстановку в своих бывших, так называемых «неблагополучных» семьях. Помнят беспробудные пьянки родителей, жуткие сцены с криками и побоями, скотскую жизнь взрослых людей и их бесчеловечное, очень часто более чем жестокое обращение с детьми, то есть с ними самими — нынешними обитателями детского дома. Все это они знают, помнят, но...

Но при этом они готовы убеждать себя и других, а многие из них просто-таки искренне убеждены в этом — что их спившиеся и потерявшие человеческий облик матери — лучшие женщины на земле. «Неправда, что она плохая! Это говорят те, кто не знает ее. А я знаю: она хорошая, очень хорошая!». Дети их любят, несмотря ни на что.

Про отцов так говорят значительно реже...

«МЫ СЛОЖИЛИ РАДОСТНУЮ ПЕСНЮ...»

Ситуацию детского дома я вспоминаю всегда, когда речь заходит о Сталине. Отношение многих взрослых людей к Сталину очень напоминает отношение малышей-детдомовцев к своим родителям. Они вроде бы и знают обо всем трагическом, что связано с культом великого Отца, но знают как бы умом, а сердцем упрямо отталкивают это знание, не принимают его.

В самом деле, не странно ли — газеты и журналы, книги, телевидение в последнее время представляют более чем убедительные факты и свидетельства того, что не кто иной, а именно Сталин — главный виновник искажения ленинских принципов строительства социализма... Что именно Сталин, превративший диктатуру пролетариата в диктатуру своей личной власти и власти созданного им партийно-административного аппарата, является непосредственным организатором массовых репрессий... Что именно по его личному указанию был уничтожен цвет партии (достаточно вспомнить о том, что было репрессировано три четверти ЦК, избранного XVII съездом)... Что именно с его благословения был опустошен интеллектуальный фонд нации — научная и художественная интеллигенция (только среди писателей погибло свыше тысячи человек). А сколько арестованных, но выживших! Что именно его подпись стоит под списками приговоренных к расстрелу практически всего высшего командного состава Красной Армии (и это — на пороге громадной войны!)... Что именно по его «гениальным стратегическим замыслам» миллионы и миллионы русских, украинских, белорусских, а позже молдавских, литовских, эстонских и латышских крестьян оказались в концлагерях для врагов народа... Что именно по его высочайшему повелению целые нации и народности — от грудных младенцев до стариков — за одну ночь вывозились из родных мест под дулами автоматов...

Так вот я и говорю: не странно ли, что, несмотря на столь очевидные, убийственные в своей безоговорочности свидетельства вины Сталина перед страной, перед народом, перед партией, перед социализмом,— несмотря на это, многие взрослые люди упорно твердят: «Не верим». Отмахиваются: «Это — не он». Требуют: «Руки прочь от Сталина — великого вождя и великого человека»!

Нет, не странно. И дело здесь не в знании или незнании истории, а в том, что я бы назвал Синдромом Отца. Грубо говоря, суть его читается так: виноват мой отец или не виноват, но он мой отец.

«Мы звали — станем ли лукавить? —
Его отцом в стране-семье.
Тут ни убавить,
Ни прибавить,—
Так это было на земле»,—

писал Александр Трифонович Твардовский. Писал, как ему уже казалось, в прошедшем времени. Сложность, однако, состоит в том, что все, кому сегодня не меньше 45 лет от роду, в той или иной мере испытали на себе могучие прививки этого Синдрома.

Хорошо помню себя — шестилетнего, идущего за руку с мамой по праздничным первомайским улицам, увешанным на каждом шагу портретами человека с усами.

— Мама,— спрашиваю я,— правда, что Сталин никогда не умрет?

Мать смотрит на меня удивленно, а потом понимающе улыбается:

— В самом деле, трудно представить такое.

И разве не я пел в школьном хоре «радостную песню о великом друге и вожде»? И разве не я писал сочинение на тему «Сталин — нашей юности полет»? Что же говорить о тех, кто старше меня! О тех, кто три десятка лет жил и трудился с его именем на устах и шел в бой с этим именем?

Когда я слышу сегодня разговоры о культе Хрущева или культе Брежнева, мне становится смешно. Помилуйте, какой культ! Чей? Тех, о ком, не таясь,

Фото Марка РОЗОВА

рассказывали анекдоты и передразнивали косноязычную манеру речи? Тех, над кем откровенно смеялись, ни на грош не веря официальному славословию? Тех, кого иронически называли кукурузником или великим малоземельцем? Разве это культ?

Культ — когда человек становится богом. Когда каждая Его фраза, даже если она обронена по «вопросам языкознания», воспринимается как гениальное откровение. Когда одно только появление на сцене — нет, не Его самого, а всего лишь актера в Его роли — встречается овацией. Когда сомневаться в том, что именно Он — «вдохновитель и организатор всех наших побед»,— значит, сомневаться в неизбежности восхода солнца и в любви собственной матери. Когда, полуголодный и одетый в какие-то ремки из перешитой солдатской шинели, ты кричишь вместе со всеми: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» И тебя распирает от восторга.

Наверное, когда-нибудь (будем надеяться, что скоро) ученые-обществоведы исследуют социальный и идеологический механизм формирования культа личности. Хочется, чтобы они не упустили при этом и то, как формировался Синдром Отца. А формировался он с самого раннего детства, и делалось это подчас очень талантливо. Давайте, для примера, еще раз прочтем детское стихотворение Льва Квитко, которое привел в своих заметках о Бухарине («Юность», 1988, № 3) В. Амлинский.

Опять я склонился к зеленой сосне.
Вдруг серые волки подкрались ко мне:
Раскрыли клыкастые пасти —
Вот-вот растерзают на части!
Не мог шелохнуться от ужаса я...
Мамочка, мама, голубка моя!
Но Сталин узнал, что в лесу я стою,
Разведал, услышал про гибель мою
И танк высылает за мною,
И мчусь я дорогой лесною.
. . . .
Мамочка, мама, голубка моя!
Настежь открылись ворота Кремля,
Кто-то выходит из этих ворот,
Кто-то меня осторожно берет,
И подымает, ***как папа*** *меня,**
И обнимает, ***как папа*** *меня.*
И сразу мне весело стало!
...А кто это был?
Угадала?

Правда, хорошо? Особенно сравнение с папой? Вот так создавались и вбивались в детские головы мифы об Отце и Лучшем Друге советской детворы, что, впрочем, далеко не всегда спасало их авторов (Лев Квитко тоже был уничтожен).

Давно уже стали взрослыми, многие седыми, а многие просто старыми — те, кто учил подобные стихи наизусть, чье детство, юность и отрочество прошли под знаком мнимой Отцовской заботы. Но как же не хочется расставаться со сказками молодости! И эти сказки снова и снова рассказываются внукам и правнукам, попадают в воспоминания очевидцев, оседают в архивах, предлагаются для публикаций. И смысл их чаще всего однозначен: «Не верьте тому, что о нем говорят. Он был хороший, очень хороший!»

КАК СТАЛИН СТАРУШКУ ПОДВОЗИЛ

Однако просто кричать «Не верю!» и «Он — хороший!» — прием малоубедительный. Нужны доказательства. Сталинские сироты готовы их представить.

Вспоминаю, как года два назад в редакцию газеты, где я тогда работал, пришел пожилой инженер и принес с собой довольно объемную рукопись. Это были машинописные выпечатки из опубликованных в 60—70-е годы мемуаров военачальников, а именно тех их страниц, где говорилось о Сталине. Своего рода мемуарная антология о полководческом искусстве Сталина. Понятно, что там и намека не было на провальные военные решения, в результате которых немецкая армия оказалась на берегах Волги, а число попавших в плен бойцов и командиров Красной Армии исчислялось уже в начале войны несколькими миллионами человек. Ни слова не говорилось и о том, ценой каких жертв обеспечивалась «мудрость десяти сталинских ударов». Как будто бы этого и не было вовсе. Зато с почтительным придыханием повествовалось о строгости (но справедливости!) Сталина, о многозначительных репликах в промежутках между раскуриванием трубки, о том, как ему не понравилась первая — слишком роскошная — модель мундира генералиссимуса и он приказал пошить мундир скромнее. И так далее, и так далее.

* Выделено мной.— Н. М.

— Вот,— сказал инженер,— видите, какой он был? Это все надо опубликовать отдельно. Уверяю вас, читаться будет взахлеб,— я у себя на работе проверял: отбоя нет — все просят почитать.

— Но тогда,— возразил я,— рядом нужно напечатать и воспоминания тех, кто рисует Сталина по-другому: пишет о его грубости и заносчивости, о патологической подозрительности, маниакальном упрямстве, бесчеловечности; я уж не говорю — о критике его действий и решений.

— Зачем? — искренне удивился инженер.— Это же все неправда.

Продолжать дискуссию было бесполезно: Синдром Отца отбрасывал все контрдоводы, как стена горох. Неправда, и все тут! Мифы были сильнее фактов, сильнее статистики, сильнее здравого смысла.

При этом самое, пожалуй, любопытное то, что мифотворческое сознание не отрицает факты вообще. Наоборот, оно их тщательно коллекционирует, отбирает, но со строго заданной целью — обелить Отца, доказать его мудрость и человечность. И уж если такие факты отыскиваются (а они, конечно, отыскиваются — ведь Сталин, как и любой человек, не одномерен), то они тут же возводятся в абсолют и становятся нерушимым оплотом убеждений.

Пример тому — интереснейшая публикация воспоминаний А. Рыбина «Рядом с И. В. Сталиным» в третьем номере журнала «Социологические исследования» за этот год. Поскольку журнал (тираж 15 тысяч экземпляров) известен лишь узкому кругу специалистов, есть смысл рассказать об этих воспоминаниях подробнее.

А. Т. Рыбин в тридцатых годах служил в органах НКВД, в том числе в подразделении, которое обеспечивало безопасность членов правительства. Выйдя на пенсию, он собрал воспоминания, устные рассказы своих сослуживцев — тех, кто охранял или обслуживал Сталина. Боже милостивый, каким добрым, человечным, отзывчивым, чутким и бесстрашным предстает в этих воспоминаниях Иосиф Виссарионович!

Чего стоит, например, один лишь рассказ о том, как, едучи на дачу, он подвез старушку, идущую с богомолья!

«Сгорбившись, опираясь на палочку, она брела по обочине. Вдруг Сталин сказал: «Пригласите старушку в машину, мы довезем ее до дома». Автомобиль остановился. Я подошел к старушке и говорю ей: «Мамаша, товарищ Сталин приглашает вас в машину, нам по пути, мы довезем вас до дома». Старушка как-то странно посмотрела на меня и сказала: «Сынок, в своем ли ты уме?» В этот момент Сталин распахнул дверцу. Увидев его, старушка перекрестилась: «Господи, неужели это товарищ Сталин? Иосиф Виссарионович?» — «Самый настоящий. Вы не стесняйтесь, садитесь в машину, мы довезем вас до дома»... Выйдя из машины, старушка еще долго кланялась нам вслед и крестилась».

Еще бы ей не перекреститься: ведь она стала свидетелем события, ничуть не меньшего по своей уникальности, чем явление Христа народу.

А вот другая замечательная история.

«Летом 1946 года Сталин ездил на юг. В Орле он решил пройтись пешком по городу. Орел лежал в развалинах. Сотни людей сопровождали вождя, карабкаясь через руины. На одной из улиц перед ним вдруг возникла женщина с ведрами... Она бросила ведра, всплеснула руками, горько заплакала. Потом обняла Сталина, причитая: «Дорогой товарищ Сталин, разве можно ходить по нашим улицам?» Тот ответил вопросом на вопрос: «А разве нам не разрешается ходить по улицам вашего города?» Женщина продолжала причитать: «Если бы не вы, товарищ Сталин, нам бы не одолеть проклятого врага. Спасибо вам за это».— «Вам спасибо, победил врага народ, а не я».

Не правда ли, так и подмывает закричать «ура» и начать бросать чепчики в воздух?

Но ведь эти случаи, вероятно, действительно были,— скажет иной читатель. Были,— соглашусь я,— но и что из этого? По точному замечанию профессора-социолога И. Бестужева-Лады, комментирующего в этом же журнале воспоминания Рыбина и его сослуживцев, авторам мемуаров о Сталине присущ поразительный социальный дальтонизм. Умиляясь тем, как Сталин подвозил старушку, они не хотят видеть судьбу многих миллионов таких же старушек после того, как в результате сталинского правления было вконец подорвано сельское хозяйство, разорены дотла миллионы крестьянских хозяйств, а затем миллионы людей погибли от голода. Не знают они этого? Знают. Но Синдром Отца и здесь оказывается сильнее знания. Вот уже поистине — мы рождены, чтоб сказку сделать былью.

ЗАЧЕМ ОНИ ЕГО ЗАЩИЩАЮТ, ИЛИ ПРОГРАММА-МИНИМУМ НИНЫ АНДРЕЕВОЙ

Было бы наивно полагать, что мифы о «великом друге и вожде» создаются просто так, для сотрясения воздуха. Ничего подобного! В этих мифах — ностальгия части общества (и, прямо скажем, немалой части) по старым порядкам, по отмирающей на наших глазах командно-административной системе, по той жесткой регламентации жизни, когда за тебя думали вожди, и не нужны были никакие перестройки, никакая гласность, никакая демократизация. Он совсем не такой уж безобидный — Синдром Отца. Напротив, он агрессивен и готов в любой час (только бы он пришел этот **их час!**) поддержать откат общества назад.

В этом меня окончательно убедила переписка небезызвестной Нины Андреевой со своими читателями и почитателями, возникшая после публикации ее статьи «Не могу поступаться принципами». Малую часть этой переписки откопали и опубликовали журналисты латвийской газеты «Советская молодежь» (12 июля 1988 г.). Мне остается лишь представить ее широкому читателю.

Сначала — письмо к Нине Андреевой.

«Уважаемая Н. Андреева!

Прочитал в газете «Советская Россия» вашу статью. Я в восторге! Нахожусь под большим впечатлением от этого вашего манифеста, как окрестил статью народ. Выношу вам как от себя лично, так и от всех моих друзей, товарищей, близких большущее спасибо и искреннюю, сердечную благодарность за ваш нелегкий труд и мудрость.

Вы, надеюсь, читаете в газетах, слушаете по радио и телевидению нападки против вашего манифеста, который уж очень, видно, задел за живое этих волюнтаристов «перестройки». Так им и надо! Нельзя сдаваться ни вам, ни нам. Нужно дать бой всем тем, кто обрушился на ваш манифест. Я вас очень прошу: дайте достойный ответ на выступление против вашей статьи. Поверьте, вас поддерживают миллионы честных советских людей.

Я убежденный сталинист и уверен, что здоровые силы в нашем обществе и за рубежом победят разгульный бум опорочивания культа личности Сталина и все, что с ним связано. Надо только по-сталински не сдаваться и поступать так, как поступал Сталин,— находить в трудную минуту выход из самого безвыходного положения.

Обидно, что такого человека, как Сталин, сравняли с мусором. Ради этого человека люди бросались под танки, с его именем завоевывали мир на земле. Сталин чист перед народом, народ жил хорошо и всего было вдоволь...

...Кстати, ваш манифест размножается и распространяется среди народа. На черном рынке ваша статья стоит от трех до пяти рублей. Она стала поистине народным манифестом...

С уважением
С. М. НОВИКОВ,
капитан I ранга в отставке,
инвалид ВОВ, член КПСС с 1942 года,
Рига».

А теперь — ответ Н. Андреевой.

«Уважаемый Семен Михайлович!

Спасибо за ваше письмо и моральную поддержку. С вашими оценками и выводами полностью согласна и разделяю их. Вешать нос и сдаваться не собираюсь, от принципов, за которые Вы проливали кровь, никогда не откажусь. А вот давать ответ фальсификаторам и очернителям не могу, поскольку никто после статьи в «Правде» мне не даст опубликовать свои взгляды. А если и дадут, то так «отредактируют», что и своей статьи не узнаешь. После моей статьи поток фальсификаций возрос. И теперь, чтобы им всем отвечать, то надо писать целую книгу. Думаю, что сейчас это не главное.

Учитывая, что Сахаров, Гельман, Шатров и другие «прорабы духа» призывают ныне к ползучей контрреволюции, наподобие «пражской весны» 1968 г., необходимо везде, где возможно, давать им отпор, не пропускать ни одного выпада против Сталина и нашей революции, и социализма. И писать не только в те газеты, которые публикуют клевету, но и копии в ЦК и на партконференцию. Пока другим способом не дано нам выразить свое мнение. Пусть не публикуют, но считаться придется.

Примите от меня самые лучшие пожелания.

С глубоким уважением
Н. АНДРЕЕВА,
23.05.88 г., Ленинград».

Нужны ли комментарии? Наверное, все-таки нужны. Прежде всего я бы не стал ставить в один ряд авторов переписки. Готов понять чувства С. М. Новикова. Истоки его «отцовского синдрома» лежат в тех военных днях, когда «ради этого человека люди бросались под танки». К сожалению, позиция столь же распространенная, сколь и ошибочная. Да, люди умирали **с именем** этого человека, но **не ради** него. И не их вина в том, что их научили, заставили, побудили всеми методами — начиная от детских стихов — боготворить «великого вождя и учителя». После XX съезда партии, когда впервые была сказана горькая правда о культе личности Сталина, многие из них испытали шоковое состояние. Одним оно помогло прозреть, другие ошибочно восприняли разоблачение культа как попытку поставить под сомнение их собственный жизненный путь. Досадно, но это так.

Беда этих людей в том, что многие из них до сих пор остаются в прошлом. Духовное и нравственное взросление общества словно не коснулось их, оставив жить среди реалий и мифов 30-х, 40-х, 50-х годов. Старые строчки гимна — «нас вырастил Сталин на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил» — не столь уж метафоричны, как это может показаться. Их взгляды и представления во многом действительно взрастила идеология культа вождя, с чьим именем связывались все достижения страны. Осуждать их за это? Нет, это было бы так же несправедливо, как порицать малышей-детдомовцев за «святую ложь» в оправдание своих непутевых родителей.

Другое дело — люди типа Нины Андреевой. Они моложе и образованнее, им принадлежат в обществе многие ключевые посты — среди них можно встретить и хозяйственного руководителя, и преподавателя вуза, и работника партийного аппарата, и деятеля культуры, и т. д., и т. п. Откуда же в них этот дремучий сталинизм? Только ли из «счастливого детства»? И что для них — пятидесятилетних или около того — означает Сталин?

Если бы все дело было только в Иосифе Сталине как таковом, в его памяти, в оценках его деяний! Да разве бы стали они из-за этого копья ломать и сочинять трехрублевые манифесты? Убежден: не Сталин для них главное, а миропорядок сталинского типа. Тот жесткий, казарменно-барачный порядок, при котором «шаг вправо, шаг влево — считается побег» и который способен регламентировать все — от широты мыслей до ширины брюк.

Известно, что субъективно консерваторами могут двигать и благие намерения. Более того, и новаторы-перестройщики, и консерваторы-неосталинисты, в сущности, едины в своей критике периода застоя — его разболтанной и малоэффективной экономики, его пассивной и заформализованной политической жизни, его идеологического безверия, бездуховности и аморальности. Принципиальные расхождения начинаются тогда, когда речь заходит о путях оздоровления общества. Одни убеждены в том, что эти пути надо искать в стимулировании экономических интересов, в демократизации и гласности, в полновластии народа. Другие видят путь к порядку в завинчивании гаек, в твердой руке строгого Хозяина, в усилении командных методов, во всевластии аппарата. Отсюда — и ностальгия по сталинским временам, и неприятие перестройки.

Предельно откровенный ответ Н. Андреевой говорит сам за себя. Программа-минимум объявлена: «Пока другим способом не дано нам выразить свое мнение...» (как вам нравится это «**пока**»?) — писать, писать и писать — в газеты, в ЦК, «не пропускать ни одного выпада против Сталина». «Пусть не публикуют, но считаться придется...».

Это точно — придется. Скажу больше — необходимо считаться. Необходимо знать противников перестройки, их взгляды, надежды, угрозы. Сегодня они еще **пока пишут**. Но не будем заблуждаться в их способностях. Нет никаких сомнений в том, что сталинские сироты постараются использовать любую пробуксовку перестройки, каждую нашу трудность — от магазинных очередей до экстремистских забастовок и националистических выходок. Любая наша проблема — для них просто подарок. Как же! Ведь это дает повод злорадно заулюлюкать: вот вам ваша демократия, вот вам ваша перестройка! А все, мол, потому, что нет Его, ибо при Нем был порядок...

Что же касается рекомендаций по установлению порядка, то здесь у сталинских сирот опыт великий. Задуматься бы об этом тем, кто, щеголяя сегодня «левой» фразой, пытается использовать волны демократии и гласности для раскачивания корабля. Задуматься бы о том, кому на руку иные митинговые страсти вместо работы, выкрики вместо дел, нагнетание эмоций вместо конструктивных поисков? Кому это выгодно? Чему служит? Не сталинскому ли синдрому?

Поэтому будем разумны в словах и делах. Будем ответственны. И будем работать. А они пусть пишут.

ТАМАРА ХАНУМ НА СЦЕНЕ И ДОМА

В ИНДИИ ЕЕ ЗВАЛИ ХАМАРИ ТАМАРА, ЧТО В ПЕРЕВОДЕ — НАША ТАМАРА. В КИТАЕ — ЦИНАЙДА-МАМА, ТО ЕСТЬ ДОРОГАЯ МАМА, А В МАРГИЛАНЕ, НА РОДИНЕ АКТРИСЫ, ОНА ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН. В УЗБЕКИСТАНЕ ОНА ОБЩАЯ ЛЮБИМИЦА. В ТАШКЕНТЕ СПРОСИ ЛЮБОГО ЧЕЛОВЕКА, СКАЖИ «ТАМАРА ХАНУМ», И ТЕБЕ ОТВЕТЯТ, КТО ЭТА ЖЕНЩИНА И ЧЕМ ЗНАМЕНИТА.

Лишний раз в этом убедился, когда выяснял у жильцов многоквартирного дома на улице Пишпекской, где тут живет Тамара Ханум. Мои собеседники цвели улыбками, провожая к подъезду.

Этот дом построен сравнительно недавно, не успел еще «обрасти» деревьями и числится под номером первым. Здесь и разместилась «Постоянно действующая выставка костюмов Тамары Ханум». Той самой легендарной артистки, чье искусство покорило многие страны, которую назвали Ханум за ее величие в искусстве.

Приходят гости отовсюду, бывают и из зарубежных стран. И все, конечно, хотят видеть Тамару Ханум.

На другой половине зала дверь, которая ведет в квартиру хозяйки. И вот мы в кабинете народной артистки Советского Союза, лауреата Государственной премии СССР Тамары Ханум.

— Низкий поклон вам, глубокоуважаемая Тамара Артемовна! Посмотрел вашу выставку и диву даюсь. Как вы все успевали делать?

— Это очень просто. Чуть раньше вставала, чуть позже ложилась.

— Тамара Артемовна, в музее я видел один из документов. Там написано так: «Тамара Ханум — первая лапаристка в Узбекистане». Что такое лапар?

— Лапар — это жанр. Синтез песни и танца.

— А чему вы все-таки отдавали предпочтение — вокалу или хореографии?

— Трудно сказать, чему... Вы знаете, пожалуй, сложно противопоставить одно другому. Да и стоит ли? Как можно разделить душу народа? Конечно, слияния с музыкой можно достичь и в хореографии, но гармония, на мой взгляд, заключается в единстве искусства пения и танца. А знание одного танца помогало мне в овладении другим. Например, танцы Испании, Албании, Китая роднит с индийскими специфический сверхсложный ритм в отличие, скажем, от русского танца, где на первом плане — мелодия.

Я слушаю и смотрю на развешанные на стенах фотографии. На одной из них запечатлена испанка. Движения ее стремительны, голова гордо поднята вверх. Это Тамара Ханум. Но вот звуки кастаньет стихают. Раздается плавная восточная мелодия. Свет гаснет, и в полумраке сцены возникает гибкая фигура танцовщицы, обвитая тонкой серебристой тканью. Это танец индонезийской девушки. Напевная арабская мелодия сменяется сложным турецким ритмом. Когда же на сцену изящными шажками выходит грациозная индийская танцовщица в красном с золотом сари, невозможно поверить, что эта артистка недавно сжимала в руках кастаньеты, а потом танцевала полный экспрессии узбекский «дойра-ракс».

Когда-то «Известия» писали: «Армянка по происхождению, она неотделима от узбекского национального искусства, она постигла его глубины, раскрыла красоту песенно-танцевального творчества народов Узбекистана и других республик Средней Азии. Тамара Ханум исполняет песни на 86 языках».

Эта женщина поистине служитель муз. Сама муза. Ее искусством восторгались такие разные люди — Долорес Ибаррури, Радж Капур, Джавахарлал Неру. Ей писали Чарли Чаплин, Галина Уланова, Пабло Пикассо, Алексей Толстой, Арам Хачатурян, О. Л. Книппер-Чехова. Нарком Луначарский в 1926 году перед поездкой во Францию первых советских артистов назвал ее «первой восточной ласточкой».

Она объехала весь мир. Гастроли в Афганистане, Монголии, Пакистане, Индии, Англии, Норвегии, Франции, Китае, Польше, Албании... Но еще больше ездила по родной стране, встречаясь с рабочими и солдатами, строителями плотин и каналов — в стужу, зной, на любом, самом экзотичном «транспорте» — верблюдах и ослах, оленях и собаках — добиралась до сценической площадки, которая зачастую представляла собой кузов грузовика, крышу маленького каракалпакского домика или утрамбованную сибирским снегом самодельную сцену.

Сорок пять дней она пела, танцевала и работала как строитель на Большом Ферганском канале. Будучи уже далеко не молодым человеком, выезжала на строительство Братской ГЭС, в далекую и холодную Якутию.

Творческая биография Тамары Ханум необъятна, но есть в ней страницы особого рода. Это незабываемые военные годы. В первый же день она послала телеграмму правительству страны с просьбой отправить ее на фронт. Я смотрю на документы, на макет танка № 77, купленного на деньги артистки. Кроме танка, был построен и отправлен на фронт самолет с экипажем узбекских гвардейцев. А в 1943 году ей, первой советской актрисе, присвоили звание капитана Советской Армии. В приказе говорится: «За исключительно большую работу среди личного состава войск. Показав свое мастерство и высокое искусство, Тамара Ханум сумела поднять боевой дух и воодушевить бойцов и командиров».

Все дальше на Запад, вместе с наступающими нашими частями, двигался ансамбль Тамары Ханум, вступая на земли освобожденной Европы. Под затихшим мирным небом Австрии звенели струны чанга и рубаба, гремела звонкая дойра и лились песни народов Страны Советов.

Сегодня Тамара Ханум продолжает служить искусству. Ее благотворительные концерты — всегда событие. Когда она выходит на сцену, зал замирает, время стремительно несется назад, отсчитывая десятилетия. Непостижимо — люди гадают: сколько же лет актрисе?

Сколько ей лет, если она так поет и так легко танцует, однако, мать двоих детей, бабушка пятерых внуков и прабабушка четверых правнуков?

Искусство способно на волшебство.

А дома Тамара Ханум добра и гостеприимна. И всегда ждет гостей, встречая их словами: «Хуш келибсиз» — «Добро пожаловать!»

Суйниш Срымов-Марьям

Паоло **ВЕРОНЕЗЕ**. 1528—1588. ПОКЛОНЕНИЕ ВОЛХВОВ. 1571.

ПАЛИТРА

ЛЕВ ЖИВОПИСИ

Четыреста лет со дня смерти Паоло Веронезе, художника, завершающего «список» титанов эпохи Возрождения.

Когда после трехвекового срока будто наново открывала Европа живое дыхание венецианского Возрождения, французский знаток искусства Ипполит Тэн писал о картинах великого веронца: «Чем больше созерцаешь идеальные фигуры, тем более чувствуешь за собою веяние героического века. Большие задрапированные старики, с голым черепом,— это патриции — цари Архипелага, полуварварские султаны, принимающие, влача свою шелковую рясу, дань или повелевающие казнь. Надменные женщины, в длинных, расшитых, ниспадающих складками платьях,— императрицы — дочери республики... Мускулы бойцов на этой бронзовой груди моряков и капитанов; их тела, загоревшие от солнца и ветра, схватились с атлетическими телами янычаров; их тюрбаны, их шубы, их меха, рукоятки их сабель, усеянные драгоценными камнями,— все это азиатское великолепие смешивается на этих фигурах с античными складками одежд и традиционно-языческой наготою. Их прямой взгляд еще спокоен и дик — и гордость, трагическое величие выражения обличают близость к той жизни, когда человек, сосредоточившись в нескольких простых страстях, не имел другой мысли, кроме желания быть господином, чтобы не стать рабом, и убивать, чтобы не быть убитым». Вот такие люди — купцы, капитаны, патриции держали железною рукою власть в республике Венеции. Свободная Венеция творила и свой художественный стиль, черпая со всех стран света сочную красочность, жаркую живописность. И все это вобрал Веронец, двадцатипятилетний Паоло Кальяри, которого пригласили из Вероны для создания росписей во дворце дожей — Палаццо дукале.

На родине Паоло работал в фреске (водяными красками по сырой штукатурке), в Венеции он создает росписи маслом на холстах, которые потом были заключены в великолепные резные обрамления, разделяющие потолки на части.

Крылатый лев святого Марка — герб Венеции царил над Средиземноморьем. Не бывало там для художников недостатка в работе, не то что нужды, а значит, и необходимости куда-то уезжать. Не покинул дивного города ни разу после приезда и Веронец. Он еще работал в Палаццо дукале, а уже появился новый заказ — плафоны церкви св. Себастиана. Вновь работа маслом на холстах.

Триумфом Веронезе стал холст «Триумф Мардохея». Картина ошеломила венецианцев — заговорили о гении Веронца: великий колорист, властелин цвета!

Около 1560 года Веронезе завершает первое из своих — не знающих ничего схожего в искусстве по праздничности — «пиршеств»: «Пир в доме Симона Фарисея».

На пирах у Веронезе всегда только его сограждане. И можно понять живописца, зачем ему было фантазировать, облекать персонажи в канонизированные одежды, когда живые впечатления буквально захлестывали воображение игрою тканей, брызгами драгоценных изделий лучших ювелиров мира! Веронезе в своей жажде запечатлеть все это словно предвидел, что ничего похожего более уже не узрит свет. Даже обращаясь к сюжетам из античной мифологии («возрождая» их, отчего произошло и само имя эпохи), он придаст героям венецианский облик. В «Марсе и Венере» мы узнаем тех же могуче-бронзовых моряков, капитанов, кондотьеров, а в женщинах — золотоволосых венецианок (была у них мода выцвечивать темные кудри до особого золотистого отлива)...

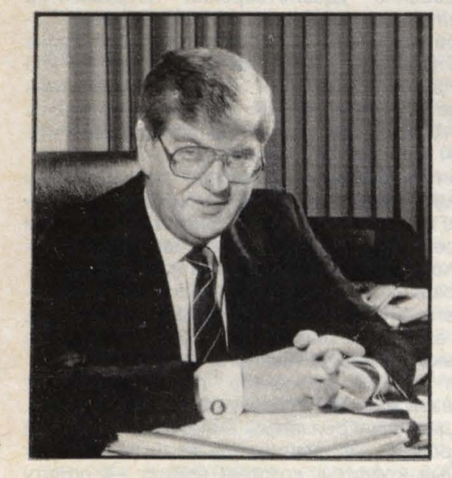
На исходе 1560-х — начале 70-х годов мастер создает лучшие свои работы. Среди них «Битва при Лепанто» — о битве, в которой Венеция одержала последнюю свою победу над феодало-церковничеством, вырвав себе еще несколько лет свободы.

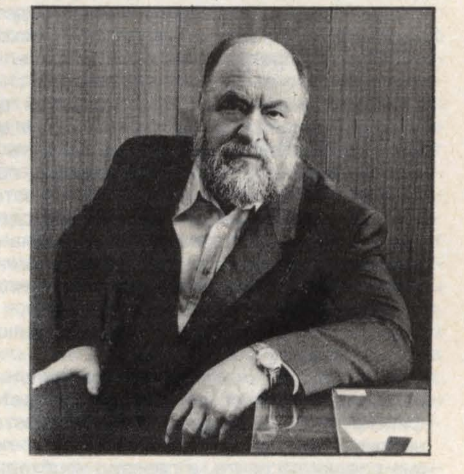
После этого Веронезе шагнет в едва ли не языческую буйность и роскошно-архитектурную разубранность в «Пире в доме Левия». Выше этой перенасыщенной жизнью праздничности, заполнившей 5,5 метра высоты и 13 метров ширины, Веронец не поднимется — остановят! Радость осознания себя и своих героев равными богам приметят — увы! — не одни зрители. Приметят и те, кто постепенно удушил венецианскую вольность, кто в ту пору, к счастью, еще не обладал достаточной властью, чтобы лишить художника жиз-

Окончание на 4-й вкладке.

СЕМЬЯ КУЧЧИНА
ПЕРЕД МАДОННОЙ. 1571.

С КОЛОКОЛЬНИ БАНКИРА

С председателем правления «Московского народного банка» Александром Степановичем МАСЛОВЫМ беседует специальный корреспондент «Огонька» Леонид ПЛЕШАКОВ.

С Александром Степановичем Масловым я встретился в московском представительстве «Московского народного банка», которое расположилось в огромном здании на Покровском бульваре вместе с офисами многих других иностранных компаний, чьи штаб-квартиры находятся в Японии, Франции, Соединенных Штатах Америки и так далее. Согласитесь, не совсем это обычно звучит: представительство английского «Московского народного банка» в ...Москве. Да и то, что сам председатель его правления приехал из Лондона в нашу столицу в краткосрочную командировку для налаживания контактов с советскими внешнеторговыми организациями — тоже выглядит довольно своеобразно. Поэтому в самом начале беседы я попросил Александра Степановича прояснить ситуацию.

— «Московский народный банк» — это акционерный коммерческий банк в Лондоне, учрежден 18 октября 1919 года. Тогда его основной капитал составлял 250 тысяч фунтов стерлингов. Правда, у него был предшественник с тем же именем, основанный в 1911 году и являвшийся всероссийским кредитным центром всех видов кооперации. В 1915 году он открыл свое агентство в Лондоне, чтобы способствовать выходу русских кооператоров на английский рынок. В 1917 году баланс банка равнялся 321 миллиону рублей, а членами состояли 4629 кооперативов. Во время революции он был национализирован и возродился в октябре 1919 года уже в новом качестве. Ныне его акционерами являются Госбанк СССР, Внешэкономбанк СССР, Стройбанк, целый ряд советских внешнеторговых объединений.

За свои примерно семьдесят лет жизни «Московский народный банк» вырос в один из крупнейших в лондонском Сити: входит в первую десятку иностранных банков, расположенных здесь, и первые пятьсот крупнейших финансовых компаний мира.

— Каким образом определяется место в этом списке?

— Оценка ведется по размеру собственных и привлеченных средств. Сейчас основной капитал «МНБ» — средства, переведенные советскими акционерами,— составляет более ста миллионов фунтов стерлингов. Его размеры позволяют нам привлекать средства с денежного рынка и проводить операции примерно до двух с половиной миллиардов фунтов. Такое соотношение принято в Сити и регулируется центральным банком Великобритании — «Банком Англии», который неофициально называют еще «Старая Леди».

— И все-таки они, честно скажу, не особенно проясняют, чей же все-таки это банк: наш или «их»?

— В этом и заключается уникальность «МНБ»: хотя его владельцами-акционерами являются советские организации, юридически же он зарегистрирован как британская компания, являясь таковой и фактически. Например, банк подчиняется всем законам, существующим в лондонском Сити. О своей деятельности он систематически отчитывается перед «Банком Англии», выполняя все его требования и рекомендации. В конце финансового года он выплачивает в британскую казну налог — 35 процентов от полученных доходов. А вот чистую прибыль «МНБ» переводит в... Москву своим акционерам.

— Кто ваши сотрудники по национальной принадлежности?

— Двести человек — граждане Великобритании. Это диллеры, осуществляющие все текущие финансовые и валютные операции, кредитники, клерки, технический персонал. Семь человек — председатель банка, его зам и пять членов правления — советские граждане. Организационная структура «МНБ» практически ничем не отличается от любого другого банка, расположенного рядом с нами, в Сити.

— Наверное, престижно входить в десятку крупнейших иностранных банков Сити?

— Естественно. Бурные экономические события, проходящие в последнее время на нашей планете, способствовали тому, что у лондонского Сити появились серьезные конкуренты в США, Японии, ФРГ. Они нажимают, стремятся вырваться в лидеры. Однако Лондон, на мой взгляд, остается главным финансовым центром не только Европы, но и всего мира. И дело тут не в одном лишь удобном географическом расположении. Не меньшую роль играют давно сложившиеся традиции, репутация. И «Старая Леди» строго следит за тем, чтобы надежность, добротность, респектабельность всегда оставались отличительными чертами банков Сити.

— Специфическое положение «Московского народного банка», видимо, сказывается на его деятельности?

— Конечно. Он призван способствовать укреплению деловых связей между Востоком и Западом. Под «Востоком» подразумеваются социалистические страны. Если посмотреть на структуру его баланса, легко обнаружить, что половина его средств вложена в операции с Советским Союзом. В основном они направляются на финансирование импорта в нашу страну, способствующего развитию экспортной базы, и не только из Великобритании, но и из других капиталистических стран. Если раньше мы сотрудничали в основном с Внешторгбанком СССР, отдельными внешнеторговыми организациями Минвнешторга, то теперь, когда в нашей стране началась перестройка в области внешнеэкономических связей, когда право прямого выхода на мировой рынок получают отдельные предприятия, республики, задачи нашего банка значительно усложняются. Дело даже не в том, что у нас появился широкий круг новых клиентов, а в том, что эти клиенты не имеют опыта работы с зарубежными партнерами, не знают специфики деловых контактов с капиталистическими фирмами.

— Если не возражаете, Александр Степанович, к этой проблеме мы вернемся чуть позже, сейчас же хотелось бы узнать некоторые подробности работы «Московского народного банка».

— Наш банк функционирует, как и любой коммерческий банк Запада. Он осуществляет кредитование внешнеторговых сделок, то есть дает взаймы деньги для их проведения, взимая, естественно, за кредит определенный процент. Проводим мы и валютные операции, как по поручению своих клиентов, так и для собственных расчетов, то есть покупаем одну валюту за счет другой...

— Играете на понижении и повышении курсов?

— Я бы не сказал, что это игра. Это — работа, самая обыкновенная деятельность любого коммерческого банка. Более того, это для нас жизненная необходимость, которая возникает ежедневно, ежечасно, всегда. Допустим, какому-то нашему клиенту, имеющему на своем счету американские доллары, нужно рассчитаться за товар, купленный в Швейцарии, швейцарскими франками. Понятно, он должен продать доллары и купить франки...

— Обменять одну валюту на другую?

— Продать, купить, обменять — это одно и то же... Клиент, вполне естественно, хотел бы за свои доллары купить как можно большую сумму франков. Вот он и обращается к нам, в банк, за советом и помощью.

— Но что можете сделать вы, если в данный момент взаимная котировка доллара и франка стоит на каком-то определенном уровне?

— Абсолютно одинаковой котировки валют на разных биржах мира в один и тот же момент практически не бывает: где-то доллар, франк, фунт или иена стоят дороже, где-то дешевле. Так что всегда есть возможность поискать оптимальный курс. Но это, так сказать, упрощенная схема. Чаще же мы сталкиваемся с более сложным вариантом, когда приходится учитывать и временной фактор. Предположим, что доллары к нашему клиенту придут только через месяц, а платить франками ему нужно сегодня. Вот он и советуется с нами, когда ему лучше продать свою валюту и купить другую, ему необходимую. Или, может быть, выгоднее взять сейчас займ и расплатиться через месяц...

— То есть он хочет получить прогноз колебания валют на ближайший период? И вы за свои советы берете с него плату?

— Пока, к сожалению, нет. Но существуют банки, которые осуществляют и такие, брокерские, функции. Они не только ведут валютные операции, но еще и ищут клиентов для взаимных сделок, занимаются, если так можно выразиться, валютным сводничеством: кому-то нужны доллары, кому-то фунты, брокеры помогают клиентам найти друг друга, получая за такое посредничество комиссионные.

— Вы за свои услуги их получаете тоже?

— Конечно. Это всегда предусматривается сделкой. Разница между курсом продавца и покупателя и является нашими комиссионными. Допустим, покупаем фунт стерлингов за 1,81 доллара, а продаем клиенту за 1,82. Одна сотая — наша. Целый цент!

— Но ведь это пылинка!

— Согласен: пылинка. Но при объемах операций в десятки и сотни миллионов долларов эти пылинки превращаются в довольно солидные суммы.

Проводим мы и так называемые депозитные операции. Если нашему клиенту потребовались срочно, предположим, на месяц, на два, какие-то средства, мы их берем на валютном рынке взаймы и передаем ему. Только берем по одной процентной ставке, а даем по другой. Разница, которую мы, банкиры, называем маржой, опять-таки в нашу пользу.

— Она велика?

— Обычно одна шестнадцатая, одна восьмая процента годовых. Такова практика для краткосрочных кредитов.

— Тоже не бог весть что. Но почему бы вашему клиенту не обратиться напрямую к тем, у кого заняли деньги вы?

— Он может это сделать, однако стоить ему это будет дороже. Мы его знаем, мы ему верим. Для другого банка он, возможно, кот в мешке. Поэтому тот за свой риск захочет взять побольше. Таковы уж правила капиталистического рынка — не мы их придумали, не нам их отменять.

— Сведения о состоянии валютного рынка вам готовят заранее?

— Нет. Все это дело техники. В былые времена сбор таких данных представлял большую сложность. Теперь же телеграфное агентство Рейтер взяло на себя, помимо своих обычных функций, еще одну: оно поставляет информацию о котировке различных валют мира, о спросе и предложении на финансовые средства. В каждом банке, являющемся участником

системы «Рейтер-диллинг» — «Московский народный банк» в их числе — есть специальный экран, на котором видно, кто, где и по какому курсу продает или покупает ту или иную валюту в данный момент.

— А дальше?

— Когда мы определили стратегию и тактику дня, дело переходит к нашим диллерам, сотрудникам, которые сидят у аппаратов и непосредственно осуществляют операции купли-продажи, исходя из позиций банка, определенных на этот день.

— Как это выглядит на деле?

— Зная, какую валюту и по какой цене можно сегодня продавать и покупать, в каком объеме разрешено привлекать чужие и размещать свои средства, диллер следит за информацией, поступающей на его дисплей. Как только появляются данные, которые приемлемы для совершения сделки, он путем набора кодового названия банка на клавиатуре выходит на тот банк, который сделал заинтересовавшее его предложение. Спрашивает диллера-контрагента: «Подтверждаешь ставку?», «Подтверждаю!» — отвечает тот, и сделка заключена.

— И все?

— И все. Ведь система «Рейтер-диллинг» работает на компьютерах, все переговоры автоматически фиксируются на ленте и сразу приобретают юридическую силу. Правда, дальше следует подтверждение сделки по почте, а перевод необходимой суммы производится путем тестованной телеграммы.

— А это что такое?

— Все банки, имеющие друг с другом корреспондентские отношения, хранят у себя образцы подписей лиц, уполномоченных на проведение операций. Причем у каждого банка имеется соответствующий ключ, который известен только двум участникам сделки. Вот этот ключ и содержится в телексе, которым подтверждается сделка...

— Это что-то вроде кода или пароля «Я свой, обмана нет»?

— Примерно. И расшифровать его может только тот, кто в него посвящен...

— В последнее время приходят сообщения, что появился новый вид преступников: они проникают в компьютерную память банков и списывают с их счетов на свои огромные деньги. Возможны подобные варианты при заключении сделок о купле-продаже валюты?

— Случаются. Но эти махинации обычно быстро вскрываются. Для пущей безопасности существует целая система постоянных подтверждений, знать которую или вычислить посторонний просто не может. К тому же операции с большими суммами всегда вызывают и повышенное внимание. В общем, в финансовой войне, как и в обычной: на любое новое средство нападения тут же находится и новое средство защиты. Разумеется, для успешного ведения этой войны и члены правления банка и диллеры должны иметь достаточно высокую квалификацию.

— Короче, «Московский народный банк» функционирует согласно тем же правилам, по которым живет весь капиталистический финансовый мир. И, видимо, всякие сложные процессы, происходящие на мировом валютном рынке, оказывают на вашу деятельность такое же влияние, как и на работу любого другого банка мира? В частности, я имею в виду плавающий курс американского доллара, огромную задолженность некоторых стран третьего мира и социалистического лагеря.

— Разумеется. Все процессы, происходящие в финансовом мире, так или иначе затрагивают и деятельность нашего банка. Например, каждый банк, чтобы застраховать себя от всякой неожиданности, создает из своих доходов определенные резервы. На всякий непредвиденный случай. И вот, когда в последние годы многие развивающиеся страны оказались не в состоянии оплатить взятые у капиталистов кредиты, «Старая Леди» потребовала от всех банков Сити создания специальных резервов под сомнительные долги своей клиентуры.

— Что такое «сомнительные долги»?

— Это финансовые обязательства стран, которые не могут вернуть взятые ранее кредиты в предусмотренные сроки. Проценты еще платят, а основной долг — нет. Просят отсрочки, берут новые кредиты, чтобы отдать старые, и так далее. Страны Латинской Америки, некоторые соцстраны да и много других государств залезли в эту кабалу. Есть, что не способны выплачивать даже проценты. Поэтому «Банк Англии» требует от своих подопечных компаний: чтобы у вас не возникало сложных ситуаций, надо создавать специальные резервы против сомнительных должников...

— Что, существует список подобных должников и в нем указаны конкретные государства?

— Существует не только такой список, а еще на каждого должника имеется определенная матрица, в пределах которой «Банк Англии» рекомендует своим подопечным банкам создавать резервы. Причем отчисления в эти резервы производятся до налогообложения.

— Выходит, Сити заботится о своей славе стабильного и респектабельного партнера даже в ущерб экономическим выгодам собственной страны: налоговое управление из-за спецрезервов, наверное, недобирает значительные суммы?

— Да, налоговикам эта ситуация не нравится, но финансовые катаклизмы могут нанести еще больший ущерб хозяйству государства. Так что из двух зол приходится выбирать меньшее. Между прочим, подобные страховочные системы существуют и в других странах-кредиторах, причем каждая устанавливает размеры спецрезервов, исходя из собственных представлений о степени риска: против одних должников такой резерв равняется всего десяти процентам от занятых сумм, против других — может доходить до пятидесяти и более. Эти меры стали вводиться центральными банками ряда капиталистических стран два года назад после того, как потерпели крах целый ряд финансовых компаний, не сумевших получить обратно предоставленные ими кредиты. Естественно, никто не хочет повторить их судьбу.

— Как вы думаете, могут эти долги быть возвращены в будущем?

— Время покажет. Хотя о некоторых уже можно с уверенностью сказать, что они безнадежны. Сейчас на мировом валютном рынке идет спекуляция сомнительными долговыми обязательствами некоторых стран. Причем одни идут по 20 процентов от номинала, другие — по 30, по 50. Это зависит от страны-должника, ее ресурсов, перспектив развития, которые в будущем могут обеспечить выплату долга или его части. Если эти долговые обязательства кто-то покупает — иначе бы не было рынка сомнительных долгов,— значит, не все потеряли надежду вернуть свои деньги. Поживем — увидим.

— Теперь, Александр Степанович, хотелось бы перейти к конкретным операциям, которые осуществляет ваш банк. Любопытно, как удается ему в своей деятельности соблюсти интересы сразу двух государств: страны пребывания и страны — держателя капитала?

— Сначала, если не возражаете, отвечу на вторую часть вопроса. «Банк Англии» требует, чтобы иностранные банки Сити, подобные нашему, в своих кредитных операциях соблюдали определенную пропорцию и проводили их на местном рынке, стимулируя британских экспортеров. Таким образом, мы не можем все сто процентов от наших привлеченных средств направить на сделки только с Советским Союзом, а вот, если процентов пятьдесят — это возражений не вызовет. Но, как в любом деле, и тут возможны варианты.

В прошлом году мы стали членами консорциума (наша доля — двадцать пять миллионов фунтов) по финансированию «проекта века» — строительству тоннеля под Ла-Маншем, который свяжет железнодорожным путем Англию и Францию, откуда пойдут ответвления на все европейские страны, в том числе и в Советский Союз. Этот проект уникален, разговоры о нем идут уже не одно столетие.

— Я почему-то считал, что финансирование этой стройки будут осуществлять правительства этих государств, а не частные компании.

— Финансовые средства предоставит международный консорциум, правительства же Великобритании и Франции одобрили этот проект, как бы подстраховывая частные банки от возможного риска.

— Если все так удобно, если с помощью правительственных гарантий можно получать приличные прибыли без особой головной боли и стрессовых ситуаций, то непонятно, почему вы не вложили в этот проект более значительные или даже все свои средства?

— Во-первых, вложить все средства в какое-то дело и получать гарантированную прибыль — это значило бы превратиться в рантье. А мы — банк, мы — финансисты, наши средства должны находиться в постоянной работе, в обороте, постоянно приносить те крупицы и пылинки прибыли, пусть иногда рискованной, но все-таки бо́льшей, чем гарантированная правительственными проектами. К тому же мы не можем вкладывать в долгосрочные мероприятия все средства своих клиентов. Потом не следует забывать добрую английскую пословицу: хорошая хозяйка никогда не положит все яйца в одну корзину.

— Не могли бы вы, Александр Степанович, рассказать о крупных советско-британских проектах, в которых принимает участие «Московский народный банк»?

— В апреле этого года в Москве в Центре международной торговли состоялось подписание соглашения о создании первой советско-британской инженерно-торговой фирмы «Асетко лимитед», что явилось новой формой сотрудничества между нашими странами. Учредителями «Асетко лимитед» с советской стороны являются производственное объединение «Ставропольполимер» (город Буденновск), казанское ПО «Оргсинтез» и московский институт «Гипропласт». Британскую сторону представляют фирма «Джон Браун», банк «Морган Гренфелл» и «Московский народный банк».

Задача новой фирмы — провести модернизацию и реконструкцию производства на казанском и буденновском производственных объединениях, что позволит при снижении удельных расходов сырья и энергетических ресурсов обеспечить выпуск новых высокоэффективных марок этилена и полиэтилена, крайне необходимых для нужд народного хозяйства страны, особенно удовлетворения потребностей агропромышленного комплекса СССР и производства товаров народного потребления. В Буденновске ежегодное производство этилена вырастет с 250 тысяч тонн до 350 тысяч, так же на сто тысяч тонн больше будет вырабатываться здесь и полиэтилена. Казанский «Оргсинтез» удвоит выпуск полиэтилена: с 200 тысяч тонн до 400 тысяч тонн.

Благодаря использованию эффективных систем автоматизации, поставляемых фирмой «Джон Браун» (эта одна из ведущих английских фирм в химическом машиностроении принимала ранее участие в строительстве этих двух заводов в Казани и Буденновске), прирост производства продукции практически не потребует увеличения обслуживающего персонала, и, что более важно, реконструкция будет проведена без остановки производственного процесса.

Примерно 40—50 процентов продукции будет экспортироваться нашей страной на западные рынки, причем продавать ее обязалась американская фирма «Юнион карбайд», монополист на этом рынке. Так что валютные кредиты, которые пойдут на оплату английского оборудования, могут быть в течение нескольких лет погашены за счет поступлений от продажи части химической продукции, полученной дополнительно в результате реконструкции.

По соглашению между учредителями «Асетко лимитед» будет зарегистрирована и располагаться на острове Джерси, что в проливе Ла-Манш. Через него же в СССР будет поставляться оборудование «Джона Брауна», а наш полиэтилен — на мировой рынок.

— Почему такая честь оказана крошечному острову?

— На Джерси низкое налогообложение, что, естественно, привлекает различные фирмы заводить тут свое «дело». Такой порядок умышленно предусмотрен английским правительством, чтобы стимулировать местную экономику. Так что интерес взаимный. Как, впрочем, и во всей сделке. Для Советского Союза она выгодна потому, что без затраты валюты позволит модернизировать и расширить производство. Для западных партнеров — выгодно продать оборудование и получить на предоставленные кредиты положенную прибыль.

— Но опять мы выступаем в роли поставщика сырья. Лучше бы продавать готовые изделия.

— Но полиэтилен — уже обработанное сырье, полуфабрикат. Во всяком случае, не нефть и не газ, на которые приходится почти половина стоимости нашего экспорта...

— Конечно, торговать полиэтиленом более престижно, чем сырой нефтью и природным газом, но все-таки... В каких еще перспективных проектах «Московский народный банк» намерен принять участие?

— Сейчас мы активно включились в интересное мероприятие, которое предложила английская инженерная фирма «Эй-Ай-Ди». Она разработала проект полуторатонного крытого грузовика (англичане называют его «Ван»), производство которого, как надеется фирма, можно было бы с успехом наладить в Советском Союзе. У нашего банка аналогичная точка зрения. Из чего мы исходим? В СССР есть проблемы с грузовиками малой грузоподъемности. Мы как-то недооценили их роль и значение, увлекшись на определенном этапе нашего автомобилестроения гигантоманией. Грузовики в 10, 50, 120 тонн — все это, конечно, хорошо и нужно, но они не могут покрыть весь спектр потребностей в автотранспорте. Машины малой грузоподъемности необходимы школам, продовольственным магазинам, столовым, сельскохозяйственным фермам. Сейчас, когда в нашей стране идет перестройка народного хозяйства, когда активно развивается кооперативное движение, без маленького грузовичка просто не обойтись.

— Вы считаете, что предложение англичан будет выгодно для нас?

— Безусловно. Мы, в «Московском народном банке», довольно основательно изучили технико-экономическое обоснование их проекта и убедились: дело стоящее. Проектная мощность завода — 30—40 тысяч грузовиков в год. На все строительство уйдет два-три года. Таким образом, очень скоро это предприятие не только начнет насыщать наш, советский, рынок грузовиками этого класса, но и сможет поставкой на экспорт части машин приступить к погашению валютного кредита, взятого на приобретение проекта и оборудования. Мы подсчитали, что примерно сорока тысяч автомобилей хватит, чтобы полностью расплатиться с долгами,— это всего год работы.

— Убедительно, ничего не скажу. Но попутно возникают дополнительные вопросы. Поставить на мировой рынок мы их, допустим, поставим, но купят ли их там за свободно конвертируемую

валюту? Ведь мировой авторынок, думаю, ломится от предложения подобных машин. Со спросом — дело хуже.

— Все верно. Есть покупатель — фирма «Сатра корпорейшн» готова заняться реализацией наших будущих грузовиков при условии обеспечения предлагаемой технологией. Я особо хотел бы подчеркнуть преимущества кредита, который можно было бы получить с помощью нашего банка на осуществление этого проекта. Кредит позволяет не отгружать сразу всю годовую поставку на мировой рынок (последний, пожалуй, не сможет принять сразу такое количество машин), а дает право на рассрочку платежа. Долг может быть погашен в течение 7—8 лет годовыми поставками 6—7 тысяч машин. Таким образом, основная масса полуторок будет оставаться в СССР.

Но что хотелось бы сразу подчеркнуть. Мы всегда стараемся все делать в двух вариантах: для внутреннего рынка — похуже, подешевле, «туда» — более качественно, надежно. Вот и на этот раз. Соглашение еще не заключено, а в наших автомобилестроительных кругах уже витает идея: делать эту полуторатонку в двух исполнениях — «внутреннем» и «экспортном». От подобной психологии пора избавляться. Мы должны выпускать такие изделия, которые бы соответствовали требованиям любого потребителя: и нашего, и зарубежного. Иначе мы ставим себя в положение какой-то ущербной страны, которая согласна пользоваться любым низкокачественным товаром, которая заранее расписывается в неумении хорошо работать.

Так что мы в «МНБ» считаем, что нужно сразу ставить перед собой большую цель — наладить выпуск добротного грузовика,— даже если это на первых порах потребует дополнительных инвестиций. Все впоследствии окупится. Высокое качество — залог конкурентоспособности на мировом рынке, а, значит, гарантия быстрого возврата валютных кредитов.

— Сразу настраиваться на большую цель — дело, конечно, заманчивое, но пока что оно удается далеко не всегда...

— И все-таки подобный опыт у нас есть. Отличный пример — строительство автозавода в Тольятти. Представим на мгновение, что на наших дорогах нет «жигулей» — на чем бы мы передвигались по стране? «Волги», «москвичи», «запорожцы» — все это, конечно, неплохо, но их количества совсем недостаточно для наших просторов. Но сейчас я хочу обратить внимание не на это, а на валютную эффективность того проекта. Нам он обошелся — с учетом привлеченных кредитов и выплаты процентов, то есть номинальная стоимость,— в 400 миллионов с небольшим инвалютных рублей. Но что произошло в течение осуществления этого проекта? Кредит в свое время — это конец 60-х годов — мы привлекли в итальянской лире, довольно слабой валюте, которая в период погашения займа резко обесценилась. В результате только на обесценении лиры мы сэкономили 83 миллиона валютных рублей. Более того, если бы мы не воспользовались кредитом, а стали бы ждать, когда у нас появятся свободные валютные средства для оплаты сделки, мы должны были бы уплатить дополнительно более 170 миллионов рублей. Это связано с инфляционным процессом и удорожанием соответственно оборудования. Так что привлечение иностранных кредитов нам дало экономию в 260 миллионов инвалютных рублей.

Но и это еще не все. Допустим, что все оборудование для тольяттинского завода мы покупали бы не в кредит, а за наличные, расплачиваясь нашим традиционным экспортным товаром — нефтью. В конце 60-х годов она шла на мировом рынке по два доллара за баррель. Кредит помог нам экономить свой природный ресурс: не продавать раньше времени. А вот когда настало время погашать долг, цена нефти подскочила до 40 долларов за баррель. Тут, как говорится, комментарии излишни.

У меня есть данные о том, что начиная с 1971 года по 1985 год мы реализовали на свободно конвертируемую валюту один миллион двести тысяч «жигулей», выручив около полутора миллиардов рублей. И дело не только в деньгах. Мы получили возможность торговать не привычным для нас сырьем, а продукцией машиностроения, что выгоднее и престижнее.

Вот теперь и прикиньте общую эффективность того проекта.

— Конечно, все, что вы рассказали, довольно убедительно. Но ...Не всегда у нас все так удачно получается. Часто бывает совсем-совсем наоборот... Нефть на мировом рынке давно уже не сорок долларов за баррель... Оборудование, которое мы покупаем за рубежом — и в кредит, и за наличные,— часто годами простаивает под открытым небом, приходит в негодность... Продукцию, которую мы в конце концов исхитряемся на нем выпускать, не берут на мировом рынке, так как она либо устарела, либо низкого качества.

— Я согласен, что столь удачные, как вазовская, операции случаются не всегда. Однако нужно стремиться к этому, надо уметь считать. И не на словах, а на деле. И то, что мы не сумели по-хозяйски распорядиться средствами, вырученными за нефть в условиях благоприятной конъюнктуры, то это лишний раз говорит о нашей бесхозяйственности. Как легко нам эта валюта досталась, так легко мы ее и проели, закупая за границей зерно, которое могли бы вырастить и собрать на своих полях, если бы поставили заслон потерям, а не ссылались на плохую погоду.

— Извините, но я хотел бы продолжить пример с «жигулями». В нашей печати сообщалось, что мы гоним их за границу по демпинговым ценам, что фирмы, покупающие их у нас и затем продающие их на местном рынке, берут за наши машины чуть ли не вдвое дороже. Обидно, нас снова надувают...

— Но это уже другой вопрос. Это уже не финансы и кредиты, а внешняя торговля, так что все претензии нужно адресовать не нашей банковской части, а в иное ведомство. Откровенно скажу, что меня это странное положение тоже волнует, и я много раз ставил этот вопрос перед нашим торгпредством и посольством в Великобритании.

Кстати, тут дело обстоит не совсем так, как сообщалось в печати. Свои «жигули» мы продаем на внутреннем британском рынке через посредническую фирму «Сатра корпорейшн». Она берет их у нас по оптовой цене 2000—2500 фунтов стерлингов, и продает у себя по розничной — по 4500—5000 фунтов за машину. В этом нет ничего обидного: такое же соотношение между оптовой и розничной ценами существует на британском рынке и при продаже автомобилей других стран и других марок.

Моя же идея заключается в следующем: советские коммерсанты, курирующие продажу наших автомобилей за границу, должны изучить возможность советского участия в реализации этих машин на внутреннем рынке тех стран, куда мы их экспортируем...

— Вы хотите сказать: внедриться в розничную торговлю?

— Вот именно. И сделать это можно путем покупки части акций посреднической компании (на первом этапе, может быть, и не следует ее покупать полностью, только процентов на 30—40 или 50), чтобы делить с этой фирмой те доходы, которые она получает от розничной торговли нашими «жигулями». Это даст дополнительный экономический эффект.

— А это реальная затея — купить часть или даже контрольный пакет акций подобной фирмы?

— Вполне. В начале этого года та часть «Сатра корпорейшн», которая занимается реализацией на английском рынке наших «Лад», была переуступлена — или, скажем, продана — более крупной автомобильной посреднической компании «Вестерн моторс», занимающейся продажей автомобилей более высокого класса, таких, как «ягуар», «даймлер», «мерседес». А купить эту часть «Сатра корпорейшн» могли бы мы.

Я вообще считаю, что перестройка в советских внешнеэкономических связях должна идти по этому пути. Более того, мы все время твердим, что у нас недостаточно предприимчивых людей, которые могли бы работать на западных рынках, в том стиле, в каком работают местные бизнесмены. Мы никак не хотим понять, что бизнесу надо учиться, что опыт приходит не сам по себе, а только в процессе работы. Так вот, купив такую посредническую компанию, приобретя контрольный пакет акций или хотя бы частично, мы могли бы там обучать своих людей нелегкой науке умело вести коммерческие дела, в процессе конкретной работы, не затрачивая при этом валюту на обучение, а одновременно зарабатывая ее.

— А ваш банк мог бы организовать у себя стажировку финансистов?..

— Мы это делаем давно. У нас постоянно стажируются работники Внешэкономбанка СССР и других банков соцстран. Но мое предложение относится не к стажерству. Нужна работа, естественный процесс. Обладая акциями компании, мы могли направлять в нее своих людей, которые бы сегодня учились там бизнесу, присматривались к нему, постигали бы его тонкости, а завтра, глядишь, могли сами открыть советскую посредническую компанию. И тогда Волжскому автомобильному заводу не нужно было бы искать в Англии иностранного посредника для продажи своих машин, он выходил бы на свою собственную фирму, которая сегодня может быть пока что совместной, а завтра и самостоятельной.

— Непонятно, Александр Степанович, почему такая большая разница между розничной и оптовой ценой автомобиля. Не слишком ли посредническая фирма «обдирает» покупателя?

— Совсем нет. Розничная цена должна, во-первых, покрыть расходы фирмы, связанные с созданием сети реализации и обслуживания автомобилей,— а это немалые затраты. Тут уместно добавить, что наши «жигули» иногда приходят в Англию, мягко выражаясь, не в очень товарном виде. Их приходится ремонтировать, подкрашивать, возвращать на место недостающие детали. К тому же в розничную цену надо включить и налог с оборота...

— Говорят, что англичан часто не устраивает дизайн наших машин и они требуют видоизменений...

— Бывает и такое. Например, просят поставить другие кресла вместо тех, что пришли с Волжского завода. Их меняют по заявке покупателя на те, что ему понравились больше. Но это считается дополнительным сервисом и оплачивается, естественно, отдельно. Так что фирма ухитряется зарабатывать и на вкусе покупателя. Это могли бы делать и мы, будь ее владельцами. Кстати, тогда бы завод в Тольятти мог более оперативно реагировать на требования покупателей и перестраивать под его вкус свое производство. Согласитесь, не совсем это нормальная ситуация, когда по дорогам туманного Альбиона бегает советская малолитражка с чужими креслами, фарами, приемником или встроенным магнитофоном. Мы могли бы все это делать сами и за хорошие деньги.

Так что, возвращаясь к нашей теме, могу еще раз подтвердить: «Московский народный банк» готов оказать содействие в покупке акций этой фирмы, с тем чтобы предоставленный кредит был погашен ВАЗом за счет дивидендов, которые он будет получать от участия в этом акционерном предприятии.

— Наверное, вы могли бы, на основании анализа рынка, давать и рекомендации относительно купли и продажи тех или иных товаров, или создания каких-то посреднических фирм и приобретения доли участия в них.

— Безусловно. Если этот процесс начал бы активно развиваться — пока что мы разворачиваемся в этом плане крайне медленно,— наш банк мог бы за определенную плату пригласить хороших специалистов, чтобы те изучили английский рынок и дали достоверную информацию о том, что пользуется спросом сегодня, в каких товарах возникнет потребность завтра. Служба маркетинга — служба изучения рынка, сбыта товаров — практически отсутствует в советской торговле, что создает для нее сложные, подчас неразрешимые, проблемы. Часто случается, что мы располагаем массой товаров, о существовании которых западный покупатель просто ничего не знает, а если бы знал, то обязательно купил бы. Вот здесь и нужны специалисты по маркетингу. Но для организации этого дела нужны деньги. Мы готовы эти средства предоставить, если за такой операцией последуют дела, а вложенные капиталы начнут окупаться.

Как-то мы предложили Министерству лесной промышленности сотрудничать с нами в таком направлении. Англия — традиционный и постоянный рынок для сбыта русского леса. И хотя этим делом наша держава занимается не одну сотню лет, мы везем туда по старинке необработанный лес. В лучшем случае — доски, да и те не соответствуют английским стандартам. Объяснение этому дикому обстоятельству приводят довольно наивное: у нас нет оборудования, чтобы пилить необходимый стандарт. Просто бред какой-то. Высококачественные пиломатериалы, которые идут на отделочные работы, на столярку, деревянные полуфабрикаты, стоят в Великобритании гораздо дороже, чем те доски, которые поставляем мы. К тому же цены на доски на местном рынке превышают среднеевропейские на двадцать процентов. Не трудно представить, сколько твердой валюты мы теряем из-за своей неповоротливости, отсутствия деловитости, элементарного желания взять и посчитать что почем. Об этом не раз говорилось с самых высоких трибун, на самых ответственных совещаниях, во время деловых переговоров и в личных неформальных беседах — все без толку.

Поэтому мы, «Московский народный банк», предложили: если Минлеспром готов, мы можем рекомендовать фирму, которая бы изучила английский рынок, его потребности и спрос на обработанный товар, в какой номенклатуре, в каких стандартах хотели бы его получать потребители. Мы могли бы найти и фирму, которая могла бы поставить оборудование для производства продукции указанных сортаментов. С помощью этого оборудования можно было бы в Прибалтике построить небольшие предприятия, которые стали бы флагманами перестройки в области лесоторговли нашей страны с Англией и другими государствами...

— Почему вы отдаете предпочтение небольшим предприятиям и Прибалтике? Главные наши лесные массивы расположены все-таки в Сибири?

— Гигантские предприятия — а именно такие мы чаще всего и строим — не всегда экономически оправданы. Стройка растягивается на долгие годы, возникают всякие сложности экологического характера, проблемы с трудовыми и иными ресурсами, строительством соцкультбыта и так далее. То есть выпуск готовой продукции, а вместе с ним и начало окупаемости произведенных затрат отодвигается на неопределенное время. Отсюда не можем справить-

ся со своевременной установкой оборудования. Маленькие же заводы стоят дешевле, они могут быстро включаться в работу и через короткий период давать эффективный валютный возврат. Как раз это и необходимо нашей внешней торговле и экономике вообще.

Почему Прибалтика? Она ближе всего к потребителю. Погрузил товар на корабль — через четыре-пять дней он в Англии. Вы бы видели, в каком состоянии приходят сюда наши лесоматериалы после нескольких перевалок с одного транспорта на другой откуда-нибудь из-под Братска или Красноярска! Сравнили бы его с пиловочником, отправленным на Британские острова из Финляндии или Швеции! Из-за низкого качества мы теряем огромные деньги. Из-за него же нам приходится неэффективно использовать наши суда-лесовозы. Лес на них возим сырой, процентов на 30 — 40 — вода. Вот и приходится за перевозку воды платить твердой валютой. По рыночным законам разрешено лишь 22 процента влажности древесины. Кто будет сушить? Англичане согласны... за 12 фунтов с кубометра.

— Насколько я понял, мы могли бы успешно торговать не только досками и другим полуфабрикатом, но и уже готовыми изделиями: рамами, дверями, саунами, сборными домиками,— изделия из натурального сырья сейчас так высоко ценятся всюду. Мы же при огромных его запасах ухитряемся покупать готовую продукцию в соседней Финляндии.

— К сожалению, это так. И наш банк готов помочь в ломке этого противоестественного положения. Мы уже предприняли первые шаги в этом направлении: предложили свои кредитные услуги на закупку оборудования для предполагаемой реконструкции ленинградского порта под наши лесовозы. Причем условия даем конкурентоспособные: необходимое оборудование можно покупать в любой стране, не привязываясь к какому-то конкретному импортеру.

— Это дает какие-то преимущества?

— Конечно! Это обойдется гораздо дешевле.

— Почему?

— Механика тут простая. Для переоборудования порта нашему заказчику придется искать подрядчика, который бы осуществил все работы в кредит. В принципе сделать это несложно, так как предложение тут всегда превышает спрос. Но когда ваш контрагент предоставляет вам в кредит свои услуги и оборудование (или какие-то иные товары), он должен сам взять под эти товары кредит у банка, уплатив за него впоследствии положенные проценты, естественно, и себе оставив какую-то прибыль. Значит, вам, расплачиваясь с подрядчиком, надо будет не просто оплатить простые банковские проценты, но еще и дополнительные проценты на проценты. И это еще не все. Как я говорил, получить банковский кредит простому подрядчику всегда обойдется дороже, чем такому первоклассному заемщику, каким является, допустим, «Московский народный банк», потому что дела коммерческих предприятий не всегда бывают до конца ясными, взаимоотношения с ними носят определенный элемент риска...

— И для страховки с него за кредит сдерут повышенные проценты...

— Вот именно. И иностранный подрядчик-поставщик в конечном счете все эти дополнительные свои расходы перекладывает в итоговую стоимость работ, и конечный их покупатель — в нашем случае Минлеспром — должен все это оплатить. Поэтому мы и призываем: покупайте технологию и оборудование за наличные, это обойдется дешевле, а мы вас профинансируем.

— Дешевле даже в том случае, если за свои услуги вы получите законную маржу?

— Само собой разумеется. Ведь отказаться от нее мы не можем: иначе какими бы мы были финансистами. Она наш честный заработок, но это дешевле для нашего импортера, чем кредит фирмы.

— Александр Степанович, вот мы с вами беседуем, и все время, как рефрен, повторяется одно и то же: надо купить проект завода, надо купить оборудование, станки, лицензии на какое-то производство чего-то — и все за границей. В прошлые три пятилетки мы так увлеклись подобными сделками, что наше собственное машиностроение, наши проектные и научно-исследовательские институты машиностроительного профиля часто оставались не у дел. Покупая готовые разработки, станки и оборудование у зарубежных партнеров, мы, может быть, даже не желая того, вырабатывали у собственных машиностроителей комплекс неполноценности: плоды их усилий шли в корзину, оказывались невостребованными. Ориентируясь на западные технологии и технику, мы надеялись совершить резкий рывок вперед, разом одолеть некоторое отставание в этой области. Удачно сложившаяся для нас в те годы конъюнктура на мировом нефтяном рынке обещала успех. Но вот время нефтяной эйфории прошло, добыча углеводородного сырья нам обходится все дороже, а мировые цены на него сильно упали. Река нефтедолларов, направлявшихся ранее в нашу страну, резко обузилась, а отечественное машиностроение отстает от мировых стандартов еще больше, чем прежде, так и не поправив свои дела с помощью иностранных инъекций. Много ли проку, что теперь мы крестим те застойные годы еще и периодом «импортной чумы»? Упущенное время не вернешь. Все это я вспоминаю вот почему: не получится ли так, что из тех горьких уроков мы так ничего путного и не вынесем? Не может случиться, что и на этот раз мы снова с тем же сомнительным успехом повторим пройденное, но только на новом витке своего развития?

— Все зависит от того, насколько прилежными учениками мы окажемся. Ведь беда прошлых пятилеток (в данном случае я говорю о наших внешнеэкономических операциях) заключается в том, что мы практически только покупали зарубежную машиностроительную продукцию и не продавали свою.

Где-то в семидесятые годы я столкнулся с западногерманскими специалистами, которые принимали участие в разработке проекта строительства Саяногорского алюминиевого комбината. В основе технологии предполагалось использовать проект американской фирмы. Американцы наложили запрет на сделку. То был период обострения американо-советских отношений, и они, где могли, пользовались своим правом вето, тормозили наши связи с западными партнерами. Не знаю, насколько это верно, но немцы рассказали, что они нашли нужный проект алюминиевого завода (не хуже того, что был запрещен к поставке американцами) в одном из ленинградских проектных бюро и с успехом использовали его.

Поэтому я уверен, что наши проектные и научно-исследовательские институты имеют много того, что могло бы заинтересовать западных клиентов. Надо научиться этим интеллектуальным капиталом умело пользоваться. Конечно, не дело банка глубоко вникать во все тонкости, но даже мы, финансисты, не специалисты в этой области, видим, какие великолепные перспективы могут открыться, если по-хозяйски распорядиться тем, что нами накоплено. Доходы лежат на поверхности, прямо под ногами, стоит наклониться — они наши. Так что не стоит комплексовать, нужно активно внедряться в мировой рынок технических идей.

Кстати, я говорил, что в реконструкции буденновского и казанского заводов принимает участие советский проектный институт «Гипропласт». Так вот, представитель фирмы «Джон Браун» мне объяснил: «Мы их пригласили в компаньоны потому, что участие их ускорит дело проектных разработок». Видите: западный партнер верит в силы института.

— Какие еще сделки вы могли бы назвать, когда ваше посредничество помогает нашей стороне решать свои проблемы?

— Думаю, достаточно убедительными выглядят кредиты «МНБ», предоставляемые Минморфлоту СССР. Это министерство осуществляет крупные фрахтовые операции при перевозке грузов не только советских заказчиков, но и зарубежных клиентов. Однако необходимого количества судов нашему морскому флоту не хватает, приходится заказывать корабли на иностранных верфях. Мы предоставляем министерству кредиты, оно покупает суда, которые окупаются за пять—десять лет. Министерство морского флота возвращает нам кредиты, а полученную при эксплуатации кораблей прибыль перечисляет в общую копилку. Все эти валютные операции ведомство проводит, не залезая в карман государству. Ныне уровень кредитования Морфлота СССР «Московским народным банком» достиг ста миллионов фунтов стерлингов, и, думаю, это не предел.

Недавно я познакомился с нашим известным офтальмологом Святославом Николаевичем Федоровым. Он произвел на меня неизгладимое впечатление не только своей одержимостью в благородном стремлении восстановить зрение как можно большему числу людей, но и деловой хваткой. Его клиника представляет собой блестяще отлаженный механизм, конвейер, творящий чудеса. Здесь специалисты работают на совесть, но ...и за деньги.

Но меня огорчило, что Федоров уйму своего драгоценного времени тратит на хозяйственные вопросы: достать, пробить, провести переговоры с бизнесменами, банкирами и так далее, и тому подобное.

Мы условились со Святославом Николаевичем, что «МНБ» рассмотрит возможность предоставить его центру так называемую кредитную линию, в счет которой он сможет закупать в любой стране оборудование, какое не производится в Советском Союзе. Английские специалисты и правление «МНБ» после соответствующего изучения вопроса подтвердили свою готовность открыть такую линию для начала в размере пяти миллионов рублей в свободно конвертируемой валюте. И важна в этой операции не столько деловая сторона, сколько испытанное нами чувство удовлетворения, что мы вносим свой, пусть скромный, вклад в счастье людей, которых исцелит клиника Святослава Николаевича Федорова.

— Сейчас некоторые наши предприятия республики получили право самостоятельного выхода на мировой рынок и в качестве покупателей, и в роли продавцов. Дело это новое, и тягаться на равных с западными конкурентами поначалу будет трудно. Потребуется помощь, подсказка, рекомендация...

— Мы готовы оказать необходимое содействие... но, разумеется, не за спасибо...

— Сколько такая услуга будет стоить?

— Это зависит от конкретных условий. Мы найдем фирму, специализирующуюся на изучении интересующего нас вопроса. Она сделает соответствующий анализ рынка (или, допустим, состоятельности предполагаемого контрагента). Мы уплатим этой фирме за работу и эти деньги плюс наш собственный «интерес» востребуем с заказчика.

— Дороговато обойдется ваш совет...

— Хороший учитель дорого стоит. Эту пословицу придумали англичане. Я с ними согласен полностью.

— Как я понял, вы (имею в виду ваш банк) все время изучаете западный рынок, и не только финансовый. И вот если сделать сравнение наших деловых людей с «их» бизнесменами, мы сильно проигрываем? Есть надежда, что перестройка во внешнеэкономических отношениях страны как-то изменит ранее сложившийся порядок? Или, может быть, у вас, Александр Степанович, уже есть совет, что мы должны сделать в этом направлении?

— Лучше я приведу пример. Один ленинградский завод поставляет в Англию бытовые газовые баллоны разных типоразмеров. И вот английский коммерсант, который продает эти баллоны на британском рынке, как-то обратился ко мне не то с просьбой, не то с жалобой, суть которой заключалась в следующем. Ленинградские баллоны не пользуются спросом, потому что у них какое-то не такое покрытие внутри, отчего они очень быстро ржавеют и выходят из строя. В то же время спрос на них мог бы несказанно вырасти, если бы завод-изготовитель изменил покрытие. Далее фирмач продолжал: у нас есть хорошая антикоррозийная технология, которую бы могли продать ленинградцам. Внедрив ее в производство и увеличив таким образом объем продаж, те могли бы очень быстро окупить все затраты.

Мы изучаем это предложение, убеждаемся: дельное. Передаем его ленинградцам. Проходит полгода — ни ответа, ни привета. И вот, давая как-то интервью «Московским новостям», я привел этот случай как пример нашей коммерческой неразворотливости. Реакция была неожиданной: Брянский машиностроительный завод сразу же сообщил, что его заинтересовало предложение англичан и он готов освоить выпуск требуемых газовых баллонов. Откликнулись и ленинградцы: они решили послать в Лондон двух своих специалистов, чтобы те изучили ситуацию на месте и при положительном результате закупили предложенную технологию.

Дело вроде бы сдвинулось с мертвой точки, но, к сожалению, все тянется, как в замедленной киносъемке...

— По-моему, это больше напоминает стоп-кадр...

— Англичане эту нашу манеру знают и, наученные горьким опытом, боятся с нами связываться как с партнерами. Порой наша специфика ставит их в тупик. Допустим, наша сторона заключает с ними контракт на поставку сложнейшего оборудования. Но вот оказывается, что не то строители не успели подготовить фундаменты для его монтажа, то ли еще что-то стряслось в этом же духе, и к нам, в Лондон, летят телеграммы: помогите задержать поставки оборудования! Англичане этого не понимают. Они точно в договорные сроки выполняют заказ, точно к указанной дате готовы его отгрузить. Задержать поставку не могут, потому что им негде хранить изготовленное оборудование, они его привыкли отгружать заказчику из цехов. А если проситься в чужой склад — надо платить. Это стоит очень недешево...

— Значит, должен платить нерасторопный заказчик. Я понимаю — это дорого, но, наверное, лучше, чем гноить импортное оборудование под открытым небом, как это мы часто делаем, несмотря на множество самых строгих постановлений, принятых по этому поводу.

— К сожалению, так случается довольно часто, и сейчас, когда в нашей стране идет перестройка всех сторон жизни, а не только хозяйственной системы, мы должны прежде всего изменить свое отношение к делу, которым занимаемся. Во всяком случае, затевая какое-то совместное предприятие с зарубежным партнером, мы должны, как это делается на Западе, исходить из самоокупаемости проекта. Нужно четко представлять, каких он потребует затрат, когда они вернутся, какую принесут прибыль.

— В вас все время говорит финансист...

— Считать народные деньги должны не только финансисты. Пора этой науке учиться всем.

Эта страничка посвящена поэтам, когда-то малоизвестным, а ныне безнадежно забытым. Но безнадежность забвения, ее бурьянная трава все-таки уступают перед трудолюбивостью поиска, когда скрытые под слоями времени золотые крупицы поэзии словно издают тоненькие, задавленные звуки, все-таки надеясь, что их извлекут на свет божий, к глазам человеческим.

Петр Зайцев (1889—?) выпустил свою первую книгу под редкостным названием «Стихи писателя-сапожника» еще в 1901 году. Это был, безусловно, рабочий-самородок, издавший затем несколько книг.

Григорий Ширман — автор редкостной эротической книги «Запретная поэма», изданной в Лейпциге (!) в 1921 году. В 1926 году он побил, очевидно, рекорд, издав в разных издательствах шесть разных книг! Затем он совершенно исчез с литературного горизонта. Пимен Карпов (1884—1963) — автор двух поэтических книг, изданных в 1922 году, «Русский ковчег» и «Звездь». Из этих авторов наиболее известен был Антонин Ладинский (1896—1961) с путаной, своеобразной судьбой — эмигрировал, как офицер белой армии, через Египет в Париж. Там после войны возглавил просоветское крыло эмиграции, был депортирован. 5 лет жил в ГДР, затем вернулся на Родину. Более известен как автор исторических романов.

Андрей Алдан-Семенов (1908—1985) окончил Вятское профтехучилище. Первые стихи опубликовал в 1926 году. Был незаконно репрессирован и годы 1938—1953 провел на Дальнем Севере, работал на золотодобыче, лесоповале. Автор многих повестей, романов, а также биографий Семенова-Тян-Шанского, Черского.

Золотые крупицы, оставленные этими разными, но не заслуживающими забвения людьми, мы бережно высыпаем на эту страничку «Огонька». Мы не даем их портретов, но черты этих людей, по законам победы над забвением, светятся внутри этих крупиц.

Петр ЗАЙЦЕВ

ОПРАВДАНИЕ МАСТЕРОВОГО

Сколько мне нравоучений
Вы даете, господа,
Чтобы больше я работал,
Водки не пил никогда.
Меньше, что ли, водки пьете вы
По сравнению со мной?
А как кутите, гуляете —
Вы с цыганками порой!
Что за роскошь, что за почести
Окружают всюду вас,
И чего вы не захочете,
Все исполнится тотчас.
Я встаю с зарей ранехонько,
И весь день за верстаком
Спину гну я... И позднехонько
Отправляюсь с пятаком
Выпить чарку заслуженного
Кровным потом и трудом,
Жизнь, судьбою обойденную,
Подогреть хотя вином.
Вот и все тут наслаждения,
Больше нет их у меня...
Не бывает исключения,
Не бывает краше дня!

Григорий ШИРМАН

Н. М.

Ни ты, ни я не знаем, что такое
Угрюмая стихия бытия.
И в крыльях бурь, и в каменном покое
Душа дрожит, как нежное дитя,
Заброшенное в море городское.

Валы домов кругом застыли, стоя,
Не узнаем друг друга мы, шутя,
В дыму времен, во мраке их отстоя,
Ни ты, ни я.

Мы бродим неразгаданные двое,
У каждого не сердце, а культя,
Торчащая в пространство мировое,
И камни звезд летят на нас, блестя,
Но не от боли мы прекрасно воем,
Ни ты, ни я.

Пимен КАРПОВ

ПОСОЛ ЗВЕЗДЫ

Когда-то, у слепца с прогнившим носом,
Посол звезды, я жил поводырем.
В дороге на ночлеге под откосом —
Он бил меня железным костылем.

Но на костре кровавых язв сгорая,
Служил я честно, пес сторожевой,
И только под закутою сарая
Кипел и глох мой исступленный вой.

Слепец же, поднимая круто бельма
И обнажив гнилых зубов оскал,
В лицо мне улыбался старой шельмой,
А сам меня угрюмо утешал:

— Надейся, жди: ослепнешь ты от гноя.
Провалится, как у меня, твой нос,
И счастлив будешь ты своей звездою
С того, что будет у тебя свой пес.
Тогда-то, возмущая духов бездны,
Я звездные слепцу открыл следы,
И он ушел со мною в путь зазвездный...
А от того, что я — посол звезды.

Андрей АЛДАН-СЕМЕНОВ

* * *

Могу ли щуриться на солнце,
Раскинув руки над сосной,
Когда неумолимо
стронций
Раскалывает
шар земной?
Когда
в любую точку
света,
Не давши звуку просвистеть,
Несет
глобальная
ракета
Мою же собственную смерть?
Мне столько
помнится обманов,
Я знаю столько
страшных дел
Я так устал
от барабанов,
Так от угроз оторопел,
И так мне опротивел тусклый
Язык беды,
язык войны,
Что я хочу
не только русской —
Хочу всемирной
тишины.

Антонин ЛАДИНСКИЙ

ЭПИЛОГ

В слезах от гнева и бессилья,
Еще в пороховом дыму,
Богиня складывает крылья —
Разбитым крылья ни к чему.
На повороте мы застряли,
Под шум пронзительных дождей,
Как рыбы, воздухом дышали,
И пар валил от лошадей.
И за колеса боевые,
Существованье возлюбя,
Цеплялись мы, как рулевые
Кренящегося корабля.
И вдруг летунья вороная
С размаху рухнула, томясь,
Колени хрупкие ломая
И розовою мордой — в грязь.
И здесь армейским Буцефалом,
В ногах понуренных подруг,
Она о детстве вспоминала,
Кончая лошадиный круг:
Как было сладко жеребенком
За возом сена проскакать,
Когда, бывало, в поле звонком
Заржет полуслепая мать...
Свинцовой пули не жалея,
Тебя из жалости добьем,
В дождливый полдень водолея,
А к вечеру и мы умрем:
Нас рядышком палаш положит
У хладных пушек под горой —
Мы встретимся в раю, быть может,
С твоей лохматою душой.

Александр КРЕСТНИКОВ,
Марк ШТЕЙНБОК (фото)

УРОКИ ДЛЯ УЧИТЕЛЯ

Оканчивая биофак Горьковского университета, он получил от столичного института, где проходил практику, приглашение в аспирантуру. А на распределении неожиданно для всех попросился учителем в сельскую школу. Да ещё в один из самых отдаленных уголков области — Ковернинский район.

Единственное, что напоминает о шумевшей когда-то здесь, в Высокове, жизни,— восьмилетняя школа. Пусть бревенчатая, неказистая, пусть учатся в ней всего 32 ученика, но пока она существует, у людей остается надежда, что их село минует печальная судьба вымерших в округе деревень.

О деревне Володя Карповский знал лишь по книгам и студенческой картошке. Растапливая в доме печь, сделал первое открытие: чтобы не дымило, нужно отодвинуть заслонку. Потом учился вытягивать бадью из колодца, колоть дрова...

Признаться, представляли его себе иным: эмоциональным, задиристым. Каким и подобает быть конфликтующему человеку. Оказалось: спокоен, флегматичен, никогда не перебьет собеседника. Почему же столь многих людей он настроил против себя?

— Мы устали от его авантюр,— говорили работники роно.— Учитель должен давать детям прежде всего знания, а он их не дает. Нарушает методику. Указываешь на ошибки, а ему хоть бы что. Выслушает, а сделает по-своему. Опыты по химии он, знаете ли, в подтопке проводит. Правда, вытяжной трубы в школе нет. Но ведь в печке зола. Это неэстетично... А сейчас вообще выступает с идеей школьного кооператива.

— Со странностями человек,— сказала директор Высоковской восьмилетки Л. Бундина.— Конечно, дети его любят. У меня на уроке рабочее общение.

А у него базар, да и только. Превращает урок в душеспасительную беседу. Но надо же и контроль за детьми держать! Им только дай волю, на головах ходить будут.

Или последний случай, с Аркашей Груничевым. Родители переехали в Белбош, а парень там учиться не хочет. Убегает из школы, от родителей. Трудный, одним словом. Живет сейчас здесь, у бабушки. Карповский и его в школу привел...

У молодого учителя особое отношение к «трудным». Он считает, что из таких ребят могут вырасти более интересные личности, чем из отличников, которые слишком послушны.

В толстых тетрадях Владимира — психологические характеристики учеников, наблюдения, размышления об их будущем:

«...Ребята живут в деревнях, которые вымирают. Ходят в школу, которую вот-вот закроют. Они ежедневно наблюдают, как спиваются их старшие друзья, не знающие, чем занять себя после работы. Так формируется средой и насаждается взрослыми «пожарная психология». Отсюда пассивность, позиция «хаты с краю».

Как побороть ее? В прошлое лето Карповский задумал строить с мальчишками настоящий дом. Договорился с председателем колхоза о бревнах на сруб, нашел мастеров, заручился поддержкой родителей. Ребята впервые могли проверить себя в серьезном деле, получить навыки, что пригодилось бы потом в деревенской жизни. Но работать им ни в роно, ни в школе не разрешили. А вдруг что случится? Маленькие слишком. Пусть лучше скворечники строят.

После восьмого класса высоковские ученики едут учиться в Ковернинскую среднюю школу, в училища и, как правило, надышавшись другой жизни, отвыкают от сельского труда и назад не возвращаются. Но в прошлый выпуск сразу четверо восьмиклассниц решили не уезжать из своего села. Трое устроились на ферму доярками, четвертая стала почтальоном. Карповский обещал добиться для них открытия в Высокове консультпункта заочной средней школы. Не добился. «Это несерьезно,— сказали в роно,— слишком мало учащихся».

К началу учебного года из райцентра явилась комиссия. Девочек уволили с работы — им не было еще шестнадцати. Родителям пригрозили большим денежным штрафом, если не отправят их учиться в ПТУ, на художниц хохломской росписи. Почему на художниц? В комиссии был директор училища. А в училище — недобор учащихся. Теперь все четверо дружно расписывают ложки.

Учитель на селе... Чисто бытовые проблемы — огород, хозяйство — крепко затянули в свои сети педагогов. Без личного подворья на деревне никак

нельзя. Лишь в трех хозяйствах Ковернинского района учителям установлены какие-то льготы с продуктами питания. По-прежнему трудно с жильем, с дровами. До высоких ли тут материй!

Но, думается, дело не только в этом. Учитель разуверился в собственной значимости. Он по опыту знал, что все вопросы — педагогические, непедагогические — решаются «наверху». Сам преподаватель не что иное, как винтик в административной системе.

Нынешняя школа настроена на то, чтобы давать знания, умения, навыки. О работе педагога сплошь и рядом судят по отметкам его учеников. Учитель, задумавшийся прежде всего о воспитании детей, не считающий материал учебника самоцелью, неизбежно наживает себе неприятности.

На предыдущей августовской конференции учителей района Карповского назвали в числе педагогов, не справляющихся с работой. Его уроки на самом деле проходят неровно. Профессионализма ему пока не хватает. «Не выделяет при объяснении главного, увлекается примерами» — так считает методист Горьковского института усовершенствования учителей Е. Алексеева, побывавшая на его занятиях. Но многое и понравилось.

— Объем знаний удваивается в мире каждые три года,— говорит Карповский.— Угнаться за ними невозможно. Моя задача — сформировать у детей интерес к познанию. Не убить в них желание учиться.

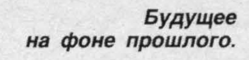
Многие учителя, приходя в класс, тут же надевают на себя официальную маску. В быту они одни. В школе — другие. Идеальные. Дети хорошо чувствуют это. И сами усваивают правила предложенной игры. А Карповский на уроках таков, какой он всегда.

После занятий школьники запросто заходят к учителю в гости. Пьют чай, слушают пластинки. А в прошлую зиму его дом вообще превратился в общежитие. Владимир пустил к себе в дом мальчишек из соседних деревень. Чтобы не мерзли по дороге в школу. Всей гурьбой по вечерам делали уроки, парились в бане, печатали фотографии.

На нынешний учебный год Владимир возлагает особые надежды. В Высоковскую школу приехали сразу трое выпускников университета: Андрей Старичейков, Елена Ломтева, Лилия Вадова. С Карповским дружат давно. Прибыли по его приглашению. Брать их сначала колебались, несмотря на вакансии. Затем выделили меньше всех часов. Долго не было ясно, где они будут жить. Но молодые педагоги, оставившие в Горьком благоустроенные квартиры, не в обиде. Их вряд ли можно назвать романтиками. То, что их ждет, представляют реально. Хотят самостоятельности, поиска. Получится ли?

Обеденный час.

Будущее на фоне прошлого.

Задача для учителя: как оседлать коня?

...Сразу за Высоковом дорога углубляется в лес. Поворот к маленькой речке Утрус — и на том берегу, на холме, перед вами неожиданно вырастают белокаменные стены Высоковско-Успенского монастыря.

Время от времени среди его обветшалых построек появляются школьники и учитель. Прибирают территорию, разыскивают подземный ход. Иногда забираются на колокольню, с которой видно аж соседнюю область. Для них — это история. Как и их родные деревни, она разрушается на глазах. Как сделать, чтобы что-то не разрушилось и в них самих? В пособии для учителя об этом ничего не сказано...

КИНОЗАЛ

О ТОМ, КАК ВАЖНО БЫТЬ ТЕРПЕЛИВЫМ

НА КИНОСТУДИИ «ТУРКМЕНФИЛЬМ» РЕЖИССЕР ХОДЖАКУЛИ НАРЛИЕВ СНИМАЕТ КАРТИНУ «ПТИЦА-ПАМЯТЬ» (ИЛИ «ЛЕГЕНДА О МАНКУРТЕ» ИЗ РОМАНА ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА «И ДОЛЬШЕ ВЕКА ДЛИТСЯ ДЕНЬ»). ПОЧЕМУ МЫ РЕШИЛИ РАССКАЗАТЬ О СЪЕМКАХ? ЧТО УДИВИТЕЛЬНОГО В ТОМ, ЧТО НАРЛИЕВ РЕШИЛ СДЕЛАТЬ ФИЛЬМ ПО АЙТМАТОВУ? ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, НИЧЕГО. И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ «УДИВИТЕЛЬНОЕ РЯДОМ»: РАЗРЕШЕНИЯ НА ЭТИ СЪЕМКИ РЕЖИССЕР ДОБИВАЛСЯ... СЕМЬ ЛЕТ. А К РАБОТЕ ПРИСТУПИЛ — ЧЕРЕЗ ВОСЕМЬ.

В 1980 году народному артисту Туркменской ССР, лауреату Государственной премии СССР Ходжакули Нарлиеву прислали напечатанную на машинке «Легенду» — роман был еще в рукописи. Прислали по согласованию с писателем. Вместе они пошли к тогдашнему руководителю Госкино, вполне уверенные в благоприятном исходе переговоров. В самом деле: стародавность легенды вроде бы не давала повода заподозрить «просителей» в тайном умысле исказить нашу советскую действительность. Тем не менее руководитель сказал: «Нарлиев всю жизнь в своих фильмах показывает несчастную женщину, Айтматов — то же в романах; если они объединятся, женщина Востока будет вдвойне несчастной». Не правда ли, сегодня это звучит как шутка? А тогда... Тогда Нарлиева уговорили вместо «Манкурта» снять фильм о газовиках Туркмении, пообещав, что эта лента станет, отныне и впредь, «третьей единицей» на студии «Туркменфильм», где до той поры полагалось снимать лишь два художественных фильма в год. Тема была, как принято говорить, нужной, но режиссеру не очень близкой.

Разрешения на съемки «Легенды» Нарлиев добился только тогда, когда понятие «манкурт» стало нарицательным. «Куда легче снять пленному голову...,— писал Чингиз Айтматов,— нежели отбить... корни того, что пребывает с человеком до последнего вздоха, оставаясь его единственным обретением, уходящим вместе с ним и недоступным для других». Ошеломляющее впечатление произвела на читателей этого романа легенда о человеке, которого с помощью страшных пыток лишили памяти. Сегодня мы понимаем, что она не устарела: разве не пытались из нас долгие десятилетия делать беспамятных манкуртов?

Убивая в человеке память о прошлом, его лишают корней. Раньше люди оставляли наследство, рассуждают герои в романе, теперь надо оставлять слово, ибо в слове — душа народа, его память. Именно против этого выступает один из манкуртов...

Но вернемся к Нарлиеву и к истории о том, как важно быть терпеливым.

Известные не только у нас в стране, но и за рубежом его картины — «Невестка», «Когда женщина оседлает коня», «Дерево Джамал» — давно определили место режиссера в ряду мастеров поэтического кинематографа. Столкновение добра и зла, истины и лжи, разрушения и созидания — в этих работах можно увидеть стремление автора к символическому обобщению, эпическому осмыслению бытия. Так что мечта режиссера поставить именно «Легенду о манкурте» была вполне естественной. В конце концов Ходжакули смог убедить Госкино, и лет эдак через пять(!) получил разрешение на съемки. Но не тут-то было: в самой республике у фильма вдруг объявился весьма влиятельный противник, с которым режиссер бился долго, но безрезультатно.

Тут нелишне пояснить, что до недавнего времени, то есть до прихода нового идеологического руководства республики, весь процесс кинопроизводства Туркмении был подвержен мелкой, чаще всего малокомпетентной, опеке. Просто из ЦК КП республики поступали листы с замечаниями без подписи. Получив их, работники студии невесело шутили: опять анонимку прислали, надо исполнять... Наверху узнали, как называют их листы, и избрали другой путь: замечания стали присылать на бланке Госкино.

Вот на таком бланке и получил Ходжакули отказ в экранизации «Легенды», хотя причин отказа ему не объяснили, только можно было догадаться. Когда наступил восемьдесят пятый год, а с ним — и многие перемены, режиссер пришел в ЦК партии республики и сказал: «В Москве просто буря, а вы сидите с закрытой форточкой. Как вы можете так?» Сказал он это тому — влиятельному — человеку, а конкретнее, прежнему секретарю по идеологии, который, ясное дело, обиделся... Короче, терпеливому и настойчивому кинематографисту пришлось вновь добираться до Москвы и затем обращаться уже к первому секретарю ЦК КП Туркмении, который в результате и помог окончательно решить вопрос. Разрешение на съемки было дано в январе 1987 года.

Кто-то может сказать: ну, все это в основном происходило в эпоху застоя, а теперь, мол, все не так, ничто не может помешать нормальной работе кинорежиссера. Что ж, давайте посмотрим, как работается сегодня ему на «Туркменфильме».

Множество препятствий, больших и малых, приходится ежедневно преодолевать режиссеру. Помню, с какой опять-таки терпеливой настойчивостью полдня сидел «на телефонах» Нарлиев, пытаясь обеспечить полноценный съемочный день. Но вдруг он узнавал о том, что одну из актрис отзывают в Москву, что где-то затерялся автобус с «массовкой»; что редкостный белый верблюд, выписанный из Ташкентского цирка, не желает есть мелкую магазинную морковку — ему нужно крупную, рыночную, а на такую у директора фильма не положено по смете денег, и так далее, и так далее, и так далее.

Я видела бессилие режиссера, и его гнев, и отчаяние, и, наконец усталость и впервые физически ощутила, как утекает время — плавно, тягуче, тяжело... Почувствовать это помогло и присутствие здесь, в одном из кабинетов киностудии, двух темпераментных турецких актеров, занятых в «Птице-Памяти». Судя по поведению, они категорически не привыкли к подобным задержкам и простоям в кинопроизводстве. Особенно страдал Йылмаз Дуру, актер, режиссер и президент кинокомпании «Туграфильм», совместно с которой туркменская студия впервые осуществляет постановку.

В перерыве между телефонными переговорами Нарлиева я спросила его:

— Ходжакули Нарлиевич, а так ли уж необходимо снимать фильм совместно с Турцией? Нельзя ли было обойтись своими силами?

— Начну с того, что трагедия, описанная Айтматовым, общечеловеческая трагедия, лишенная четких национальных признаков. Я понимаю, что вы имеете в виду. Действительно, нет нужды, скажем, на роль Деда Мороза приглашать заокеанского актера.

Главная же идея нашего фильма: человечество без исторической памяти — это гибель *всей* цивилизации. Самое страшное, когда люди убивают друг друга. А уж если сын, потерявший память, убивает мать... Наш сценарий сделал всех единомышленниками в работе, тем более, что меня связывают давние творческие и дружеские отношения с кинокомпанией «Туграфильм». Очень популярному в Турции актеру Тарыку Тарджану, играющему роль манкурта, так полюбился сценарий, что он предпочел работать у нас за гораздо меньшую сумму денег, чем в тех, по его словам, «безделушках», в которых ему обычно предлагали.

Самые трагические эпизоды, где будет занята и Маягозель Аимедова, главная героиня в этом и во всех других моих фильмах,— мы будем снимать в Турции, в одном из древних амфитеатров, на развалинах бывшей цивилизации, культуры, уничтоженной людьми. Но всякое разрушение, произведенное руками человека, неизбежно разрушает и его разум. И вот в финале манкурт пасет там, в амфитеатре, отару овец. Овцы вместо людей...

— Прошу прощения, но для того, чтобы снять это так же красиво, впечатляюще, как вы рассказываете, нужна приличная кинопленка...

— Правильно, вы угадали: турецкие кинематографисты предоставили нам хорошую пленку. Они же заинтересованы в том, чтобы получить качественную продукцию и получше продать ее на кинорынке. С тем, чтобы потом вкладывать деньги и в дальнейшее усовершенствование своего кинопроизводства. А мы работаем в таких условиях, что я вообще удивляюсь, как нам удается выпускать помимо трех художественных картин в год еще и документальные, и мультипликационные...

Слушаю я эти горькие слова первого секретаря правления Союза кинематографистов республики и думаю: а от кого же все-таки зависит, чтобы на местной студии произошли хоть какие-то сдвиги в лучшую сторону? Ну, до технического оснащения «Туграфильма» — как от Земли до Фобоса, но хотя бы ремонт, что ли, сделали в крайне запущенном здании киностудии или соорудили хоть один нормальный павильон, о возможности съемок в котором уже и не мечтают тамошние режиссеры.

— По щучьему велению ничего не произойдет,— растолковывает мне Нарлиев.— И моего влияния как первого секретаря Союза мало. Госкино СССР субсидирует студии. Давно пора переводить нас на хозрасчет. Сейчас этот вопрос решается. Умеешь работать — получай, не умеешь — уходи! Вот на днях: водитель опоздал на два часа, значит, и актеры на съемку тоже. И ничего ему не было! Никто не хочет строить приличные декорации, не хватает осветителей. И все потому, что жутко низкая зарплата. А наша кинотехника! Это же позавчерашний день, все выходит из строя. Достаточно сказать, что отснятый материал мы можем проявлять только на «Ленфильме» или «Мосфильме», то есть каждый раз ждем по две недели... Да что там! — Нарлиев огорченно замолк, потом со вздохом продолжил: — Досадно особенно то, что эти вечные материальные трудности мешают перестройке самих людей. На словах-то — само собой, а душой — и не думали, и не умеют. Ждут, когда сделают другие. Иные прямо так и говорят: вот видите, три года прошло, а у вас все по-старому, не знаете, до чего эта перестройка доведет. На наших собраниях и поныне можно услышать: проблемных фильмов не нужно, для этого есть сатирические киножурналы, воспитывать нужно исключительно на положительном примере. Вот он, глас «посредственности»! Ей долгие годы жилось легко, ведь за нее думали «начальники»...

Что же касается творческой судьбы самого Нарлиева, то ее не назовешь легкой. И сейчас, и тогда, в начале шестидесятых, когда он после ВГИКа пришел на «Туркменфильм» (сначала оператором документальных фильмов, потом — с появлением на студии режиссера Булата Мансурова — художественных кинолент). В тесном содружестве они сделали замечательные картины «Состязание», «Рабыня» по А. Платонову, «Утоление жажды» по Ю. Трифонову. Они были едины во всем, думали вместе, решали вместе, работали с удовольствием, чем вызывали сопротивление тех, чьи творения составляли общий серый фон, на котором столь вызывающе выделялись ленты двух «молодых да ранних». Булата Мансурова просто выживали, один крупный — ныне покойный — киноделятель на собраниях говорил буквально следующее: Мансуров татарин, он не может сделать туркменский фильм (Булат в конце концов уехал, сначала в Алма-Ату, потом в Москву). Посмотрев же нарлиевскую «Невестку» (удостоенную наград на Всесоюзном кинофестивале, фестивалях в Локарно и Сорренто), сей почтенный муж сразу собрал правление Союза — опять «не тот фильм», «не туркменский». «Таких, как ты, мы в тридцать седьмом к стенке ставили» — и подобное довелось услышать молодому режиссеру Нарлиеву от «наставника».

Тяжело вспоминать об этом, но, как говорится, из песни слово не выкинешь. Да, были и в туркменском кино изрезанные фильмы, исковерканные судьбы, по которым проехалось чиновничье колесо невежества и равнодушия.

Ходжакули еще в те годы сумел завоевать право на свой голос. И сегодня он продолжает отстаивать свое право быть услышанным. Ведь он не ждал перемен — он делал все, чтобы их приблизить.

Это хорошо, подумала я, что Нарлиеву только пятьдесят один год, что он полон сил и желания поведать людям сокровенное, тревожащее душу. Хотя он мог сделать «Легенду» — и эта мысль не покидала меня — еще когда ему было всего сорок три года, когда энергии и терпения было намного больше, не было и намека на усталость...

...В финале будущей картины голос матери вопрошает потерявшего память сына: «Как тебя зовут? Кто ты? Как имя отца твоего, матери твоей? Вспомни! Вспомни! Вспомни!»

Ходжакули Нарлиев принадлежит к тем, кто никогда этого не забывал.

Наталья АЛЕКСЕЕВА

Народная артистка СССР Маягозель Аймедова в роли Айым.

Кадр из фильма.

Каббор — заслуженный артист Туркменской ССР Ходжадурды Нарлиев.

Оператор Нуртай Борбиев и режиссер Ходжакули Нарлиев.

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

МЕЖДУ НЕВО
И Н

С МЛАДЫХ НОГТЕЙ
МЫ ЗНАЛИ, ЧТО ПАРИЖ —
ГОРОД КОНТРАСТОВ.
И НЬЮ-ЙОРК.
И БЕРЛИН (ЗАПАДНЫЙ).
ПОСКОЛЬКУ ЗА ПЫШНЫМИ
ФАСАДАМИ... НУ И Т. Д.
МЫ ГОРДИЛИСЬ
ЕДИНСТВОМ ФОРМЫ
И СОДЕРЖАНИЯ НАШИХ,
ВСЕ БОЛЕЕ
«ОБРАЗЦОВЫХ» ГОРОДОВ,
И БДИТЕЛЬНЫЙ ПИОНЕР
ПРИВЫЧНО РАЗОБЛАЧАЛ
ОЧЕРЕДНОГО НЕДРУГА,
КРАВШЕГОСЯ
К ИХ ЗАДВОРКАМ
С ИНОСТРАННЫМ
ФОТОАППАРАТОМ
НАПЕРЕВЕС.
ГОРДОСТЬ ПРИ НАС,
ДОБАВИМ ЖЕ К НЕЙ
И ПРАВДУ.

Андрей ЧЕРНОВ,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

В двадцатиминутке ленинградских документалистов «Дым Отечества» есть такой кадр: цветная, снятая с вертолета панорама стрелки Васильевского острова еще длится, а бравурная музыка вдруг начинает «плыть», превращаться в мычание и треск рухнувших перекрытий. Первая мысль — что-то с аппаратом... Но свет не гаснет, и на экране черно-белое пламя, пожирающее библиотеку Академии наук. Почти любительская съемка, потому что и профессионалу трудно снимать такое. И не в том дело, что тогда, в феврале, оплавлялись каски на пожарных, а дым ел глаза и оптику. По кадру видно, как дрожат руки у оператора.

Не успели замыть пепелище и подсчитать потери — прорвало трубу под паркетом в библиотеке Пушкинского Дома.

А через пару месяцев кипяток хлынул вновь, уже в библиотеке имени Салтыкова-Щедрина. И ленинградские газеты писали о том, как заживо варились бесценные партитуры, а люди прыгали из окон.

Вдруг стала популярна в Питере старая стихотворная

● *В салоне Штакеншнейдера.*

строчка «Великий город с областной судьбой...», вдруг оказалось, что за фасадом праздничного Невского, за колоннадами дворцов и вертикалями шпилей — клубок застарелых проблем.

А что вы хотите от города, который в 70-е к приезду заморского президента красили до окон третьего этажа (выше из автомобиля не видно), что вы хотите от этих приветливых людей, уставших биться с городским комаром в самом центре петровской столицы?

— Ленинград город красивый, но гниет изнутри...

Эти слова Татьяны Толстой о своем (и моем) родном городе никого не удивили в тесном зале Дома писателей. Ленинградцы привыкли к боли. А тут еще город стал гнить и «снаружи»: зацвел Финский залив, грозя превратиться из «Маркизовой лужи» в заурядное болото. Меж тем «стройка века», ленинградская дамба, возведена лишь наполовину. Что будет, когда она окончательно закупорит морские легкие города, не знает никто.

Восстановление исторической памяти болезненно.

С заведующим научно-исследовательским отделом Музея истории города Александром Давидовичем Марголисом бродим по пустым залам выставки «Заповедная зона Ленинграда: вчера, сегодня, завтра». Выставка на Красной улице будет открыта до конца октября, но тысячи людей, которые хотели бы пройти по ее залам, в те летние дни о ней просто не знали.

Мнение моего собеседника:

— Решение Ленгорисполкома об установлении заповедной зоны города и о создании в ее ядре музейного комплекса «Старый Петербург» было принято в день рождения города 27 мая 1985 года. Нам было предписано немедленно приступать к работе, и мы тут же приступили, тем более что готовились к этому загодя. Музеем создана детальная научная концепция зоны, подготовлены архитекторами и художниками проектные предложения. И...

Но сначала о заповедной зоне, потому что и о ней, утвержденной да скрепленной солидной печатью с фиолетовым гербом, тоже мало кто знает.

Ее можно обойти за полтора часа. Северная граница — Дворцовая набережная от Марсова поля до Зимней канавки. Южная — по Невскому проспекту от Дома книги до Зеленого моста. Западная — набережная Мойки и Зимняя канавка. Восточная проходит по Марсову полю и каналу Грибоедова.

Что внутри?

Ну хотя бы Мойка, 12, последняя пушкинская квартира. Демутов трактир, во флигеле которого поэт останавливался после возвращения из ссылки. И писал «Полтаву», видя перед собой немецкую церковь Петра и Павла. Совсем недавно Б. М. Кириков доказал, что в 1827 году Пушкин жил во флигеле, выходящем не на Мойку, а на Большую Конюшенную. Еще аргумент в пользу открытия В. Д. Берестова, установившего принадлежность Пушкину авторства «записанной» рукой гения «народной» песни «Как за церковью за немецкою...». Сегодня в немецкой церкви бассейн. Что будет завтра?..

Что еще будет здесь, если исполком все же не навек положил свое решение под сукно?

Наглядное представление об этом дают материалы, выставленные в восьми залах на Красной, 45. Музей-усадьба крупнейшего зодчего середины XIX века А. И. Штакеншнейдера. Здесь был салон, сюда захаживали Достоевский, Тургенев и Гончаров, А. П. Брюллов и Бруни, революционеры Лавров и Михайлов. Адрес — набережная Мойки, 9.

А на Халтурина, 10 — экспозиция «Литературно-художественные салоны Петербурга» рубежей прошлого и позапрошлого столетий. Литературные вечера у Державина и Шишкова, «Беседа», «Арзамас», «Зеленая лампа». И — через один лестничный пролет — экспозиция, отражающая мир городского народного праздника, история гуляний, цирка, увеселительных садов и раннего кинематографа. Литературно-артистические подвалы «Бродячая собака» и «Привал комедиантов».

Круглый переулок, 1—3, Музей петербургской торговли и ремесел, торговые и фольклорные традиции города, способы хранения продуктов и рецепты питерской кулинарии, история рекламы товара.

А в Круглом рынке, поставленном два века назад по проекту Кваренги, будет раскрыта заложенная сейчас аркада. (Ее заложили в 20-х, когда нечем стало торговать.) И вместо нынешних контор — специализированные магазины, изделия народных промыслов, антиквариат, кооперативные кафе, артели и мастерские.

Здесь же (Халтурина, 8) зажатый с двух сторон усадьбой Штакеншнейдера и великокняжеским дворцом многоэтажный доходный дом: нет, делать из него гостиницу пока никто не предлагает, а вот разместить здесь экспозицию «Население Петербурга» — самое место.

И, конечно, Музей декабристов, потому что какой же это город трех революций, если этого музея в нем нет до сих пор?

Декабристы для Питера не эпизод и не «страничка истории». Беспримерный случай вооруженной забастовки российской гвардии (вышли на площадь, стали в каре и стояли без всякой надежды на победу) определил и отношение к этим людям. Эпитет «декабристский», как и эпитет «пушкинский»,— это что-то вроде неофициального титула города.

В этом мы убедились за год работы в Ленинграде экспедиции «Огонька», Музея истории города и ленинградского телевидения. (Об этом «Огонек» рассказывал в 23 и 35 номерах за прошлый год и в 6 номере этого года.) Наш поиск места погребения казненных декабристов на Голодае был бы просто невозможен, если бы для десятков тысяч ленинградцев слова «декабристы и Пушкин» не были бы святым паролем. Одного телефонного звонка было достаточно, чтобы получить помощь. Сейчас геологи, биохимики и криминалисты начали обработку добытого бурением грунта, и первые результаты уже получены: в плывуне на глубине более четырех метров (с учетом почти трехметрового культурного слоя) обнаружено пятно кальция, фосфора, магния и белка. Это как раз в точке, указанной пушкинскими рисунками.

Экспедиция продолжается, и о ее результатах мы еще сообщим.

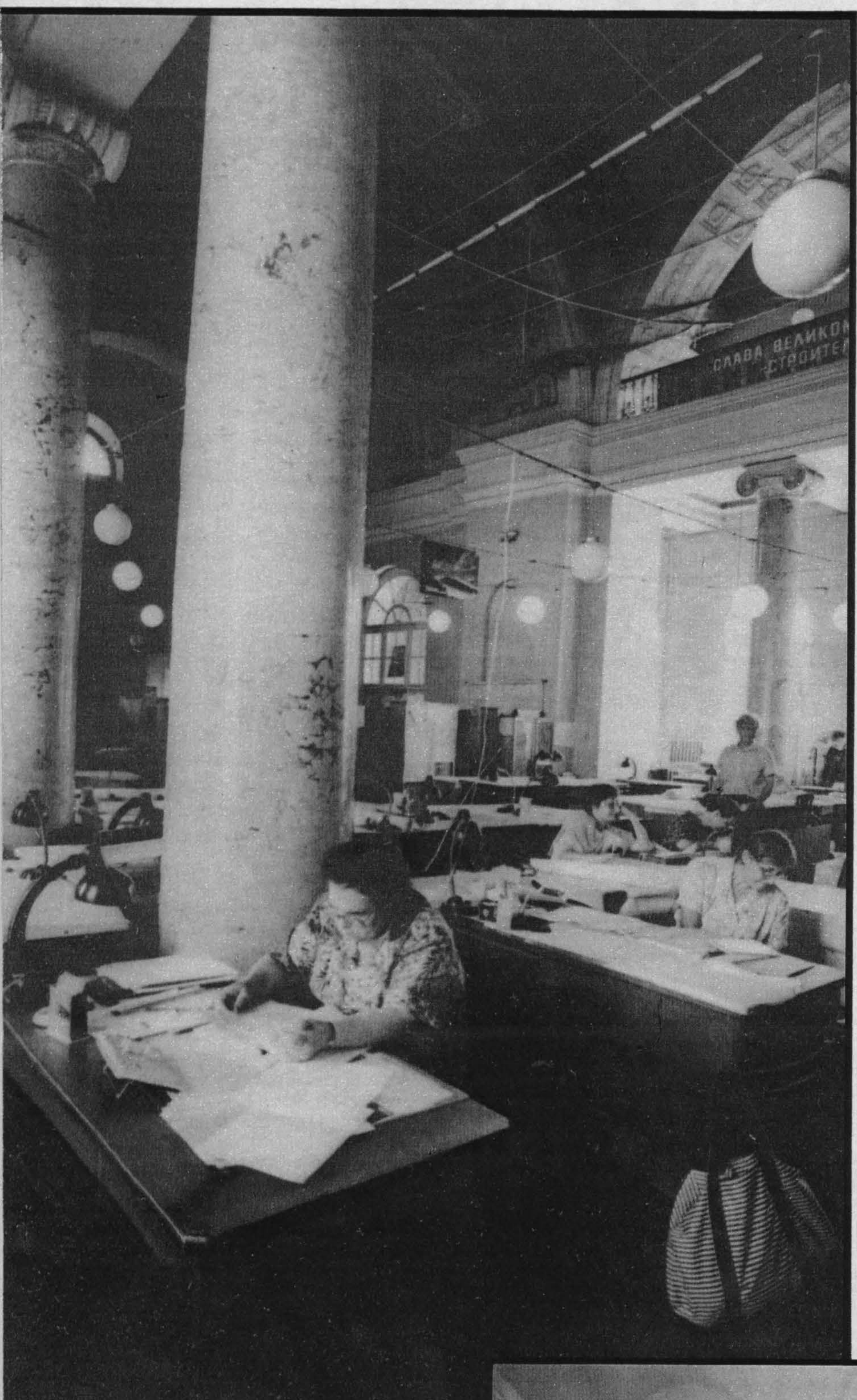
Мнение моего собеседника:

— Ключевое место заповедной зоны — Дом Пушкина. Второе — Музей декабристов. Мы предварительно изучили два десятка домов-претендентов. Сначала склонялись открыть музей в бывшем доме Российско-Американской компании. Здесь у Синего моста жил Рылеев. Выселить отсюда районный ломбард? Но вот беда: сам дом в 1909 году столь решительно перестроен архитектором Барановским, что для приведения здания в должный вид его надо разобрать, уничтожив тем самым хороший образец отечественного модерна. А потом возвести новодел. Или, если угодно, муляж.

Это же относится и к другим адресам. Дом Муравьевых (Фонтанка, 25) погиб у нас на глазах. До войны надстроены два этажа, в середине 60-х прошел варварский капитальный ремонт...

Кроме того, московский опыт показал, что разместить декабристский музей в особняке непросто. Интерьер врывается в экспозицию, убивает ее. Ампирные ротонды и тема каторги — это как?..

Мы остановились на здании бывшего офицерского корпуса казарм лейб-гвардии Павловского полка. Ведь первый этап русского освободительного движения начинался в казармах российской гвардии. Здесь — один из декабристских центров. Рядом — дома, где жили Оболенский и Пущин, Волконский и Дельвиг. Колонна гренадер, которую 14 декабря вывел Панов, будет незримо идти рядом с музеем по Миллионной.

Здесь отпевали Пушкина.

Можно было бы привести и десятки других аргументов. Но остановимся, потому что дело не в них. Приспособившийся к перестройке бюрократ теперь не отказывает. То есть, конечно, отказывает, но «демократично»: надо, мол, вопрос о зоне и музее решать комплексно, продумать с общественностью, широко обсудить и т. д.

Продумали. Обсудили.

В июне прошлого года в «Смене» появилось интервью с тогдашним начальником Главного управления культуры А. П. Тупикиным, где он сетовал, что получает десятки писем от ленинградцев с вопросом о Музее декабристов. Начальник успокаивал своих корреспондентов через газету: вопрос решен, музей будет в Аптекарском переулке, дата создания музейной зоны — 1995 год, «но музей будет значительно раньше».

Это была откровенная «деза», потому что Тупикин знал: решения нет. Есть лишь проект решения, который тем же Тупикиным был «согласован» через несколько месяцев после того интервью.

Прошло еще время. Теперь уже начальник управления музеев города Б. И. Назарцев в «Ленинградской правде» клятвенно заявил, что музей создается. Да, в Аптекарском. И вообще сколько можно про это писать? Хотите, мол, помочь — милости просим.

Это вновь была неправда. Как старинные мореплаватели тушили волну бочонком с оливковым маслом, так мудрые руководители ведомства культуры усмиряли волнение ленинградцев обещаниями и заверениями.

Сколько их было и сколько еще будет?

В духе Хармса, как выразится мой спутник, скажем, история со знаменами мятежных полков.

Полотнища от знамен московцев и гренадер хранятся в Музее истории Ленинграда и выставлены в комендантском доме Петропавловской крепости. Лоскут знамени Гвардейского экипажа в Бирже, то бишь в Военно-морском музее. И в Артиллерийском музее — древки этих знамен. Никогда за годы Советской власти весь комплект вместе не собирался. Хотите узреть все — прогуляйтесь в крепость, после пройдите на стрелку Васильевского острова и вернитесь на кронверк. Унылая ведомственная дичь, для разрешения коей не хватит, пожалуй, даже решения Совмина. В Ленинграде декабристские реликвии распылены по государственным собраниям, и можно предвидеть, чего будет стоить попытка свести их под одной крышей.

Хорошо еще, что в Музее истории города работают оптимисты.

И последний адрес заповедной зоны. Улица Халтурина, 4/1, здание старейшей петербургской аптеки. В 1732 году ее построил Доменико Трезини.

Все-таки от Трезини что-то осталось. Что-то — это сам план города, его трехмерный, развернутый к реке сюжет. И вертикаль человекоподобного собора в крепости, который не похож на западную ратушу или кирху, потому что оплавленный солнцем шпиль совсем такой, как луч на древнерусских иконах с сюжетом Сошествия Святого Духа. Словно апостол Петр и впрямь дошел до Невы и замер здесь навеки, просветленный огненным столпом горней мудрости.

И Двенадцать коллегий, оттесненные на задворки Василеостровской стрелки благодаря своеволию Меншикова. (Это и спасло их!)

И вот эта аптека, с ее обновленными в конце XVIII столетия фасадами (Кваренги потрудился). Во времена Державина и Пушкина здесь не только торговали снадобьями. Аптека Трезини — это и медицинская коллегия. Здесь зарождалась петербургская фармакология, здесь трудились питерские ученые-медики.

Здесь, если заповедная зона все-таки состоится не только на бумаге, когда-нибудь вновь откроется аптека.

Откроется ли?

Держу в руках поразительный документ. Заключение жилищного управления Ленгорсовета № 20179-01 от 7 апреля 1988 года. Это чудо бюрократической мысли достойно многого:

«Жилищное управление возвращает представленный проект решения без согласования...»

Вот так. Не согласовывает — и все. И что ему до декабристов, равно как и до мнения сограждан. А уж тем более до всей серии многочисленных заверений и обещаний городских властей. А вот и перл мотивировки:

«Постановлением запрещено...»

Еще раз оборвем цитирование, чтобы проникнуться душевным трепетом: дело серьезное, если бьют его такими козырями... Что же запрещено высокими инстанциями?

«...использование жилья не по назначению под нежилые цели».

Браво, товарищи Лесова и Кусевицкий, подготовившие это «несогласование». Браво, товарищ начальник жилуправления В. П. Роговцев, утвердивший бумагу своим ответственным росчерком.

«Постановлением ЦИК и СНК СССР от 17.10.37 № 112/1843 (раздел 2), запрещена передача домов с баланса местных Советов на баланс сторонним организациям, так как это влечет за собой снижение доходов жилищно-эксплуатационных организаций за счет потери арендной платы».

Смеяться или плакать?

Или оставить так, без комментария?

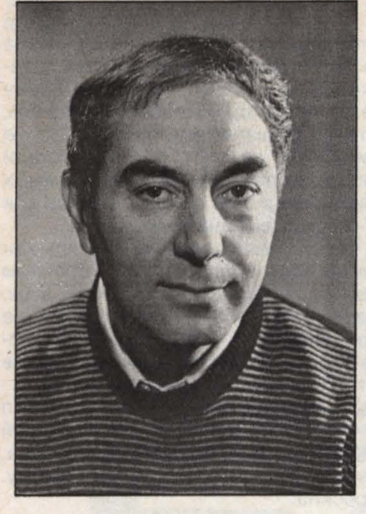
Очень бы хотелось услышать объяснения крестного отца этой бумаги, В. П. Роговцева, ставшего теперь заместителем председателя Ленгорисполкома. И уж заодно: не знает ли тов. Роговцев В. П., до каких пор в церкви, где отпевали Пушкина, будет некая контора, а рядом — таксомоторный парк? А в шведской церкви на улице Софьи Перовской, сотрясая старинную лепнину,— тренироваться тяжелоатлеты? А в немецкой (ее вид анфас и в профиль читатель найдет на цветной вкладке) будет происходить реконструкция... бассейна? Вопросов куда больше, чем это может поместиться в тонком журнале.

И все-таки еще один вопрос к товарищу Роговцеву. Уже не как к заместителю мэра, а как к гражданину великого города, как к ленинградцу и земляку: вам в новой вашей должности не хотелось бы полюбить этот город?

Вопрос не только к вам, но если сочтете его риторическим и не требующим ответа, позвольте считать ответом ваше молчание.

В церкви Петра и Павла на Невском идет реконструкция бассейна.

Натан ЗЛОТНИКОВ

ЧАСОВОЙ МЕХАНИЗМ

1953 ГОД

Стоит в денек воскресный
Выйти в мартовский город,
Лужи с грохотом треснут,
Капля падет за ворот.

Что-то там повернулось
В часовом механизме,
Обреченность, сутулость
Исчезают у жизни.

Роща стоит нагая
И дрожит от озноба.
Прочь уходит, пугая,
Тень державного гроба.

Вместе с этими, с теми
Через город весенний
Тянутся тени, тени
Сгинувших без воскресений.

Но, придя с того свету,
Вера лет восемь кряду
С нами была, за это
Ей подсыпали яду.

Не умерла — задремала,
И возродились страхи:
В будущем места мало,
Много места на плахе.

Много места пророку
Выбрать в нашей державе
Или тропу без проку,
Или дорогу к славе.

НА КРУТИЗНЕ

Мне думалось,
сюда не доберусь я,
Но вот он я, судьба, не обессудь.
И этой жизни далеко до устья,
Она его отыщет как-нибудь.

Река умчалась вниз,
сошла лавина,
Снега рассыпав до конца полей.
Вся тяжесть с гор сошла
иль половина,
Но, чую, им не легче — тяжелей.

СОРОКОВИНЫ

Пробуду два дня у Днепра,
Сестру отвлеку разговором,
Как будто бы пепел костра
Присыплю словами, как сором.

Еще не остыла зола,
Но счет уж не дням, а неделям.
И вымолвить трудно: «была» —
О жизни, которой владеем.

Нет! Жизнь нами правит, причем
За то наши множит потери,
Что жаждем негодным ключом
Открыть ее тайные двери.

МАМИНЫ ПЕСНИ

Позабыл, что мама пела,
Молодая, до войны,
Голосок звучал несмело,
Полный чистой тишины.

Может, песню про изгоя,
Что чужой звездой храним?
И, меня моложе вдвое,
Мама плакала над ним.

Может, песню про дивчину
Со счастливою судьбой?
Мама видела причину
Сравнивать ее с собой.

Может... Но когда свалила
Многих смерть,— им нет числа,—
Рвы копала, сталь сверлила,
Жала рожь, и нас спасла.

Не страшась любого дела,
Справилась с бедой, с тоской.
Только больше уж не пела,
Силы не было такой.

ЧИТАЯ ИСТОРИЮ ЗАВОДА

Как ты, летописец завода,
Прилежных исполненный сил,
Четыре военные года
В полсотни страниц уместил?

Такие сверкали зарницы
Над каждой душою в те дни,
Что бедные эти страницы
Дороже внезапной родни.

Как будто бы ветер жестокий
Ударит в колокола,
И мы обнаружим истоки
Судьбы, что нас вместе свела.

Кто знает, зимуют там раки?
Туда ль пресловутый Макар
Телят не гонял?.. Там бараки
И тесные лежбища нар.

Во мгле там от вздоха иль стона
Чуть вздрагивает каганец,
Там пушки во рвах полигона
Мытарствам пророчат конец.

А я здесь, в тепле и в уюте
Про подвиги да ордена
Читаю, забыв о минуте,
Где жребии мечет война...

Вот фото победного часа
Над старой уральской горой.
Из нашего первого класса
Остался в ней каждый второй.

ТИТ ЛИВИЙ

Что значит война с Ганнибалом,
Блистание силы и гнилость,
Когда и в великом, и в малом,
Казалось бы, все изменилось?

Исчезли былые союзы,
Забыт и позор, и победа,
Не вспомнит никто Сиракузы
Без имени Архимеда.

Забыты патриции Рима,
И воины Карфагена,
И время, что необоримо,
Как пылкая страсть и измена.

Но были умы, что постигли
Грядущее или избыток
Минувшего, сплавив, как в тигле,
Событий таинственный слиток.

Они собирали крупицы
Сенатского спора и смуты,
Чтоб истину от небылицы
Отсечь, словно миг от минуты.

И ради вот этого мига
Единственной жизни не жалко!
С надеждою строится книга,
Костер ее ждет или свалка.

Так впрок запасаются пищей.
Так шьется одежда на вырост.
Так злато царям дарит нищий.
Так вносится слово в папирус.

Сергей НОВИКОВ

ПРИМЕТА ЭПОХИ

* * *

Бетонную деву
с бетонным веслом,
примету эпохи и детства,
с урчаньем бельмастый бульдозер
на слом
из парка влечет наконец-то.

О, сколько подслушанных тайн
сохранить,
о, сколько поведать секретов
смогло бы, наверно, умей говорить,
немое чудовище это!

Но идол молчит,
на аркане влеком.
И скоро на пыльной окраине
отбойным его раскрошат молотком,
и тайны — останутся втайне.

О музы бетонной бетонный расцвет!
Бетонные лица горнистов,
бетонный Мичурин — насупленный
дед —
заслон в горсаду морганистам!..

...Бульдозер рычит. И гитара
бренчит.
Нудит пэтэушник патлатый...
О чем, дева, плачешь?
Но дева — молчит.
И ждет отмененной регаты.

Прощай же, эпоха копья и весла!
Прощай же, наяда кривая!
Твоя арматура тебя не спасла,
Эпоху, как парк, закрывают.

И завтра любовно другому божку
завхоз в своей книге амбарной
родному дитяти, ларьку иль лотку
твой номер отдаст инвентарный.

* * *

На изнанке торжественных лет,
в тяжком золоте телеубранства,
где вакхической вольности свет
искривляется в сложное пьянство,

там, где рог изобилья занес
над пустынным районным продмагом
жадным смерчем, гудящим взасос,
свой раструб с отрицательным
знаком,

где в беспамятстве юная мать
веселилась и дом поджигала,
чтоб пополнить цыганскую рать
на ступеньках чужого вокзала,—

я там был. Я, потупясь, смотрел.
И смятенье мне душу сводило.
Но глаза отвести не посмел,
ибо все это Родиной было.

* * *

Жертва и палач — в одной упряжке.
Оба, дескать, жертвы
обстоятельств.
Слышу речи: шелковей рубашки,
вижу: руки распростерты
для объятий
общепримиряющих... Но немо
вашей объективности внимаю,
ибо груз проклятой этой темы
не снимал с себя и не снимаю.
Голос — чей? Чьи — руки?
В этом дело.
Никого не обвиню облыжно,
только ведь из-под земли
заиндевелой
голосов пока еще не слышно.

* * *

Значит, выходит, в нас все-таки
было
нечто бесплотное, что материальней
вашей поруки железной и пыла
ваших застолий мистериальных.

Значит, была же какая-то сила,
что, не страшась ни угрозы,
ни кары,
звук выключала, экраны гасила,
лишь раздавались в эфире фанфары.

Как ни крути, заставляло же что-то
нас, когда вы награждали
друг друга,
лишь многословье, политое потом,
числить вполне трудовою заслугой.

Утлой свечи непоклонное пламя...
Вы б не простили
ему сумасбродства,
если б к нему дотянулись руками.
Только ведь в руки оно не дается.

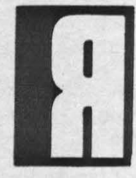
Ибо оно измеренью иному
принадлежит — не чета
вашим куцым! —
ибо живое оно, а к живому
вам никогда не дано дотянуться.

Анатолий ПРИСТАВКИН

КУКУШ[ата]

ИЛИ ЖАЛОБНАЯ ПЕСНЬ ДЛЯ УСПОКОЕНИЯ

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Я сел так, чтобы не прикасаться к скатерти, очень уж чистой и потому неудобной. Теперь я увидел, что на столе стояла ваза, пустая, и еще какие-то пузырьки, в них, как потом выяснилось, почему-то была соль и что-то еще, бесплатное. И никто не крал, вот чудно. У нас исчезло бы сразу.

Тут подбежал к нам человек в белом халате, странный такой, маленького росточка, но горластый, с глазами жулика. Уж кого-кого, а жуликов-то я распознаю сразу. У них взгляд особый.

Маша достала из сумки карточку с цветными талонами. Человек отрезал ножницами несколько штук, показал на листочке какие-то названия блюд и пропал.

А Маша посмотрела ему вслед и засмеялась:

— Это Филиппок... Так его здесь зовут. Он официант, кормил меня в прошлый мой приезд. Но, по-моему, он напоминает Карандаша... Ты же слышал про Карандаша, который выступает в цирке?

Я уже перестал удивляться глупым Машиным вопросам. Ну кто же в «спеце» не знает про Карандаша?! Вот недавно в картине его смотрели, а картина называется «Наш двор». Смешно, обсикаться можно. Там Карандаш под потешную музыку бегает с портфелем, потому что он домоуправ, и надо организовать работу по уборке двора, а у него, дурачка, все валится из рук, и ничего он делать не умеет. А все остальные трудящие даже очень умеют все делать. Они дружно выходят во двор; и пока Карандаш мечется и всем мешает, они убирают свалку под торжественный марш и во дворе, таком замечательном, фантастическом дворе, делают ужасно красивый порядок.

Пока я пересказывал Маше картину, я про себя вдруг подумал, что этот Филиппок с черными комичными усиками даже очень мне напоминает Адольфа Гитлера, каким его рисуют в газетах... «Собирает он команду, посылает на восток, а немецкая команда будет драпать без порток!»

Маша улыбнулась стихам. А сама она помнила другой фильм, про поезд, который идет, и все хором поют: «тра-та-та, красота, мы везем с собой кота, чижика, собаку, Петьку-забияку...» В общем, там поют, а Карандаш вот как здесь, в ресторане, бегает с подносом и все-то у него с подноса валится, и тарелки, и хлеб... Правда, Филиппок хороший официант, и у него ничего не валится.

Тут он снова к нам подбежал и поставил передо мной и перед Машей настоящие белые тарелки, я из таких еще не ел, их и разбить немудрено, а в тарелках что-то лежало и вкусно пахло. Потом Филиппок положил мне две железки, одна из которых нож, а другую Маша назвала вилкой. Нож я пощупал на остроту, заточен так себе, а вилка мне понравилась: если ею кого пырнуть, так не хуже иного ножа будет. А Филиппок еще вернулся и поставил графин с красной водой, а к ним стаканы, которые у них называются бокалы.

Маша сказала:

— Это морс... Он сладкий. Давай выпьем и поедим.

Я сразу подумал, что вот такой морс, этот, как его, Антон Петрович небось с ней и пил.

Я взял стакан двумя руками и все сразу выпил. Облизал стеклянные края и губы. А вот есть было нечем, потому что ложку они не дали. А попросить у Филиппка я побоялся: рявкнет еще, а куда, мол, стянул? Пока я раздумывал, Филиппок оказался позади меня и положил ложку.

— Вот, сударь... Попривычнее будет.

Это я-то сударь, ну прям кино! И как он, ловкач, с быстрыми глазами успел догадаться, что мне ложка нужна!

Но у нас, и правда, было как в кино, где я был не совсем собой, а кем-то, кто играл меня. И странно было видеть эту игру и знать при этом, что сидит-то не кто-нибудь, а сижу взаправду я, хотя в это трудно было поверить.

Кукушата, конечно, не поверят. Да я и сам завтра не поверю, когда буду вспоминать. Вот бы всю жизнь отсюда не уходить, а занять место, вилку с ножом за пазухой заханырить да другие стекляшки, чтобы не стырили, а стул можно тоже с собой носить!

В этот момент произошло еще одно событие.

В конце зала, в углу, у дерева, появились два человека, на них никто и внимания не обратил, все пожирали из своих тарелок. Один человек весь какой-то членистоногий, в военной форме без погон поднес к подбородку скрипочку и топнул ногой, а другой, черный, толстый, носатый, с гармошкой, вдруг заиграл на ней что-то протяжное, а скрипач весь задергался, затопал ножкой, задвигал быстро смычком, закрутил головой, и появилась музыка. Настоящая живая музыка, которую все могли слушать. Но все жевали и делали вид, что не слушают, а слушал один я, забыв про ложку и про тарелку. И вот что меня изо всех сил поразило: что скрипач и гармонист тоже делали вид, что им никто не интересен, а будто они играют сами для себя! Ну, и для меня. Ведь я-то слушал!

Маша посмотрела на меня, и, наверное, угадала, о чем я думаю.

Она сказала:

— Это здешние музыканты... Хорошо, правда?

— Не знаю,— сказал я.

— Все-таки хорошо. Старинный вальс... А вот как зовут их, сейчас вспомню... Да, правильно: Марк Моисеич, это который со скрипкой, а тот с баяном Роман... Они в прошлый раз играли... Но ты ешь, они еще долго будут играть.

Вот еще новости, чтобы меня просили есть. Я молниеносно схавал все, что лежало на тарелке, но языком вылизывать тарелку не стал. Потому что увидел, что Маша тоже не лижет, и никто кругом за столами не лижет. Я пальцем все подобрал, а палец тот облизал. А чтобы не думать об еде, стал смотреть на музыкантов. Тот, который Марк Моисеич, все топал тонкой ножкой и медлительному с тупым видом Роману кричал сердито в перерывах между музыкой:

— Тут же соль, соль нужна!

Я посмотрел на стол и подумал, что соли мы могли бы, если немного, им своей подсыпать за такую игру, если только Филиппок не заругается! Но Маша ухватила мой взгляд на стол и сразу спросила:

— Ты не наелся? Ты еще хочешь?

Я вздохнул. Ну, что можно ответить на такой глупый дурацкий вопрос. Как объяснить, что мы, которые из «спеца», можем есть много, очень много, в общем-то сколько нам дадут. И если будут давать без конца, то мы без конца будем есть. Хоть сто тарелок! Хотя сто тарелок нам никто никогда не даст. Даже в кино, рассказанном Машей, жирный толстяк, который все время ест и ест, и тот не получал сто тарелок!

Маша поняла мой вздох по-своему. Она взмахнула рукой, и рядом сразу же объявился Филиппок, который Карандаш, похожий на Гитлера. Он щерился через свои усики и глядел на меня так, будто не Маша, а он был моей родней.

А Маша полезла в сумочку и снова достала талоны. Филиппок отстриг крошечными ножницами два талона с цифрами, ссыпал их в кошелечек на груди и — исчез. Появлялся и исчезал он как в сказке: в мгновение. Я спросил Машу про талоны. Кукушата ведь тоже спросят, каким способом в ресторане добывают жратье, и надо им все как есть объяснить. Потому что им в этот ресторан никогда в жизни не попасть и даже не представить, как я побывал на этом месте.

Да и мне, и мне на это место никогда не попасть! Это ведь дуриком с Машей проник, пролез в узкую щелочку, которая не для нашего брата шакала. Сижу барином, жру как барин, а как выскочу отсюда, так кто-нибудь с ходу прыгнет и займет мой стол и мой стул, и мою тарелку!

Такие были у меня непонятные переживания, в то время как Маша мне рассказывала про себя, что служит она в санитарном поезде и ездит на нем то на фронт, то с фронта, и прямо на ходу лечат и выхаживают раненых наших бойцов.

— Ты видел санитарный поезд? — спросила она и посмотрела на свои часики.

Я ответил, что видел и что они часто тут мимо проходят, а красные кресты на вагонах издалека видно, и когда раненые выглядывают, они бросают иногда хлеб или сухарь...

— Ну вот,— сказала Маша.— А у меня такие особые карточки для железной дороги, и можно с ними на станции поесть.

— Много? — спросил почему-то я.— Карточек?

Она улыбнулась и ответила:

— Нам с тобой хватит.

Сказанула, как в лужу, а все от глупого своего непонимания. Ей-то, может, и хватит, а мне никогда не хватит. Просто ей не приходилось водиться с такими обжорами, как я. И я решил переменить тему и спросил про поезд, ее поезд, который санитарный, где он сейчас стоит. Маша опять посмотрела на часики и объяснила, что на этот раз они встали вблизи Москвы и когда из вагона перегрузят раненых в госпиталь, они снова поедут на фронт... Завтра или послезавтра. Так сказал их начальник.

Играла музыка, топал тонкой ножкой, вертясь как на шарнирах, скрипач Марк Моисеич, будто срочным делом, занималась едой публика. Но среди всех, кого я смог увидеть, а большинство военные, я не разглядел ни одного пацана. И еще раз удостоверился: сюда и сынков-то всяких там Карасиков, и тех не пускают, не то что беспризорщину вроде меня.

И Маша о чем-то задумалась. А я снова начал есть, потому что Филиппок поставил передо мной тарелку, а в ней было что-то умопомрачительное, которому нет названия. Теперь он подал мне одному.

Маша вдруг спросила:

— Хочешь поехать со мной?

— Куда? — поинтересовался я через набитый рот.

— В поезде... Мы возьмем раненых, а потом в тыл... И на фронт. Так и будем вместе ездить. Ну?

Она смотрела на меня и кусала губы. И глаза у нее были какие-то страдающие, будто она изводила себя, и ей было больно.

— А Кукушата? — спросил я тогда.

Мне представилось, что мы все, с Кукушатами, бросим наш заклятый режимный «спец» и начнем ездить на фронт... Это было бы здорово! А еще нам талоны дадут, чтобы мы на станциях жрали из белых тарелок..: И пили сладкий красный морс... Вот это жизнь! Эй, Филиппок, гони сто тарелок жратья! Нет, не сто, тыщу, сто тысяч, и сразу!

Но Маша виновато произнесла:

— Нет, всех невозможно... Сергей... Я за тебя могу у начальника поезда, полковника, попросить... Как... Тетка... Я уже о тебе упоминала, но можно еще поговорить... Я хороший врач, они меня ценят... Понимаешь?

Я кивнул. Они ее ценят, они нас, Кукушат, не ценят. А мне-то что без своих делать? Тетка, которая кормит, хорошо. Но Кукушата-то... Хоть они и накормить меня так не смогут, они-то свои! А тетка еще неизвестно чья!

И потом... Возьмут ли еще меня? И зачем? Вот я такую сказочку слышал, не помню уж кто в «спеце» рассказывал, как летел орел, огромный такой орел, а к нему присоединилась мелкая пташечка. Вот день она летит за орлом, другой, третий, наконец устала и так сзади жалобно, мелко дробя крылышками, спрашивает: «О-р-е-л, а о-р-е-л... А куда мы с тобой летим?» Орел подумал и, не поворачивая головы, так же медленно двигая крылами, лениво вымолвил: «А хрен его знает!»

Так нужно ли нам роиться и спешить за орлом, то бишь за поездом, которому до нас, как и всем остальным в этом мире, нет дела? Как нет дела никому до Марка Моисеича и Романа! А уж как стараются, и музыка у них прямо до груди, до печенок и селезенок прошибает.

А вот они закончили, сложили молчком свои инструменты и сели за столик неподалеку. Им что-то в тарелочках принесли... Наверное, плату за их музыку.

А вдруг они такие же, как я, бедолаги, покормят сейчас да и вытурят на улицу... Музыка-то никому не нужна!

Я доел тарелку, с жалостью посмотрел, что на ней еще для облизывания осталась коричневая жижечка, но не рискнул вылизывать. Тихий Филиппок с понимающей миной, улыбаясь в усишки, стоял за моей спиной и караулил мои движения! Небось унесет за занавеску и сам сейчас оближет! По роже видно.

Я сказал, не глядя на Машу:

— Я без Кукушат не могу.

— Почему?

Опять это глупое «почему».

В «спеце» бы меня так спросили, я бы ответил: «по кочану»!

— Не могу... Они же свои.

Маша сказала, заглядывая мне в лицо:

Окончание. См. «Огонек» № 37.

Рисунок
Марины ПЕТРОВОЙ

...АТА,
...Я СЕРДЦА

— Ну какие же свои?.. Они тебе не родня! Ты разве не понял?

Я-то понял, это она не поняла. Мы все в «спеце» друг другу родня, родня тем, что мы все ничьи. Как, скажем, родня дворняжке дворняжка. А Кукушата не просто шантрапа, это Кукушкины, породы такой, значит.

— Да не Кукушкины они! И ты не Кукушкин, господи!

— А кто?

— Ты Егоров!

— А они?

— И они кто-нибудь.

— Но кто?

Маша затравленно оглянулась. Сладенький Филиппок стоял сбоку, с улыбкой смотрел на нас. Маша торопливо вынула деньги, я даже рассмотрел, что это были две бумажки по сто рублей, и как-то ловко сунула Филиппку в руку, и он еще больше осклабился.

А мне сказала:

— Пойдем! Скоро поезд!

Мы пошли снова через зал, и я все хотел рассмотреть на память лесную картину, про нас которая, чуть шею не вывернул. Но Маша шла быстро, и я, боясь отстать, побежал вслед.

Про себя я прощался с раем, где на столах был рай, и никто не тырил даже соли, не то что ножей. А на стене тоже был нарисован рай. В последний раз оглянувшись, я увидел Филиппка, который понимающе улыбался мне вслед.

Я сказал про себя: «Господи... Боже! Если ты есть! Сделай так, чтобы я еще когда-нибудь, хоть через сто лет, попал сюда! Сделай, господи! Ну что тебе стоит! А я что хочешь, я буду терпеть, и «спец», и шефов, и все! Я бы от пайки по корочке отдавал, если бы знал, что это надо... Чтобы попасть когда-нибудь в жизни в такой рай!»

Поезд пришел, но не сразу. И Маша отчего-то все дергалась, смотрела на часики, и я подумал, что она боится опоздать. На меня она почти не смотрела.

— Может, я пойду,— сказал я ей.— Они будут искать.

— Переживут! — ответила она резко и крепко взяла за руку. Будто испугалась, что я и вправду убегу.

А потом показался паровоз, и Маша почему-то со страхом посмотрела на меня. Она крикнула, я едва за шумом расслышал:

— Сергей...— И опять на паровоз, и на меня.— Сергей... Я хочу тебе что-то сказать...

Я кивнул. Хочет, так пусть говорит. Я уже привык к ее дурным вопросам и ничего интересного для себя не ждал. Если она про своего Антона Петровича заведет и слезами меня начнет омывать, я сбегу. Не такая она сильная, чтобы меня удержать.

Паровоз прошипел и встал. И люди пробежали. Но народу уезжающего было мало. И он почти сразу загудел. А Маша мне закричала:

— Вот что... Сергей! Я завтра приеду! Но только на мало! На полчаса! Там такой поезд есть, чтобы сразу мне обратно... Так ты приди сюда утром... Ты понял? К восьми утра приди и подожди. Вот тут!

— А завтрак? — спросил я.

Я не мог не спросить, потому что я такой, и все мы в «спеце» такие, нас хоть про запас корми, а пайку-то нашу отдай!

— Я тебя тут накормлю!

— Тут? — спросил я, сразу представив, что, может быть, она поведет меня снова в тот, заказанный нам всем рай?!

— А пайка? — спросил я опять.

— Вот глупый! — закричала она и побежала к вагону. Залезла по ступенькам, и поезд сразу пошел. Она высунулась из вагона и закричала на весь перрон:

— Се-е-р-ге-ей! Завтра! В во-о-семь! Жди-и!

Я махнул рукой, чтобы не торчала в дверях и не кричала как психопатка. А я сам решу, как мне быть и с пайкой, и с поездом. Я постоял еще, но на горизонте появился мент и уже издалека стал ко мне приглядываться, и я тут же двинул в противоположную ему сторону, чтобы поскорей попасть домой.

Ночью плохо спалось. Не то что я переживал или меня смутил такой поворот с Машей. Сейчас в войну у всех, как сказала Туся, балуют нервишки. Все стали какие-то психованные, что сами не знают, что делают. У нас в поселке из-за этого то под поезд бросятся, то купороса или кислоты напьются. А то и стреляются, и так бывает. А Маша, так без очков видно, что сдвинута на своем Егорове. Ей дурная голова ногам покоя не дает.

Впрочем, если послушать, то и о нас и нашем «спеце» в поселке не лучше говорят. Одни говорят, что мы сплошная уголовщина и по нас тюряга плачет, а другие считают, что мы просто психованные, оттого-то нас так крепко и держат и никуда не пускают.

Директор при случае тоже не прочь загнуть про наше психопатство, если надо из милиции вытаскивать. «Не знаете, что ли,— скажет,— у меня тут филиал «Белых Столбов», я за них ответственности не несу!»

Врет, конечно, несет и только пугает, но ему так удобно пугать. Спросу меньше. Но если к нам приглядеться, то видно, что мы и сами-то ведем себя как психи. Сандра вон в дни зарплаты попрошайничала у ворот швейной фабрики, а накопив сколько-то денежек, сбегала на вокзал, чтобы в Москву уехать. Последний раз и Корешка с собой прихватила. Их выловили, когда они в поезд успели сесть.

Директор Чушка на допросе в своем кабинете спросил у нее:

— Чего тебя несет в Москву? Ты можешь ответить?

Но она ответить не могла. А за нее ответил Корешок:

— Мы собирались в Кремль к товарищу Сталину.

— Зачем? Он вас, что, звал туда в гости?

Сандра слушала и молчала, уставясь в пол. Впрочем, Чушка тоже в пол смотрел, даже свои ворованные золотые очки забыл для грозности нацепить. Этот последний побег вывел его из себя.

— Зачем? — крикнул он.— Зачем?

— Мы хотели спросить...

— Что спросить?

— Ну, спросить, кто мы и где наши родители. Он же друг советских детей, он должен знать, где они находятся.

— О каких родителях ты говоришь? — закричал Чушка. Его лицо побагровело от гнева.— У вас нет родителей! Нет! И не было!

— А у других?

— У кого других?

— Не знаю...

— А не знаешь, так не говори!

В это время по радио песню пели:

На просторах Родины чудесной,
Закаляясь в битвах и труде,
Мы сложили радостную песню
О великом друге и вожде,
Сталин — наша слава боевая,
Сталин — нашей юности полет,
С песнею, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идет...

Чушка свирепо посмотрел на репродуктор, который мешал его крику, подбежал и выдернул вилку. А мы все через окно смотрели. Не видя нас, он закричал, обращаясь к милиции, которая привела Сандру:

— Но вы же видите, она чокнутая! Они все у меня чокнутые! Их всех надо от общества изолировать!

Тут он подскочил к Сандре, взял ее за воротник, она даже голову от страха втянула, и мы вслед за ней втянули, думали, что он ее сейчас ударит... А Бесик прошептал: «Если стукнет, то ему окно побью!»

Но он не стал бить Сандру, а лишь кулаком перед носом помахал.

— Ты вот что...— закричал ей в лицо.— Ты третий раз весь «спец» баламутишь! Теперь замолкни! Еще раз уйдешь, я тебя посажу. В зону! Или нет! Нет! Я тебя к Козлу пошлю на месяц, будешь у него отрабатывать!

Говорить Сандре «замолкни» бессмысленно. Она и так навсегда замолкла. А вот угроза Козлом не пустая. Козел, то есть Козлов, начальник станции, сухой такой старикашка с ярко-красными губами и наглым взглядом. Глаза голубые, как плошки, пос-

мотрит, как нахамит. Он-то и снабжает нашего Чушку драгоценным углем, возит домой, а нас посылают разгружать. А взамен Чушка ему девушек для работы посылает. Однажды Сандру тоже послал, да она через час сбежала. Появилась вся растерянная, легла в постель и завыла. Ничего мы от нее не смогли добиться, только поняли, что к Козлу ее нельзя отпускать. При его имени она вздрагивает и становится белее снега. Наверное, им удобно, что Сандра вообще молчит. А если бы мы все замолчали, так еще удобнее было бы. Правда, непонятно тогда, как они бы нас допрашивали, особенно когда комиссия с военными приезжает. Их одна Сандра со своей немотой выводит надолго из себя. А тут, если представить, выстраивается весь «спец», сто человек, и в ответ ни слова. Немая картина!

Комиссия ходит, удивляется, негодует, в рот заглядывает, а мы, как идиотики, лишь звуки непонятные издаем! И тогда комиссия кричит: «Они же не-конт-ро-ли-ру-е-мые! К Козлу их! К Козлу!»

Так я все представлял и лишь под самое утро уснул.

И вдруг я увидел зеленый луг, так ясно, будто наяву, а мы, дети из младшей группы, в пионерлагере, идем, выстроившись по двое, на прогулку. Впереди нас вожатая, с венком из желтых одуванчиков на голове.

Но почему же я никогда не вспоминал этого лагеря, в котором я был до войны один раз в жизни? Даже лысый военный, который нас пытал, не мог из меня извлечь этого лагеря!

А теперь, когда я и думать не думал, он вдруг явился ко мне сам, да еще в цветном сне. Мы идем, взявшись за руки, а перед нами луговая в зелени и в цветах пойма реки, которая сверкает под солнцем. А вожатую, теперь я точно помню, зовут Люба. И мы все любим нашу Любу, как могут любить только дети, и мы кричим ей изо всех сил: «Люба! Люба! Мы хотим землянику собирать!» Потому что мы знаем, что в зеленой траве около тропинки созрела крупная ягода земляника!

А Люба поворачивается по ходу спиной, и так спиной смешно, как девочка, прыгает, глядя на нас и улыбаясь нам, хлопая в ладоши, кричит: «А кто будет петь песню про кукушку? Ну, споем?»

Мы отвечаем хором: «Споем!»

И мы поем, господи, как же я мог забыть, что эта песня про кукушку всю жизнь во мне жила и сейчас перехватывает горло от ее незамысловатых слов.

Там вдали за рекой раздается порой
Ку-ку, ку-ку, ку-ку, ку-ку.
Это птичка поет под ракитовым кустом
Ку-ку, ку-ку, ку-ку, ку-ку...

Наши голоса льются, как голоса ангелов с небес, чисто-чисто, звонко-звонко, а нам отвечает с другого берега эхо. Сердечки вздрагивают, восторгаясь перед этим замечательным днем, за которым будет и другой, и третий, и так без конца, а все дни такие солнечные и только счастливые, где мы все друг друга любим, и так до конца лета, а потом до конца других лет и зим и длинной-длинной жизни!

Она вся представляется нам, как эта сверкающая под солнцем тропка в блестящей траве, овеянная никем не придуманной, а как бы само собой явившейся к нам песней: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку, ку-ку...»

Утром я ринулся на станцию, не сказав ни слова Кукушатам, которые, конечно же, высматривали меня с вечера и хотели все от меня узнать.

Я не ждал от этого утра чуда. Но чего-то я, наверное, ждал. А то, что я врал самому себе про психопатство Маши, то это для утешения, чтобы легче было переживать, если что-то не сойдется. Хотя, повторю, я не знал, что я жду.

На станцию я шел впервые не скрываясь, я знал, что я скажу, если меня схватят. Я скажу: «Тетка у меня последний раз приедет на поезде, а я ее должен встретить. Не верите, подождите поезда, и сами увидите!» Такую я им речугу заготовил, а дальше пусть думают, что хотят. Тетка, это — теперь понял — не фиг собачий! Когда у меня никого не было, они со мной не очень-то чикались, да я для них вообще не существовал! А в это утро, еще пайки не делили, а Туся сразу сказала: «Иди, мы тебе твое оставим». А прежде-то, держи карман шире, так бы она и оставила! Да первой же побежала бы к Чушке и доложила, что Сергей Кукушкин нарушает режим! Вот будет смеху, если она и Чушка узнают, что я к тому же и не Кукушкин, а Егоров!

На станции я нарочно вертелся там, где побольше ментов, мне так хотелось, чтобы они меня спросили: «А ты откуда? Не из «спеца» случайно сюда залетел? Или по тебе карцер плачет?»

А я им скажу... Все скажу. Но даже обидно — никто ни разу ко мне не подошел. Вот тетка навсегда исчезнет, они появятся; они всегда появляются, когда тебе тяжелей всего и некому вступиться. Такой глупый у жизни закон. А может, они просто чувствуют чужую беду, как звери чувствует кровь — на расстоянии?!

Полюбовался на огромную вывеску с названием: «ГОЛЯТВИНО».

Так и поселок называется, а нас иногда зовут гольцы... Гольцы-огольцы! Рассказывают, что, когда и поселка не было, стоял на этом месте кабак, и вино пили. Ну и пропились до голья. И говорили: голят-вино... Или же: гулять-вино... А может, врут, винище-то везде хлещут, и в Москве тоже, наверное, не без пьянки! Но не обзывают же «вином»! Я попытался прочесть с конца, получилось: ОНИВТЯЛОГ. Даже интереснее.

Еще я у багажного постоял, смотрел, как они вещи грузят. Но тут на меня особо косо глянули. Видать, привыкли, что все у них хотят что-нибудь спереть. А мне так ничего не надо. У меня тетка приезжает, так, может, я еще в ресторан пойду... И плевал я на ваши багажи с высокой колокольни!

Я вспомнил про ресторан и туда сходил, посмотрел на него снаружи. Я и раньше тут, рядышком, иногда ошивался, но теперь-то совсем другое дело. Снаружи и правда окна были плотно занавешены бархатными красными занавесками, и ничего, ну прямо ничего не видно за ними было. Ни столиков с белыми скатертями, ни деревцев с кадками, ни самого главного: картины такой красивой на стене, что дух захватывает.

А я подумал: это все они от людей прячут, потому что всем людям, и особенно нам, шпане оголтелой, показывать это нельзя, а то мы захотим каждый день смотреть... А люди, самые которые важные, придут, и их пустят... Если он есть, конечно, то и в настоящий рай тоже ведь, наверное, по пропуску, а не каждого пускают! А то всем и яблок-то этих райских не хватит...

И еще я подумал, что наш Чушка, и Уж, и Наполеончик тоже сюда не допускаются... А я был! И захочу, попрошу тетку, так еще зайду. Вот если бы их всех собрать: Чушку, Ужа, Наполеончика, выстроить, к примеру, на платформе, а мимо них так небрежной походкой пройти да прямиком в ресторан... А они, придурки поселковые, смотрят и от зависти лопаются прямо, и у них слюни изо рта текут... Может, даже они туда проситься будут, а тут на них Филиппок как топнет ногой, как рявкнет баском:

— Пойдите, сучьи выродки! Не видите, что ли! Это не про вас! Это для особых, которые... Которые с теткой идут! А у вас и тетки-то нет! Так, ша! Замолкните! И в зону!

За своими мечтами я не заметил, как поезд выскочил, зашипел и остановился. Я посмотрел на вагоны, и мне показалось, что Маша не приехала. И вот странно, я испугался, что ее не будет, а я как дурак ждал...

И вдруг, когда совсем уж расстроился, я обнаружил ее рядом с собой. Она бежала ко мне так, будто меня потеряла, а теперь нашла и боялась, что я могу совсем куда-нибудь исчезнуть.

Мой испуг прошел, и даже радость прошла. Ну, приехала Маша и приехала. Так она и должна приехать. Ведь обещала же! Чего это я паниковал, сам не пойму.

При встрече с ней никакой я радости уже не изобразил и был спокоен. А она с ходу, не останавливаясь, подхватила меня и куда-то потащила, я даже не успел и спросить, куда она меня тащит.

Мы пролетели через зал ожидания, выскочили на улицу, снова нырнули в какую-то дверцу вокзала с обратной стороны. Мы спустились в прохладный подвал и вдруг оказались на большой кухне, и посреди нее стояла толстая баба, а рядом наш Филиппок. И они сразу поняли Машу и показали:

— Сюда, сюда...

Это была небольшая совсем комната, но тоже со столами, а на столах были белые скатерти и даже вазочки с цветами.

— Мы здесь поедим...— сказала Маша торопливо и бросила на стул свою сумку и сама села. И я сел.

Оглядываясь, она добавила, что ресторан наверху еще не работает, а она такая голодная выехала из Москвы в четыре утра, а через полчаса обратный поезд, в котором ей возвращаться еще четыре часа...

Филиппок ставил нам тарелки, а я хоть отводил глаза, но все равно видел, что было на тех белых тарелках: хлеб, маленькие кусочки колбасы, сахар, масло. Маша полезла в сумку и что-то достала завернутое в бумажку и положила рядом с собой. Несколько раз она трогала сверток рукой. А я смотрел на цветок в вазочке и вдруг заметил муравья. Его, бедного, вместе с цветком утащили из клумбы, и теперь он суетился, бегал по стеблю и не знал, куда же ему, в какую сторону бежать. А куда он из этого бетонированного подвала может вообще уйти? Попался парень, теперь в муравейнике о тебе небось мамка-папка плачут... Или детдомовские, если своих никого нет...

— Ешь. Не зевай,— сказала Маша, и тут же занялась своей тарелкой.— Ешь и внимательно слушай меня. Договорились?

Я кивнул. Договориться со мной, чтобы я ел, не трудно. Ну, а уши как бы сами работают. Мне есть с оглядкой, чтобы не отняли или не трахнули сзади по голове — не впервой. На том, как говорят, стоим.

Маша почему-то оглянулась. Хотя никого рядом не было, и даже неуловимый Филиппок пропал, растворился в кухне.

— Так вот, Сергей... Папа твой, я тебе говорила, человек был известный, и в те годы получил за свои самолеты огромную премию... Но тучи сгущались, и он ждал со дня на день, что за ним придут. И тогда он всю сумму перевел на твое имя и положил в кассу, так я ему посоветовала. А книжку, сберегательную, отдал на хранение мне, а я ее спрятала у подруги. А потом, когда меня выпустили и я стала тебя искать, а искала, разумеется, тебя — Егорова, а ты уже был Кукушкин, и, конечно, нигде о тебе сведений не было... Я слала запросы, звонила, ездила... Пока не наткнулась, совершенно случайно, на одну женщину — тоже врача... Она в те поры, когда забирали твоего отца, в детском распределителе специальном работала. Через нее проходили дети врагов народа...

Я умею есть и глотать мгновенно, не жуя, но тут у меня какой-то кусок застрял в горле, и я закашлялся. Небольшой кусочек вылетел изо рта на стол, но я его подхватил и снова сжевал. И только тогда удалось спросить Машу:

— Дети... Кого?

Маша сосредоточенно пила чай и не сразу ответила.

Сказала как бы оправдываясь:

— Так вас называют... Прости, называли... Ты помни... Я не стала бы тебе говорить, если бы не знала, что могу тебя не увидеть. А больше никто тебе этого не скажет... Но только...— Она оглянулась, хоть в комнате никого не было.— Никому... Ты понимаешь... Это ведь тайна... Опасная тайна. Я долго колебалась, прежде чем решила тебе сказать. Но я подумала, что ты уже взрослый и ты должен знать о себе то, что от вас скрывают.

Я посмотрел на муравьишку: он метался по стеблю вверх и вниз. Сколько же он так будет бессмысленно бегать в этом тупике?

— А кто от нас скрывает? — спросил я, не глядя на Машу.

— Все.

— А они... все... знают? Что мы... такие? Да?

— Конечно, они знают! — воскликнула Маша и опять оглянулась.

— И директор наш знает?

— Директор... В первую очередь!

— А почему мы не знаем?

В это время я поднял глаза и увидел Филиппка, неведомо как возникшего рядом со столом. Он стоял и лыбился в свои усишки. Будто знал, о чем мы говорили, и молча участвовал в нашем самом секретном в мире разговоре.

Маша почему-то рукой прикрыла сверток, а Филиппку сказала:

— Я могу вместо карточек деньгами?

И тут же выложила сотенные бумажки и опять подхватила меня под локоть:

— Пойдем! Скорей пойдем отсюда!

Я заторопился, все было съедено, но оставался муравьишка, несчастный и бездомный, который был обречен остаться в этом подвале навсегда.

— Сейчас,— сказал я и подставил ему палец. Он забрался на этот палец и так, со мной, выскочил наверх, на улицу.

Только на платформе Маша вздохнула свободно, сверток был зажат у нее в руке. Она опять оглянулась и, уводя в дальний конец, стала рассказывать, как меня искала и однажды наткнулась на эту странную женщину из распределителя, которая сама врач... Ее фамилия Кукушкина... Ты догадываешься?

— Нет,— сказал я. Тут я нагнулся и сдул муравьишку с пальца. Беги, дурачок, к своим да больше не влипай в такую историю. Эти, из подвала, тебя не выпустят, им даже на ум не придет, что ты тоже хочешь жить.

— Ну чего ты все копаешься? — спросила Маша.— Ты же меня не слушаешь?

— Слушаю,— сказал я.— Ее фамилия Кукушкина... Как и наша... И моя...

— В том-то и дело! Она дала вам свою фамилию... Ну, понял, нет?

— А зачем?

— Она зашифровала вас... Чтобы не было хуже!

— А почему хуже? — опять спросил я.

— Ох,— сказала Маша и вздохнула.— Но ведь вы дети этих, кто арестован... Вам лучше не быть с теми фамилиями... Так она рассудила. И она дала вам, многим, свою,.. Ну, она спасала вас, понимаешь?

Ничего я не понимал. Но я уже молчал. Потому что был, как тот муравьишка в подвале: никаких ходов и выходов оттуда, куда меня, сорвав с цветка, доставили, уже не было... Это Маша меня на пальце пыталась вынести... А куда? Она же уедет... Уедет, а мне знать и сейчас, и завтра, и всю жизнь, что я не просто Сергей Кукушкин... А враг, потому что мой отец враг... И что меня скрыли за другой фамилией...

Надо, конечно, еще спросить про других Кукушат, но что спрашивать? Чьи они, Кукушата? Откуда

Маше знать... Чьи-то, кто уже не может ни найти, ни объяснить...

Я вспомнил про сверток и спросил:

— Можно посмотреть?

Маша сказала:

— Это теперь твое.

Я развернул сверток. Там лежала серенькая книжечка, и на первой ее странице было написано: «Егоров Сергей Антонович». А еще круглая печать. И большими буквами сверху: «Сберегательные трудовые кассы СССР. Счет № 4102», а внизу мелко: «Заведующий сберегательной кассой (контролер)» и подпись. Я перевернул еще страницу, она была пуста. Почти пуста. Только сверху, в левом углу, стояла цифра. Я сразу ее не понял, она была какая-то странная, будто не цифра, а одни нули.

Маша наклонилась и спросила тихо:

— Ну? Ты понял? Сколько он тебе оставил?

Я покачал головой. Я ничего не понял. Но слово «оставил» вызвало у меня какое-то странное чувство. Мне вдруг захотелось плакать.

— Он боялся, что ты один пропадешь... И он спешил сделать, что мог. Он сказал: «Я ему в жизни уже ничем не помогу. И он пропадет. Пусть хоть это будет... На черный день...»

— А сколько здесь? — спросил я. Я и правда не мог никак прочесть эту странную цифру. Хотя в цифрах-то я разбирался. А вот про день, который будет черным, я не понял. Ведь черной бывает обычно ночь.

Маша тихо засмеялась.

— Вот глупый. Ну, читай. Это что? Сто, да? А это еще нули...

— А что получается?

— Подумай!

Я подумал. У меня ничего не получалось.

— Сто тысяч получается,— произнесла странно Маша и опять оглянулась.— А теперь спрячь... Далеко, далеко, Сергей, очень далеко спрячь...

Она взяла книжечку у меня из рук, снова завернула. Все это, пока я тупо размышлял... О деньгах. О том, что такое сто тысяч, если у меня в жизни самое большее было три рубля. Да это давно. А сто рублей я видел один раз в чужих руках... А сколько же теперь у меня будет тех увиденных мной сотен? Раз увидел, два увидел, три... Так чокнуться можно. А больше ничего мне в голову не приходило. Ничего, кроме тупой, как полено, мысли, что эта чужая книжка мне не нужна. Зачем она мне? Вот десятку я бы взял... И сотню. Но сотню, может, и не стал бы, из-за нее тут в поселке голову оторвут.

Как сквозь сон услышал голос Маши:

— Вместе с книжкой я положила другие документы, не потеряй. Там свидетельство о рождении... О твоем рождении. И заверенная бумажка от Кукушкиной, что она юридически подтверждает, что в детприемнике дала тебе свою фамилию, а что на самом деле ты Егоров. Но этого сейчас никто не должен знать. Эту Кукушкину и так таскали долго... Она лишь тем и отбилась, что заявила, что вы все, все не помнили настоящих своих фамилий... Она будто бы вынужденно давала вам свою.

Я спросил Машу:

— А если и вправду не помнили?..

— Ну, кто-то и не помнил,— ответила Маша.

— Скажи, а может так быть, что я чего-то не помнил, а потом вспомнил?

— А что ты вспомнил?

— Лагерь,— сказал я.

— Какой лагерь? — спросила Маша, мне показалось, что она вздрогнула.

— Ну, лагерь,— повторил я.— Лес, тропинка и песенка про кукушку.

— Ах, кукушку? — как-то бессмысленно переспросила Маша.

— Да. Кукушку...

— Ты вот что,— сказала, будто опомнившись, Маша и сунула мне сверток в карман.— Ты это возьми и спрячь. Я бы тебе другое привезла, у меня были письма и фото, но все это отобрали. ...Понимаешь. Но ведь эта книжка тоже память... Вырастешь — поймешь. Я бы и сама хранила, но фронт... Каждый раз могу не вернуться.

Я слушал, кивал и все думал, как ей отдать это... В свертке... Но потом решил не отдавать. Если ей нравится, что это валяется у меня, так пусть оно и валяется. Какая мне разница! Я ее засуну в Историю за пазуху. А вот про память надо узнать.

И я опять спросил:

— Значит, лагерь у меня был?

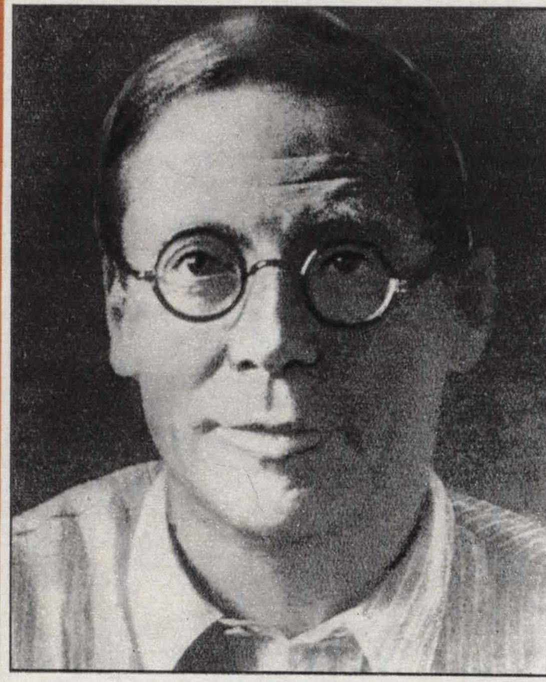
— Если ты помнишь, значит, был,— сказала торопливо Маша и поглядела в сторону, откуда ожидался поезд. И он правда появился, прогромыхал огромными колесами и обдал паром.

— А я не знаю, помню или не помню! — крикнул я, стараясь перекричать паровоз.

— Но песню ты помнишь?

— Помню.

— Значит, и остальное было! — крикнула Маша и поцеловала меня в щеку.— Им хочется, чтобы ничего не было! А оно было! Было!

Николай Заболоцкий через два года после возвращения из мест весьма отдаленных (1948 год). Физически еще совсем слабый, но, почувствовав себя свободным, он много и плодотворно работает. **(Из архива семьи поэта).**

ТРУДЫ И ДНИ НИКОЛАЯ ЗАБОЛОЦКОГО

Лев ОЗЕРОВ

У него крепкая родословная. Род Заболоцких (сперва Заболотских) — крестьянский, уржумский, вятский: Яков — Агафон — Алексей (он был агрономом) — Николай.

Здесь пойдет речь о Николае Алексеевиче Заболоцком (1903—1958), примечательном нашем поэте, всегда внушающем мне мысль об основательности человека и его деяния. Осанка, походка, жесты человека несуетного, надежного, серьезного, что называется, порядочного, имеющего традиционное для русского интеллигента понятие о достоинстве и чести.

О нем говорят: поэт мысли. Верно. Но он и живописец словом. Не только. Ему свойственно мелодическое восприятие мира. Не раз по прочтении стихов, поэм, переложений Николая Заболоцкого у меня возникало чувство, что я узнал его, постиг. Но проходит время, и это чувство представляется мне иллюзорным, и я вижу, что в сочинениях поэта есть прочные запасы непостигнутого и даже непостижимого. Его наследие не осталось с ним на скорбной черте 1958 года, а передано нам, движется с нами и деятельно участвует в нашей жизни, исполненной напряженного драматизма.

Как мир меняется! И как я сам меняюсь!
Лишь именем одним я называюсь,—
На самом деле то, что именуют мной,—
Не я один. Нас много. Я — живой.
Чтоб кровь моя остынуть не успела,
Я умирал не раз. О, сколько мертвых тел
Я отделил от собственного тела!

Это — начальные строки стихотворения «Метаморфозы» (1937). И далее:

А я все жив! Все чище и полней
Объемлет дух скопленье чудных тварей.
Жива природа. Жив среди камней
И злак живой и мертвый мой гербарий.
Звено в звено и форма в форму. Мир
Во всей его живой архитектуре —
Орга́н поющий, море труб, клавир,
Не умирающий ни в радости, ни в буре.

Семнадцати лет от роду, в 1920 году, Николай Заболоцкий переехал из Уржума в Москву, а затем в 1921 году — в Петроград. Он учился в Педагогическом институте имени А. И. Герцена на отделении языка и литературы, после окончания которого служил в армии.

Крестьянская, студенческая, армейская жизнь приучила Николая Заболоцкого к серьезному планомерному труду, к самоограничению, которые вместе с дерзкими замыслами художника создали его характер. Этот человек смело задумывал жизнь. Всем казалось, что этот человек — физически и духовно — надолго.

Николай Заболоцкий не искал признания. Он прежде всего искал себя. Он испытал на себе разные влияния: от Блока до Есенина, от Маяковского до Ахматовой. Долго накапливал он стихи для первой книги, и когда она («Столбцы», 1929) вышла, читатели ее резко разделились на два лагеря. Одни пришли в восторг от книги, открывшей нового поэта, другие потешались над ним, возмущались, ругали последними словами. Если собрать эту критическую ругань, то получился бы немалый том, являющий миру близорукость и недомыслие. Но Николай Заболоцкий стремительно рос («Как мир меняется! И как я сам меняюсь!») и продолжал удивлять как своих поклонников, так и своих хулителей.

В 1928 году Николай Заболоцкий писал своей будущей жене: «Вера и упорство, труд и честность... Я отрекся от житейского благополучия, от «общественного положения», оторвался от своей семьи — для искусства. Вне

его — я ничто...» Поэт остался верен этим принципам в жизни и в творчестве.

Далеко не все стороны биографии поэта освещены.

Доселе в нашей литературе период жизни Николая Заболоцкого между 1938 и 1946 годами выглядел как некая таинственная пауза. Где был поэт в эту пору? Об этом не принято было говорить, и в иных писаниях тяжелейший период в жизни человека выглядел как засекреченная творческая командировка.

Настало время сказать читателю, как все выглядело в действительности.

В марте 1938 года Николая Алексеевича вызвали по срочному делу в Ленинградское отделение Союза писателей. Двое ему неизвестных пожелали с ним поговорить, но только у него на дому.

«В ожидавшей меня машине мы приехали ко мне домой, на канал Грибоедова. Жена лежала с ангиной в моей комнате. Я объяснил ей, в чем дело. Сотрудник НКВД предъявил мне ордер на арест.

— Вот до чего мы дожили,— сказал я, обнимая жену и показывая ей ордер.

Начался обыск. Отобрали два чемодана рукописей и книг. Я попрощался с семьей. Младшей дочке было в то время 11 месяцев. Когда я целовал ее, она впервые пролепетала: «Папа!» Мы вышли и прошли коридором к выходу на лестницу. Тут жена с криком ужаса догнала нас. В дверях мы расстались».

Так поэт был арестован[1]. Вскоре начался допрос, длившийся около четырех суток без перерыва. Николай Заболоцкий отказался признавать за собой какие-либо преступления. Далее допрос велся в кабинете следователя Лупандина и его заместителя Меркурьева.

«Следователи настаивали на том, чтобы я сознался в своих преступлениях против Советской власти. Так как этих преступлений я за собой не знал, то понятно, что и сознаваться мне было не в чем.

— Знаешь ли ты, что говорил Горький о тех врагах, которые не сдаются?— спрашивал следователь.— Их уничтожают!

— Это не имеет ко мне отношения,— отвечал я.

Апелляция к Горькому повторялась всякий раз, когда в кабинет входил какой-либо посторонний следователь и узнавал, что допрашивают писателя.

Я протестовал против незаконного ареста, против грубого обращения, криков и брани, ссылался на права, которыми я, как всякий гражданин, обладаю по Советской Конституции.

— Действие Конституции кончается у нашего порога,— издевательски отвечал следователь».

Следователи старались разложить поэта морально и измотать физически. Не давали пищи. Спать не разрешали. Ноги отекали,— на третьи сутки пришлось разорвать ботинки.

Говорит Николай Алексеевич Заболоцкий: «По ходу допроса выяснилось, что пытаются сколотить дело о некоей контрреволюционной писательской организации. Главой организации предполагалось сделать Н. С. Тихонова. В качестве членов должны были фигурировать писатели-ленинградцы, к этому времени уже арестованные: Бенедикт Лившиц, Елена Тагер, Георгий Куклин, кажется, Борис Корнилов, кто-то еще и, наконец, я. Усиленно допытывались сведений о Федине и Маршаке. Неоднократно шла речь о Н. М. Олейникове, Т. И. Табидзе, Д. И. Хармсе и А. И. Введенском — поэтах, с которыми я был связан старым знакомством и общими литературными интересами. В особую вину мне ставилась моя поэма «Торжество земледелия», которая была напечатана Тихоновым в журнале «Звезда» в 1933 году».

На почве голода и бессонницы мутился рассудок. Появились галлюцинации.

Автопортрет Н. Заболоцкого, сделанный в 1925 году. Поэт внимательно следил за исканиями современных ему живописцев.

Важно было владеть собой, хотя владеть собой было необычайно трудно. Тем более, что побои и издевательства носили систематический характер и отличались неисчислимой изобретательностью — от тумаков и зуботычин до струи из пожарного шланга.

Все испытал и перенес этот человек — умница и талантище: больницу для умалишенных — буйное и тихое отделения, тюремную камеру, до отказа набитую арестантами, среди которых были писатели Д. Выгодский и П. Медведев, новую мучительную серию допросов и пыток; зрелище круглосуточных мытарств и унижений многих людей, тюрьму «Кресты», Свердловскую пересыльную тюрьму, этап по Сибирской магистрали, который длился шестьдесят с лишним дней.

«Понемногу жизнь превратилась в чисто физиологическое существование, лишенное духовных интересов, где все заботы человека сводились лишь к тому, чтобы не умереть от голода и жажды, не замерзнуть и не быть застреленным, подобно зачумленной собаке...

В день полагалось на человека 300 граммов хлеба, дважды в день кипяток и обед из жидкой «баланды» и черпачка каши. Голодным и иззябшим людям этой пищи, конечно, не хватало. Но и этот жалкий паек выдавался нерегулярно и, очевидно, не всегда по вине обслуживающих нас привилегированных уголовных заключенных. Дело в том, что снабжение всей этой громады арестованных людей, двигавшихся в то время по Сибири нескончаемыми эшелонами, представляло собой сложную хозяйственную задачу. На многих станциях из-за лютых холодов и нераспорядительности начальства невозможно было снабдить людей даже водою. Однажды мы около трех суток почти не получали воды и, встречая новый 1939 год где-то около Байкала, должны были лизать черные закоптелые сосульки, наросшие на стенах вагона от наших же собственных испарений. Это новогоднее пиршество мне не удастся забыть до конца жизни».

Именно в этих условиях, как доказал сын поэта Никита Николаевич Заболоцкий, было написано стихотворение «Лесное озеро». Хочу напомнить читателям это произведение.

Опять мне блеснула, окована сном,
Хрустальная чаша во мраке лесном.

Сквозь битвы деревьев и волчьи сраженья,
Где пьют насекомые сок из растенья,
Где буйствуют стебли и стонут цветы,
Где хищная тварями правит природа,
Пробрался к тебе я и замер у входа,
Раздвинув руками сухие кусты.
В венце из кувшинок, в уборе осок,
В сухом ожерелье растительных дудок
Лежал целомудренной влаги кусок,
Убежище рыб и пристанище уток.
Но странно, как тихо и важно кругом!
Откуда в трущобах такое величье?
Зачем не беснуется полчище птичье,
Но спит, убаюкано сладостным сном?
Один лишь кулик на судьбу негодует
И в дудку растенья бессмысленно дует.

И озеро в тихом вечернем огне
Лежит в глубине, неподвижно сияя,
И сосны, как свечи, стоят в вышине,
Смыкаясь рядами от края до края.
Бездонная чаша прозрачной воды
Сияла и мыслила мыслью отдельной.
Так око больного в тоске беспредельной
При первом сиянье вечерней звезды,
Уже не сочувствуя телу больному,
Горит, устремленное к небу ночному.
И толпы животных и диких зверей,
Просунув сквозь елки рогатые лица,
К источнику правды, к купели своей
Склонялись воды животворной напиться.

Читателю важно знать, в каких условиях создаются стихи, исполненные чистоты и красоты. Душа исстрадавшегося поэта говорила этими стихами: не вовсе загублена, жива, да, жива!

У нас имеется описание места действия. «Два маленьких заледенелых оконца под потолком лишь на короткое время дня робко освещали нашу теплушку. В остальное время горел огарок свечи в фонаре, а когда не давали свечи, весь вагон погружался в непроглядный мрак. Тесно прижавшись друг к другу, мы лежали в этой первобытной тьме, внимая стуку колес и предаваясь безутешным думам о своей участи. По утрам лишь краем глаза видели мы в окно беспредельные просторы сибирских полей, бесконечную занесенную снегом тайгу, тени сел и городов, осененные столбами вертикального дыма, фантастические отвесные скалы байкальского побережья... Нас везли все дальше и дальше, на Дальний Восток, на край света...»

Был момент, когда прямая опасность смерти нависла над Заболоцким. Один из соседей по теплушке, уголовник-маньяк, замахнулся на Николая Алексеевича поленом. Товарищи удержали его. Наконец заключенные прибыли в Комсомольск-на-Амуре. Начался новый долговременный этап лагерной жизни поэта. Он был измучен настолько, что оставил мысль о литературе. Но он вспомнил «Слово о полку Игореве» и постепенно вовлекался в перевод. Гениально воспроизведенное в стихии современного стиха, «Слово» явилось мостом между ранним Заболоцким и поздним, между ленинградским периодом его жизни и московским.

Осенью 1958 года, незадолго до смерти, Николай Алексеевич Заболоцкий составил оглавление собрания своих стихотворений и поэм. Это собрание он разделил на две части: часть первая — «Столбцы и поэмы» (1926—1933) и часть вторая — «Стихотворения» (1932—1958). Полная рукопись собрания объемлет примерно сто семьдесят стихотворений и три поэмы.

В конце рукописи поэт сделал следующее примечание: «Эта рукопись включает в себя полное собрание моих стихотворений и поэм, установленное мною в 1958 году. Все другие стихотворения, когда-либо написанные и напечатанные мной, я считаю или случайными, или неудачными. Включать их в мою книгу не нужно».

Тексты настоящей рукописи провере-

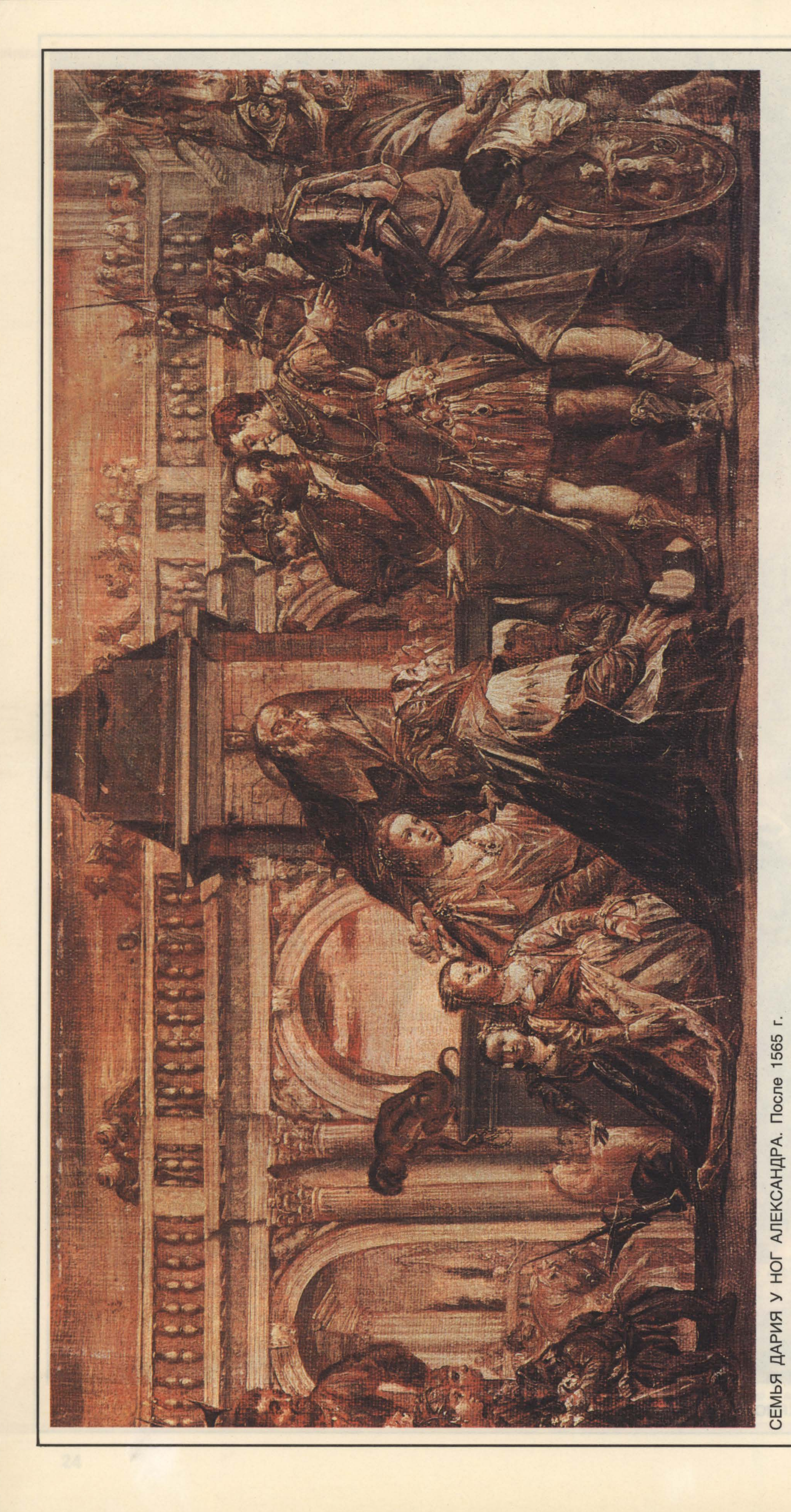
Окончание на стр. 25.

[1] В ту пору многие друзья и даже родственники под теми или иными предлогами и без предлогов отходили от семей арестованных и обходили их, как прокаженных. Тем более важно упомянуть те случаи, когда проявлялось человеческое внимание и благородство.

Семью Заболоцких окружили заботой и вниманием Л. Н. Тынянова, В. А. Каверин, Е. Л. Шварц, Н. Л. Степанов с семьями. Это заслуживает нашей признательности и нашего восхищения.

Паоло ВЕРОНЕЗЕ. ОПЛАКИВАНИЕ ХРИСТА. 1580-е гг.

СЕМЬЯ ДАРИЯ У НОГ АЛЕКСАНДРА. После 1565 г.

ЛЕВ ЖИВОПИСИ

Начало на 1-й вкладке.

ни. Но наказать мог. Насквозь земной, вольный, тщеславный (Суриков заметил, «что ни одной картины у него нет без своего портрета. Зачем он так себя любил?») и вместе с тем подобный богам, Веронец был поставлен перед инквизиторским трибуналом держать ответ за «Пир в доме Левия», по заказу писавшийся как «Тайная вечеря». И сохранился протокол суда.

— Вам казалось подходящим изображать в тайной вечере господа нашего шутов, пьяных немцев, карликов и прочие глупости?

— Мы, живописцы,— отвечал художник,— пользуемся теми же вольностями, какими пользуются поэты и сумасшедшие.

— Сколько, по вашему мнению, лиц действительно было на этой вечере?

— Я думаю, что там были только Христос и его апостолы; но, поскольку у меня на картине остается некоторое пространство, я украшаю его вымышленными фигурами... Я пишу картины со всеми теми соображениями, которые свойственны моему уму, и сообразно тому, как он их понимает.

Смелость, простота и завидная для нас наивность в ответах человека, уверенного в своем праве творить.

В конце протокола значится: «...Названный Паоло обязан исправить и улучшить свою картину в течение трех месяцев, считая со дня приговора... А если он не исправит картину, то будет подвергнут наказанию». Для «исправления» Веронезе, в частности, предложили вместо одной из собак написать Марию Магдалину. Тот учтивопокойно возразил: «Весьма охотно сделаю все, что нужно сделать ради моей чести и славы картины, но, по-моему, фигура Магдалины не может быть здесь исполнена хорошо». И своеобразно исполнил приговор: сменил название «Тайная вечеря» на «Пир в доме Левия».

По мере того как все угрюмее нависает тьма над венецианской свободой, тяжелее становится для Веронца жизнь. Его живопись, воспевавшая свободного человека, постепенно пригасает. Наступает реакция, для которой именно человек ничто. В просветленно-красочное искусство Веронезе врываются трагические ноты. Его кисть рождает горестное «Распятие», эрмитажное «Оплакивание Христа». Жизнерадостнейший из титанов, кажется, вообще стер с палитры праздник цвета.

Он умирает прежде, нежели иссякают в человеке жизнетворные силы — шестидесяти лет от роду. Будто не желая длить свои дни до часа, когда снимут венец вольности с чела морской республики. Но прежде... После пожара надобно наново расписывать Палаццо дукале.

Вместе с Тинторетто Веронезе создает величавые картины. Роспись плафона «Триумф Венеции» поныне украшает дворец.

Прочтем строки, написанные для отчета Императорской академии художеств выучеником ее Федором Алексеевым, написанные 12 июля 1777 года об этой росписи: «...должно признаться, что никакой живописец не превзошел в сем аллегорическом роде автора сея картины Павла Веронезе».

Но себя Веронец здесь уже не изобразил, как в пирах, среди радостных лиц. Последним творением своим для дворца, с которого начал путь в искусстве, он этот путь завершил.

Эльвира ПОПОВА

Начало на стр. 23.

ны, исправлены и установлены окончательно; прежде публиковавшиеся варианты многих стихов следует заменить текстами, приведенными здесь. Н. Заболоцкий. 6 октября 1958 года. Москва».

Теперь, когда мы знаем, что это писалось за восемь дней до смерти поэта, можно только восхищаться его собранностью, взыскательностью, ясностью мысли, чувством глубокой ответственности перед поэзией и читателями — настоящими и будущими.

Нет смысла жаловаться на отсутствие внимания издателей, критики, читателя к творчеству Николая Заболоцкого, особенно после его смерти. Имя поэта теперь упоминается в ряду самых заметных имен русских поэтов советской поры. Его стихотворения прочно вошли в антологии и хрестоматии.

Написано поэтом количественно мало, но какой большой материал дает это немногословное творчество, как весома строка поэта, какие несметные мысли и страсти внушает она, толкая на раздумья и споры самого актуального, самого животрепещущего характера!

С годами все более и более мир вещей, переданный в натюрморте, этюде, зарисовке «Столбцов», раздвигался и становился миром природы, миром общества, мирозданьем. Этот процесс шел медленно, в противоборстве страстей, с издержками, подчас мучительно, но неуклонно.

Для Николая Заболоцкого, несмотря на подчас грубые окрики критики, характерен естественный путь развития. Поэт понимал, что голос легко сорвать, что его нужно беречь. И он умно и последовательно занимался постановкой голоса. В стихотворении «Уступи мне, скворец, уголок» (1946) он скажет:

Я и сам бы стараться горазд,
Да шепнула мне бабочка-странница:
«Кто бывает весною горласт,
Тот без голоса к лету останется».

Николай Заболоцкий не сорвал голоса. Напротив, голос его окреп и звучал сильно и убедительно. Он наверняка звучал бы еще сильней и убедительней, да вот беда — песня прервалась на высокой, берущей за душу ноте.

«Слово» послужило началом моего личного знакомства с поэтом.

Дело было в 1946 году, в журнале «Октябрь», где я в ту пору ведал отделом поэзии.

Седой, худощавый, тщательно скрывавший свою болезненность, Василий Павлович Ильенков — член редколлегии журнала, неизменно внимательный и чуткий,— без слов положил однажды на мой стол рукопись, аккуратную и разборчивую. Выделялось название: «Слово о полку Игореве». Это была именно не машинопись, а рукопись. Повеяло какой-то старомодностью. Я перелистал рукопись и посмотрел на последнюю страницу.

— Заболоцкий?!— удивился я.

— Он здесь, живет на моей переделкинской даче,— тихо произнес Ильенков и закашлялся.

Пока хриплый звук его кашля выталкивался из глубин легких, я еще раз успел перелистать рукопись.

— Поглядите внимательно. Я лично читал несколько раз. Поэзия! О ней надо иногда вспоминать, печатая стихи,— иронично сказал взыскательный Василий Павлович. До этого Заболоцкий и Ильенков в моем сознании не сочетались. Любопытно!

Через несколько дней Ильенков появился в редакции вместе с Заболоцким. Николай Алексеевич сразу же показался мне человеком внятным и ясным в общении, таким же, как и его рукопись. Он положил на стул портфель и протянул руку. Я тут же не выдержал и выпалил:

Есть в Грузии необычайный город.
Там буйволы, засунув шею в ворот,
Стоят, как боги древности седой,
Склонив рога над шумною водой.
Там основанья каменные хижин
Из первобытных сложены булыжин...

Читал я, помнится, чересчур громко. Мне нравились эти стихи с их мощной живописью, одической интонацией и полновесной, точной рифмой: «хижин — булыжин».

Мягко очерченный круг головы дважды повторен строгими окружьями очков, придававшими Заболоцкому несвойственную ему суровость. Но вот он снял очки, и сразу на его лице обнаружились незащищенная доброта и даже растерянность. Аккуратно зачесанные светлые волосы сияли, как на голове юноши.

Бледное лицо Заболоцкого осветилось улыбкой, быстро менявшей оттенки: недоумение, понимание, ирония, благодарность.

Мне хотелось сделать ему что-нибудь приятное, и притом немедленно. Я давно любил его поэзию и знал многие его строки наизусть. В тот день я еще не понимал, не мог понимать, потому что не знал, а только чувствовал, из какой бездны возник Заболоцкий, сколько ему пришлось пережить за 1938—1946 годы.

Заболоцкий вежливо сидел в ожидании делового разговора. Но я не унимался!

Богиня сыра, молока,
Главой касаясь потолка,
Стыдливо кутала сорочку
И груди вкладывала в бочку.
И десять струй с тяжелым треском
В холодный падали металл.
И приготовленный к поездкам
Бидон, как музыка, играл.

Заболоцкий удивленно смотрел на чудака, который во время исполнения служебных обязанностей кричит на всю комнату и крик свой выражает стихами и подтверждает жестами, которые могли показаться автору чуть ли не угрозой.

Я наступал:

В моем окне — на весь квартал
Обводный царствует канал.

Ломовики, как падишахи,
Коня запутав медью блях,
Идут, закутаны в рубахи,
С нелепой важностью нерях.

Николай Алексеевич робко отодвинул стул, тронул портфель, загремев замком. Я на миг остановился и образумился.

— «Слово»— прекрасно. Постараюсь убедить начальство, что надо немедля печатать. Вероятно, понадобятся небольшие примечания. Именно небольшие. Ведь мы не академический вестник...

Заболоцкий поблагодарил, затем молча встал и вышел. В тот первый раз Николай Алексеевич показался мне человеком очень молчаливым. Он был скромен и сдержанно любезен.

Через час после ухода Заболоцкого я повторил свой репертуар в просторном кабинете Ф. И. Панферова. Присутствовал при этом и его заместитель Г. А. Санников, следивший не столько за тем, что я читал, сколько за реакцией главного редактора. А реакция главного редактора была самая живая. В который раз я нараспев читал:

Не пора ль нам, братия, начать
О походе Игоревом слово,
Чтоб старинной речью рассказать
Про деянья князя удалого?
А воспеть нам, братия, его —
В похвалу трудам его и ранам —
По былинам времени сего,
Не гоняясь мыслью за Бояном.

Тот Боян, исполнен дивных сил,
Приступая к вещему напеву,
Серым волком по полю кружил,
Как орел, под облаком парил,
Растекался мыслию по древу.

Федор Панферов сперва сидел смирно, потупясь. Потом развалился в кресле. Потом вышел из-за стола и стал ходить в своих больших бурках по комнате. Потом потребовал чаю, остановив меня:

— Будете читать все это на редколлегии! «Слово» печатаем...— сказал он, как хозяин, уверенно.

На редколлегии все повторилось сначала. Успех «Слова» был несомненным, голосования не потребовалось. Поэма была напечатана в 10—11 книжках «Октября» за 1946 год.

В пору редакционного движения «Слова» к печати Николай Алексеевич несколько раз появлялся в редакции. Несколько раз от его имени передавал поправки Ильенков. Он повез Николаю Алексеевичу свежую книжку журнала. Мне было досадно, что я не увижу, как Николай Алексеевич примет журнал, какие он вызовет в нем чувства. Передавали мне, что он был очень обрадован появлением своего переложения в журнале.

«Слово» скрепило два периода жизни поэта. Нет двух Заболоцких, есть мастер в развитии от своего «штурм унд дранг» («буря и натиск») до своей классики. «Слово» — перевод-исследование, перевод-изобретение, перевод-любование — помогло поэту после вынужденного перерыва, проведенного вдали от дома, вернуться и к оригинальным стихам, и к переводческой работе, расширив их общий плацдарм (стиль, приемы, настроение). «Слово» заменило поэту его собственную исповедь друзьям и читателям и стало прошедшей сквозь толщу веков молитвой русскому мужеству и долготерпению, а заодно и заповедью, оставляемой будущему. Николай Заболоцкий, решивший было, твердо решивший, не возвращаться к творчеству, наказавший себе выйти из литературы, через широчайшие и мощные в своей многовековой архитектуре ворота «Слова» вошел в нее вновь, теперь уже победоносно и — навсегда.

«Слово», положив начало нашему знакомству, открыло новые возможности общения.

Наши беседы были эпизодичны и кончались пожеланиями: «Надо встретиться, поговорить как следует; ну, созвонимся...» Николай Алексеевич не раз выражал желание послушать мои новые стихи. Если он находил их в печати, всегда говорил кратко и дельно о своем впечатлении. По телефону и при встречах. Мне запомнились его слова о стихотворении «В мастерской скульптора»:

— Верно схватили суть, но рифма чересчур изысканная — «лепете — лебеди». Это мне мешает...

Говорил он то о Пушкине, то о Сковороде, то о Хлебникове, то о Державине, то о переводимых им поэтах, чаще всего о Важа Пшавела, о Леонидзе и Чиковани. Его умение молчать вводило в заблуждение. Это не был молчальник по природе, он, вероятно, научился молчать. Мерцающая на его губах улыбка показывала, что слово на них вспыхивает и, непроизнесенное, гаснет...

Возможно, это была опаска сказать лишнее слово, боязнь своей остроты, желание пригасить свою яркость, слиться с окружающими, не выделяться...

За молчанием и кажущейся внешней холодностью угадывались постоянная работа души, упорство и упрямство художника, сказавшего под конец жизни, в 1958 году:

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Мне нравилась его неприязнь к какой бы то ни было позе; к каким бы то ни было эффектам; естественность, его внешнее спокойствие, умение слушать других, терпение, которое если и иссякало, то выражалось в ироническом подергивании и опускании краев губ, при этом за стеклами очков видны были веки, прикрывающие его уставшие от пристальности глаза. Нечто детское, незащищенное вдруг появлялось в них, но тут же убиралось внутрь существа.

Стихи для печати, для очередных книг он отбирал так скупо, так беспощадно, так серьезно и взыскательно...

Глядя на него, слушая его, я хотел постичь тайну мастерства, а вернее — тайну его человеческого обаяния: почти без слов создавать настрой, нежно и уважительно говорить о человеке. При Заболоцком нельзя было ни выругаться, ни сказать о знакомом что-либо уничижительное.

Он был болен, болен очень серьезно. Но его болезнь никогда не шла впереди него. Он неизменно казался подтянутым и сосредоточенным. Не слышал я, чтобы он жаловался. Лишь однажды, встретив его в солнечный день, в хорошо отутюженном сером костюме, на улице Воровского, я услышал:

— Раньше с утра до вечера мог сидеть над строфой. Сейчас быстро устаю, не могу долго сидеть.— И после паузы:— Ведь я сверхсрочник. Врачи давно меня списали. Жаль, у меня планов много...

Одним из таких планов он поделился со мной:

— Хочу дать свод былин как некую героическую песнь, слитную и связанную. Я смотрел профессора Водовозова, знаю и другие попытки. У нас нет еще своего большого эпоса, а он был, как и у многих народов, был, но не сохранился целиком. У других — «Илиада», «Нибелунги», «Калевала». А у нас что?.. Обломки храма. Надо, надо восстановить весь храм.

...В 1955 году, когда организовалось в Литературном институте отделение художественного перевода, я был приглашен в качестве руководителя творческого семинара. Первое, что я сказал: «А Заболоцкий?!» Это вызвало ответное: «Ну, конечно, поговорите с ним, а вдруг он согласится вести параллельный семинар вместе с вами?»

Позвонил я Николаю Алексеевичу со счастливой мыслью, что вот наконец буду не столько его коллегой, сколько смогу поучиться у него житейской и поэтической мудрости. Как мне этого хотелось!

— Спасибо. Если позволит здоровье...

Мы ждали. Здоровье не позволило. В одном из своих писем Николай Алексеевич в марте 1958 года писал: «...здоровье моего сердца осталось в содовой грязи одного сибирского озера. Два с половиной года назад был инфаркт, теперь мучит грудная жаба. Но я и мое сердце — мы понимаем друг друга».

14 октября 1958 года от второго инфаркта Николай Заболоцкий скончался. Жизнь завершилась.

Какие известные и неизвестные нам замыслы поэта ушли с ним в могилу?

Прошедшие годы (почти тридцать лет со дня смерти Николая Алексеевича Заболоцкого) показали, сколь велик вклад его в нашу литературу. Собрание сочинений в трех томах издано. Дело не в количестве.

Есть поэты, которые приходят со временем и с ним же уходят (случается — и раньше того). У некоторых из этих поэтов имеется надежда на пересмотр отношения к ним, надежда на возвращение в лоно литературы. У некоторых (надо думать — у многих) оснований для такой надежды нет. Они навсегда проваливаются в тартарары.

Интерес к Заболоцкому не пропал. Напротив, с годами он становится все прочней и глубже.

Нина ЧУГУНОВА

У ДУХОВ...

Абдухолик Жураев, бежавший из плена в Пешаваре и спасшийся если не чудом, то случайно,— один из пятерых, выступивших на пресс-конференции, транслировавшейся по ЦТ, с рассказом о своем возвращении на Родину. Через день мы встретились в гостинице «Москва» и проговорили несколько часов. В результате появилась эта запись. Начав обрабатывать ее, я испытала то, что можно назвать сопротивлением материала. Больше всего мне хотелось, чтобы у читателя возникло то же впечатление, что и у меня во время разговора: это рассказ человека, еще не до конца вырвавшегося на свободу. Второе впечатление: его страх. Это скорее всего страх не быть понятым. Страх, что не поверят. И самое страшное — страх, что происшедшее с ним никому не нужно. Я хочу написать: Абдухолик Жураев, бежавший из плена несколько лет назад, на момент нашей встречи к нам еще окончательно не вернулся! И мы его не встретили! Как должны были встретить? Как расспросить?.. Как записать рассказ? Замечаю, что желание выговориться, разобраться в том, что происходило там, испытывают большинство «афганцев». Это сродни тревоге. Это очень похоже на страх, что нам здесь афганская часть их судеб скоро перестанет быть интересной. Между тем «Афган» в их судьбах не пересилит ничто. И это сродни плену.

Наше отношение к плену, наше желание или нежелание выслушать, наша готовность или неготовность поверить — это испытание или выбор уже предлагались нам в нашей истории.

В рассказе Абдухолика Жураева, одного из горстки спасенных, оставлены мною как есть некоторые неточности и даже иные ошибки. Делаю это не для сохранения стиля и не для того, чтобы придать рассказу большую достоверность, хотя такой прием нередко используется как раз для имитации неподдельности.

Вот он сказал о жене: легкомыслящая. Я исправила машинально, а смысл исказился. Он сказал: она у меня легко мыслящая — всему верит.

Он помнит Ремаса Бурбу. Правильно: Римас. Но в судьбе, какая выпала ему, был именно Ремас. Так запомнилось, так и останется на всю жизнь.

Что-то поправить, подправить: первое и худшее, что можно сделать с документом. Документ исправлять нельзя.

История войны в Афганистане так долго представала в правленом виде, а судьбы грамматически-складными, что Абдухолик Жураев вправе мне не доверять. Пусть прочтет свой рассказ, пока сам не начал подправлять бывшее с ним, следуя традиции, которая еще держит нас в плену.

Освободимся, конечно. И кинемся к документу. Так уже было.

— Бежал, бежал, бежал, бежал,— говорил он.

У меня уже кончились кассеты. И я записала в блокнот: «Бежал. 4 раза».

В лифте с нами ехали два кавказца в белоснежных пиджачных парах.

— Я в Москве! — сказал он им.

Кавказцы посмотрели на нас, вышли, лифт подпрыгнул. Они еще раз оглянулись, уходя.

Потом пили кофе. Потом я прочла в газете, что у Жураева жизнь сложилась. Работает, женат, растит детей.

Ему надо понять, что с ним было и кто он такой, ему надо высказать свои чувства, назвать их! Некому ему помочь. И скорее всего потом он прибавит «чувств», выработает гладкую версию... но не прорвется сквозь муть. Боюсь, что не прорвется.

То есть, возможно, будет худший плен.

«Я сам по национальности таджик из города Душанбе. Родители: отца нету, а мать есть. А отец заболел и умер, когда я в четвертом классе учился. Сирота наполовину.

Призвали двадцать третьего мая восьмидесятого года. Как говорится, олимпийские призывники. Сначала на Украину перебросили, и я служил пять с половиной месяцев в городе Львове, а потом сам попросил, чтобы меня на помощь афганскому народу направили. Ну, тогда интересно было: по телевизору показывали, и по радио только про Афганистан и говорили: «Ихние жизни в опасности». Там таджики есть, и узбеки есть, там больше двадцати народов, знаете?

Честно говоря, меня сначала не пустили, хотя я просился, но я служил честно, меня не хотели пускать. Я добросовестно выполнял все задания командования. По-моему, шесть раз я написал, чтобы меня отпустили в Афганистан добровольно, а на седьмой раз сам пришел и говорю, если вы меня отправите, то и отправляйте, а не отправите — значит, убегу на родину. В Душанбе убегу. Это будут неприятности, конечно. А командир части был молодой, русский.

— Ну,— говорит,— Жураев. Ты такой молодой, зачем тебе афганский народ? Ты здесь служи.

Еле-еле уговорил, и отправили нас пятерых, нет — шестерых. Один украинец, один грузин и трое армян. Ехали на поезде до Ташкента, а потом сели на вертолет и до Кабула. Но та часть, что призывала нас, уже была переполнена советскими воинами, и нас хотели отправить в Газни или... как его? Но там тоже все было переполнено, и тогда на пятые сутки нас послали в Кундуз. Там служил я полтора месяца, а потом меня направили в стройбат, там служил три-четыре месяца, а потом попал в город Пули-Хумри, и там остался до конца службы.

Были страшные дни. Когда нападали афганские... мятежники. Ну вот бывало, что метров с трех они гранатометом стреляли. И вот прямо в нас. Но самое главное, что рядом наша ГСМ была, горючее. А они-то знали, где у нас горючее, они в ГСМ метили, знали, что, если они ГСМ взорвут — от всего гарнизона, а сколько там человек! — даже пепла не останется, следа не будет.

И они стреляли, и до первой бочки горючего не достали немножко.

Мы строили госпитали, склады для продуктов. Для них тоже строили специально. И госпиталь и магазин, чтобы они могли прийти и купить себе продукты, например, советские. Среди нас работали и афганцы, утром их привозят на дизельных машинах, а вечером увозят. Я заметил, кто бедный, тот и хочет работать. Он и приходит к нам с просьбой. Они в танковом полку такой забор сделали из камней! Огромный красивый забор сложили, разрисовали по-своему. Не знаю, сколько они получили, но работали нормально, я видел. И гарнизон привели в порядок. Как говорится, в порядок, в красоту.

Раза три или четыре нападали. Страшно было. Именно тогда, когда до гэсэзма чуть-чуть не достали. Я помню, что мы сначала не стреляли, а потом была команда стрелять, и мы начали стрелять. Трава горела три дня подряд! И ночь горит, и день. Именно ночью страшно: вокруг горит, а в центре мы. Даже спать было страшно, и не спали, и вот сидим... не думаем, что живыми вернемся. Точно, умрем все здесь. Значит, надо было как-то... строгим быть...

Как светло было ночью!

Третьего, я точно не помню, третьего или четвертого мая в восемьдесят втором году вышел и мне приказ дембельский. Буквально мне три дня оставалось, и первая партия уехала из части, а во второй партии, дня через три, должен был ехать я.

Ну, я решил всякие закупки сделать, подарки там для родни, для матери. Например, для братишки Абдукадыра. Нам же давали чек. Девять рублей двадцать копеек. Сигареты нам обеспечивали, а вот еще и деньги, мы их меняли на афгани: один наш рубль — десять или четырнадцать, или пятнадцать афгани. То есть на десять чеков можно было купить джинсы. «ЮС ПОП» я хотел. Ой, я мечтал! Тогда, знаете, это были самые дорогие вещи во всем мире. А у нас в Душанбе одни брюки стоили триста восемьдесят рублей. Триста восемьдесят! Это надо целый год работать для одних брюк. А здесь я мог купить джинсы с пиджаком. Я поехал.

Должен сказать, что это была самоволка.

Наша машина шла через Пули-Хумри за песком и камнями. Карьер километров пять или шесть за городом. Я стал договариваться с парнем, что сяду в машину в кабину к нему.

До этого у меня ничего подобного не было, самоволок. Но у каждого человека в жизни бывают жестокие ошибки, у меня не простая оказалась ошибка, а получилась самая огромная ошибка в моей жизни!

Выехали часов в девять, договорились, что на обратном пути меня заберут, будут ждать на дороге. Пешком не дойти, далеко, и вокруг горы... откуда я знаю, что там?

Высадили меня в центре города, и я пошел. Конечно, без оружия, в форме нашей, в панаме. Купил мелочи всякие, брелоки. Даже мороженое кушал их, афганское! В чашке мне дали, оно чуть-чуть жидкое, но сладкое, нормально. Сидел нормально так...

Слышу, голос лучшего певца афганского народа

Ахмад Захира. Может, знаете? Думаю, давай еще одну кассету возьму, этого певца привезу, ведь это будет память, огромная память. Так я любил музыку!

Подошел к дукану, спрашиваю: вы меня извините, это Ахмад Захир поет? Он отвечает: да. А я слыхал, что особенно кассеты номер пятнадцать и шестнадцать отличные, и говорю: мне бы пятнадцать и шестнадцать купить. Он говорит: сейчас, подожди,— и стал копаться в том, что на дороге лежит. Искал, искал, говорит: еще подожди, ладно? И пошел вовнутрь на свой склад, как я понял, и оттуда кричит: заходи, есть! У меня руки были целиком заняты мелочами, которые купил, и так я пошел быстро, еще подумал: ну, какие гостеприимные! Зашел, и как-то сразу дверь за мной закрылась. Дуканщик был старый, уважительный, лет сорок.

Дверь за мной как-то так закрылась, и смотрю, трое мужиков: двое меня за руки схватили, а третий был с пистолетом, он его к моей голове приставил и говорит: молчи.

И, честное слово, я растерялся.

Даже смеялся некоторое время, я думал: это они шутят! Меня повели и посадили в машину, подобие нашего КамАЗа, только громадная кабина у нее, и вся она громадная. Сели: шофер, потом афганец, потом я и еще один афганец,— вчетвером уместились в кабине!

Повезли меня на Салангский перевал. И везли через многие страшные дороги. Ехали примерно часов шесть или семь.

Я все думал, что стрелять меня будут. Я раньше слыхал, что они убьют — и руки отрежут, ноги отрежут, будут издеваться над тобой, мертвым. Они еще

мне сказали по дороге: «Твой ватандор, шурави, попал в плен». Что означает: твой земляк, русский, попал в плен. Еще сказали: сам сдался. Я молчал. Они говорят: теперь многие сдаются. Я молчал. «Какой дурак сдается вам?» Так думал я. Какой дурак, если вы братьев убиваете и людей убиваете с мученьями всякими. На половине дороги меня переодели в шаровары, а хэбэ и панаму взяли себе, спрятали.

Спустились с перевала мы километров десять, и там мостик деревянный маленький, они остановили машину, трое слезли и стали говорить между собой, тот, который около меня сидел, много говорил; махал рукой, указывал. Я сидел, не понимая. И вот мне говорят: слезай.

Я вышел, думаю, ну вот, видимо, точно здесь меня убьют. Сильно чувствовал, что они меня убьют. Даже перестал волноваться. Даже ничего не думал об этом. Посмотрел: вокруг горы ихние, там охрана.

Они повели меня. В один кишлак, потом в другой, и так мы прошли много километров, еле-еле держась за скалы, и я все удивлялся мысленно: как они стройматериалы тащат наверх, чтобы дома себе строить? Эта вещь была самая интересная для меня. Если человек сам себя еле затаскивает на эти горы, то стройматериалы как? Человек заползает на гору, а не идет свободно.

Прошли шесть или восемь кишлаков, и у мечети меня остановили и пошли в мечеть. Сразу пришел мужик. Салангский амир, амир Аюбхан* его звали. Молодой, лет тридцать. Амир Аюбхан, начальник салангского гарнизона.

В этом кишлаке на двенадцать суток оставили меня сидеть в мечети, где старики молятся. Старики приходят и молятся, мулла читает им, а я в углу сижу, и со мной еще двое по бокам сидят.

Мне скучно было сидеть и неудобно, что старики молятся, а я здесь. А те, кто меня провожал сюда, те давно ушли, взяли у амира бумажку, я понимаю, насчет денег. Если они пленного советского воина приводят — восемнадцать тысяч долларов получают! Да! Не знаете? По-моему, так. А если офицер — хоть лейтенант, хоть старший лейтенант или даже адмирал,— то пятьдесят шесть тысяч!

Они мне приносили ихний шорпо. Но ихний шорпо — одна вода, без ничего. Лук плавает. Еще что-то плавает, но не картошка, нет.

Они мне говорят все время: это тебе не Советская страна, чтобы кушать картошку! И — масло! И масло к хлебу!

Били, ругали, материли, оскорбляли все время. Ой, это ужас.

Я долго жить не собирался.

Потом амир приходит и спрашивает: ну, как живут в Таджикистане? Нет, они Таджикистан не говорят и Узбекистан не говорят. Они говорят Бухоройшариф. Бухара, знаете, была центр мусульманский. Они говорят: нет Таджикистана, есть мусульманский мир. Амир спрашивает:

— Как живут в Бухоройшарифе? Мусульманская вера есть у вас? Молитвы читаете? Землю имеете? Дома имеете?

Ну, про то, что есть, я, естественно, говорю: да, есть. У кого машина есть, у кого нет, но богатство какое-нибудь все-таки есть. Кто работает, у того все есть. Так ему говорю. Он не верит, и даже огромный спор идет у них со мной. Человек тридцать — сорок придут в мечеть, набросятся на меня, ругают, волнуются. Они мне рассказывают, что сзади каждого мусульманина кэгэбэшник ходит, молиться не разрешает, преследует, чтобы он только работал в фонд государства. Или вот что они еще говорили: что будто бы советские люди работают, работают, а государство за это им дает — две штуки картошки! Вареной. Честное слово, до чего же мне смешно это было!

Я говорю: нет. «И,— говорят,— еще ма-ленький кусочек масла к хлебу!» Я говорю: нет. Я говорю, есть земля для огорода, хочешь, сажай картошку, хочешь, сей кукурузу. Я не говорю, что нет совсем бедных. Но очень мало. Они, говорю, живут совсем свободно. Но только чуть-чуть бедно. А они по-всякому обзывают меня. И бьют: «Ты обманываешь нас! Ты нам истинной правды не говоришь!»

Я думал: вот они меня убьют, но я буду только истинную правду от себя слышать. Пока живой. И вот вижу, что, когда их амир приходит, они ему поклоняются до земли: ну, буквально голова до пыли достает. Я сказал: «Если вы истинной правды хотите, то почему же так делаете? По-мусульмански же так нельзя. По-мусульмански человеку нельзя поклоняться, только Аллаху, только богу. У нас, в Таджикистане — я им сказал — некоторые люди любят поздороваться так, что руки обе к груди прижимают, но так можно, а до земли человеку нельзя.— Я им сказал — я чуть-чуть понимаю в этих делах! Вы говорите одно, а делаете совсем другое!» Они меня били сильно за это.

Рисунок
Левона ХАЧАТРЯНА

* Амир Атикулло.— **Прим. автора.**

Атикулло пришел, говорил со мной и совет давал. «Если хочешь живым остаться, то дальше всем говори, что убил майора, нам погоны его принес, оружие его и свое оружие». Но ведь я не делал этого! И я думал: «Как тут быть?» А на тринадцатые сутки меня повели в Пандшер. В Пандшере амир Ахмад шах Масуд спросил меня: «Как ты попал к нам?» И тогда я решился и сказал то, что советовал сказать амир Атикулло, салангский начальник. Я сказал про майора, и про оружие, и с той минуты я не был человеком с чистой совестью. Я был нечист не перед собой, а перед этим народом.

Ведь этот салангский амир только с одной стороны был добрым человеком — с той стороны, что я жив остался от его совета. А с другой стороны — нет, не был он добрым человеком, а был хитрым, очень хитрым! И я потом не мог до конца успокоиться и думал: «Лучше бы пускай они меня расстреляли, но я бы истинную правду сказал! Они ведь своей пропагандой и агитацией весь народ стараются собрать к себе. Они говорят: всем в Советском Союзе плохо, и вот берут меня и показывают: «Он убил майора». Это была самая страшная вещь, которую я сделал в жизни. Я сделал страшную ошибку, а потом, чтобы остаться живым, обманул чужой народ. Да! Я так считаю, что я бы мог убежать, только меня бы убили эти люди, потому что я бы просто встал и побежал. У меня такая мысль всегда в голове сидела, и мне даже трудно было удержаться, и я сам говорил себе: убьют, убьют сразу. В Пандшер мы шли шесть суток. Как мы шли: если все тихо ночью и не стреляют, то ночуй в кишлаке. Со мной шли девять человек, они должны были взять себе оружие и унести его на Саланг.

Шли. И жарко было, и холодно ночью. Самое главное: страшно. Вот когда операция кругом идет, так страшно, что даже слышишь звон ручья. Слышишь, как гранатометом стреляют, как бой идет, и вместе с тем ясно всегда слышишь звон ручья. А когда самолеты над нами пошли, они взяли у меня часы. У меня часы были «Слава». Они забрали. Говорят: будет летать самолет, стекло от часов сверкнет на солнце, и летчик нас обнаружит. Взяли часы, поползли в камни и легли там и даже визжали. Они прятались, а я, честное слово, стою. Я стою стойко, пусть мне и страшно. Но мне все равно было — умереть или жить. Хотя жить очень хотелось.

У них есть специальные корочки зеленого цвета, и на них герб душманский, это как бы исламская путевка, путевой лист, или пропуск. Они у амира Атикулло такую карточку и на меня заполнили, спросили мое имя, я назвал. Они мне сказали:

— У тебя какое красивое имя, настоящее мусульманское, наше. Оно в Коране есть.

— Естественно,— сказал я им,— ведь я мусульманин, из мусульманской страны, и мой отец мусульманин был, вот и дал мне такое имя. Таджики мусульмане, вы не знаете? — сказал я им. Но больше я ничего не сказал, а ведь, например: по Корану пить нельзя, и, вы меня извините, с женщинами гулять нельзя. С чужими. А потом я увидел, какая страшная мусульманская вера у них!..

Абдухолик меня зовут. Абдухолик — это, знаете, по-русски... ну как? Приятель Аллаха! Да.

Бросили меня в тюрьму в горах, после того как со мной поговорил Ахмад шах Масуд. В тюрьме были только солдаты из афганской армии, попавшие в плен. Это горы, вниз спустишься — в глубине каждые два-три метра стоит часовой, и в земле норы наподобие открытой камеры, у каждой камеры — часовой. В норах было по двое, трое или один человек. Меня сначала посадили одного.

Когда пить охота, они смеются, болтают между собой. До чего пить охота! Не дают. Смеются, повсякому обзывают. Потом приносят, дают, но с мученьями, до того нервы потреплют, что убить охота!

Там я просидел два с половиной месяца.

И вдруг пришел человек и принес записку от Ахмад шаха Масуда, что к ним в руки попал с Литвы наш советский воин. Это был Бурба Ремас, который сейчас уже вернулся через Международный Красный Крест из Швейцарии на Родину. Я слыхал так. Меня вытащили из камеры, сказали: «Тебя амир зовет». Километров десять мы ехали на английской* машине «Тойота». Я встретился с Ремасом, поздоровался, мы посидели... Они меня спрашивают: «Как его зовут?» Я перевожу. Он назвал, откуда он. Они спрашивают, как он думает о дальнейшей жизни? Как себя чувствует? Как ему среди муджахеддинов?

Ремас сказал: плохо.

А я им перевожу: «хорошо». Чтобы его не убили! И мне было интересно, что, несмотря на то, что я таджик, я любил Ремаса, а не их. Я потом вспомнил, что у нас было басмачество, и наших родственников они убивали! И так я неправильно переводил слова Ремаса, чтобы они порадовались и не убили Бурбу Ремаса. И чтобы они его не мучили, даже если решат его убить.

Мы вместе были с Ремасом четверо суток. Потом его отправили в Пакистан.

Вышли мы к речке вдвоем, только вдвоем. Сидели, камни кидали в воду и спрашивали друг друга: «Хочешь ли ты вернуться на Родину?» «Это у нас с тобой никогда не получится»,— сказал я то, что думал давно. Вокруг они. Это во-первых. А во-вторых, первый же афганец-пуштунец нас обнаружит, мы этого языка не знаем. И даже если я говорю с ними на дари, они знают уже, что я точно не афганец.

Так мы бросали камни и говорили друг другу правду о жизни.

Ремас сказал мне, что он забыл гранаты и пошел за боеприпасами и его поймали на дороге.

Я думал: зачем они меня держат в живых? Если какое-нибудь у них собрание, они меня ведут. Чтобы показать, что я среди них свободно хожу. А я ничего не могу сказать, я не могу протестовать. Если десять человек смотрят на меня, чтобы броситься, я же буду со страху молчать? И молчал. Все, что они обо мне говорили, я подтверждал: да. Или сижу молчу.

Потом меня стали заставлять воду носить, дрова носить. Но страшное дело было, что босиком. Там колючки очень страшные. У нас такого нету! Это было действительно мучение. Так месяца полтора жил, мучаясь под ними, работал и ходил по колючкам. А они сами-то носят резиновую подошву, привязанную веревкой к ноге. Но, если человек этой резины раньше не носил, то он не сможет. И я знал, что лучше мне не будет.

И вот как-то подошел ко мне человек и тихо говорит: пой, пляши, я тебе радость принес. Я о чем только не думал! И второй подошел, и они сказали: тебя отправляют в Пакистан!

— Бахшиш давай,— кричали они мне,— бахшиш, подарок!

Они считали, что у меня большая радость от их слов.

— А зачем в Пакистан? — спрашивал я, не зная, что ихний этот... ну, в Пакистане находится. Ничего не знал.

На следующий день пришли одиннадцать человек. И мы пошли по горам в сторону Пакистана. И я опять пошел босиком. Ну, говорю же, что непривыкшему их приспособления для ног ни к чему. Но они их не давали мне.

Шли до границы Пакистана одиннадцать суток. Видел и холод, и голод. Сильно скучал по хлебу, честное слово. Но они мне не давали хлеб, а давали тутовник. Тутовник очень вкусная вещь, когда его растереть в пыль, потом замочить, и он делается как камень, его ломают на кусочки, и вот мне давали маленький кусочек.

Через границу перешли в месте, которое называется у них «Три мангала». Это самые крупные склады душманские, земля уже пакистанская. Там склады, и там живет больше миллиона людей в палатках. Афганские беженцы.

Те из нас, кто был с оружием, при подходе к этому месту, я увидел, оружие сдали и опять взяли корочки. Сели в автобус и поехали в город Пешавар. Приехали в Карачи, там — еще на маленький мотороллер-такси по три человека и так приехали в их военный комитет, улица Факирабад, номер два. Там чего-то ждали два-три часа. Потом дали нам команду идти в их общежитие квартирного типа. Там нам принесли чай, всякий буфет.

Только на следующий день пришел инженер-майор Аюбхан и познакомился со мной. И он тоже говорил мне о том, что за каждым мусульманином ходят из КГБ. И про две вареные картошки.

— Рабы,— убежденно сказал он мне про советских людей.

Честное слово, как надоела мне эта басня про картошку!

Он сказал, что я должен буду здесь жить, пока они со мной решат. И так я стал здесь жить. Сначала они мне еду носили, потом стало посвободнее, я сам брал еду из столовой. Охрана была у ворот. Но еще в той комнате, где жил я, всегда сидело восемь человек афганцев, я думал: «Неужели они сидят, никуда не уходя даже ненадолго, потому, что сторожат меня?»

В городе Пешаваре самый красивый сад — это сад Захир Шаха, бывшего короля Афганистана. И туда меня водили на прогулку с восемью афганскими сторожами.

Потом была встреча с главарем исламской партии Афганистана Гульбиддином — да, видел его! Гульбиддин Хекматьяр его имя.

Он даже сказал мне, что хочет меня взять себе, выкупить, что ли, из рук другой партии, я не понял.

Потом меня водили к Бурунихуддину Раббани, это главарь партии «Исламское общество Афганистана».

— Если веришь в бога, если ты истинный мусульманин,— сказали мне,— ты должен мусульманское дело продолжать. За мусульманские идеи бороться с оружием в руках.

Раббани сказал мне, что будто бы он отправит меня в Саудовскую Аравию к Черному Камню. Да, отправит меня в Мекку, где мусульмане со всего света подходят к этому камню и молитву читают. Он сказал, что я стал бы там учиться в университете мусульманском или в институте, я не понял. Он сказал, что я должен учиться, чтобы принять от всей души веру.

— Ты должен сделаться истинным мусульманином,— горячо говорил.

...и обещал на своей дочке женить меня!

У нас в Таджикистане есть Варзобское ущелье. В основном там пионерские лагеря, санатории, это самое красивое ущелье! И вот он говорит: у нас в Афганистане Пандшерское ущелье, а у вас Варзобское. И ты будешь командовать там! И то, что происходит в Пандшере, будет происходить там. Ты будешь командиром, мы тебе дадим много людей...

Я понял, что он хочет, чтобы я был главарь банды. В будущем. И они хотели сделать из меня противника Советского Союза, и, честно говоря, я на словах с ними согласился. А в мыслях думал: наши народы неплохо живут. А что лучшего они советуют? Друг друга убивать? Честное слово, лучше не будет! Сейчас, правда, кому плохо? Нет, скажите, ведь у всех есть земля, машина, богатство, у каждого есть что-нибудь! Правда, у нас есть несколько миллионеров. Их и по телевизору показывали. Но работы много и в колхозе, и в совхозе, и в самом Душанбе идет огромная, как говорится, перестройка. Строят!..

Я уверен был, что переучить меня невозможно, даже если бы меня специально учили в университете.

А самое главное, что ему не мог верить. Если бы он сидел передо мной и говорил то, во что он верит, я бы, могло быть так, все равно бы стал его уважать за его убежденность. Но я ему не верил. Я слыхал, что все это они делают ради денег. Много раз я слыхал, что все они делают ради американских долларов, которые им высылают ежемесячно, по-моему, на миллиарды рублей. Чтобы они только воевали.

Но еще я видел глазами, что они обманывают свой народ. Очень сильно они народ свой дурят!

И еще то, что я видел в Пандшере, это страшно. Во время операции в Пандшере афганский офицер*, кажется, по званию подполковник, зашел в кишлак с двумя солдатами. Они зашли в дом, где была только одна девушка молодая, они попросили ее, чтобы она принесла им какую-нибудь еду, и она принесла воды и лепешку. Они нормально посидели, встали и ушли. И как-то слух об этом прошел в кишлак к душманам: они узнали о девочке, накормившей офицера. Мне сказали, что ее брат служил у душманов, и он сказал о девочке. Так я слыхал.

И вот они устроили собрание. Они копали яму. Поставили два столба, и к ним привязали девочку. До чего страшно было: все горы были залеплены народом. Мулла открыл большую бумажку и читал, потом мне сказали, что по мусульманской вере нельзя коммунистов кормить. И вот ее по-мусульмански наказывали. Ее убили. Но не ножом или пулей. Нет, они ее убивали так, чтобы она умерла с мучениями.

Родной брат взял автомат и стал стрелять так, чтобы она была изранена, но жива. Он прострелил девочку, и она обвисла...

Женщины орут, потом все орут. Все закрывают лицо руками. Сколько народу было? Может, миллион. И каждый должен был бросить в нее камень. Так они убили свою девочку, и даже закапывать ее не надо было, потому что камней хватило и на то, чтобы мучить ее и чтобы убить, и чтобы похоронить, и камнями была заполнена вся яма, куда она упала на своих столбах, привязанная за запястья ручек, и сверху образовалась могильная гора.

И я думал, сидя среди них: «Сестру, сестру мою они убили сейчас!»

Они указали на меня и сказали, что я убил майора, чтобы прийти к ним в Пандшер. И я встал и молчал. Я молчал!

В Пешаваре я встретил случайно человека по имени Саид-Ахмад, который когда-то бежал из Таджикистана в сторону афганского государства, потом перебрался в Пакистан и тридцать лет уже живет в Пешаваре.

Абдурахим, бухгалтер военного комитета муджахеддинов в Пешаваре, однажды говорит мне тайно: хочешь повидать одного таджика, который здесь живет уже тридцать лет? Сам Абдурахим родился когда-то в Самарканде или его отец родился в Самарканде, я не понял.

— Ты что? — воскликнул я, не веря, что могу еще раз повидать хоть чье-то родное лицо.— Таджик?

* Японской.— **Прим. автора.**

* Имеется в виду регулярная армия республики.— **Прим. автора.**

— Чистокровный таджик,— сказал Абдурахим.

— Я тебе не верю,— сначала сказал я, поспешно обидев его.

А я все сидел там, куда меня поселили, в комнате, почти не выходя. И восемь человек там же сидят. Абдурахим пришел и говорит: идем. Я говорю: как, а они? Абдурахим сказал мне, когда мы вышли: я у них тебя взял как бы на прогулку в сад Захир Шаха на целый день. И ты ведь не убежишь? — Куда? — горько сказал я ему. И мы пошли к тому человеку, вошли в его дом, где была готова закуска, дастархан в большой комнате пятиэтажного дома, который был собственностью Саид-Ахмада, честное слово.

— Папа ждет вас,— сказал нам маленький мальчик, таджик!

Здоровый симпатичный мужик говорит: о, заходите, я вас давно жду! Он принес плов, сели, и сразу же он принес магнитофон японский, двухколоночный, такой огромный, и поставил музыку.

Честно говоря, я не ожидал этой музыки услышать. Это самые хорошие певцы Таджикистана. Это гафиза Аупова и гафиз Ашимов.

Мы ни словом не перебили гафизов нашего народа.

Потом Саид-Ахмад сказал: я доволен своей жизнью. Я имею чулочно-носочную фабрику и ее филиалы, ты мне верь, хоть и не видишь это глазами. Я богат, у меня также есть кое-что в Саудовской Аравии, там сын возглавляет. И, говорит, еще трикотажное производство... и дети есть.

Но все это, сказал он, я бы отдал за вот такой, на половинку ладони комочек глины из кишлака Дабед!

Или он сказал: Чорбед? Он назвал таджикские кишлаки. И он встал, и пошел ко мне, и сел, и обнял меня и стал плакать. В кишлаке под Самаркандом родился он и, старик, плакал о сухой глине родины.

Мы снова стали слушать гафизу Аупову.

— Чего вы плачете, Саид-Ахмад-ака? Не надо плакать. У вас двенадцать детей, у вас шестеро сыновей,— говорил я.

— У меня и золото есть,— говорил он и плакал.

И я тоже заплакал, почувствовав, что мне не хватает Родины.

— Сынок,— сказал Саид-Ахмад-ака.— Они, муджахеддины, они воюют за свою землю. От меня к тебе убедительная просьба — вернись на Родину, вернись на Родину.

— Как? — сказал я.

— Тебе надо прибежать в сифоратхона,— сказал он.

Но я не знал, что это такое. Я не знал, что такое консул, что такое посол, не знал, что есть на свете посольство СССР и что такое дипломат, я не знал в двадцать лет. Честное слово! Сифоратхона — это значит посольство. Я не знал. Честное слово.

— Где ты учился! — закричал на меня Саид-Ахмад.

Он стал рисовать мне план, как добраться, и этот план оказался тяжелой и долгой дорогой, где я мог каждую минуту ошибиться. И бухгалтер сидел рядом и слушал нас и не протестовал. Саид-Ахмад дал мне двести с чем-то рупий, и Абдурахим дал, и с того дня я стал просить у моих стражников денег на сигареты и прятать деньги, потому что по плану было понятно сразу, что долгая дорога.

Итак, второго декабря восемьдесят второго года в семь часов я встал, не спав уже несколько ночей, думая: что будет днем, что будет вечером, поможет ли мне... Аллах.

Клянусь, что не чувствовал никаких других мыслей в себе, кроме как мысль о том, чтобы убежать.

В этот день Аюбхан, инженер-майор, начал праздновать свою свадьбу, так что все, кто был в доме, уехали на праздник, а со мной остался старик. Старик сказал мне утром: на тебе пять рупий, иди в лавку, купи чего-нибудь сладкого. Я сказал ему: тогда вы, дедушка, быстрее ставьте чайник.

Никто не думал, что я думаю о побеге, потому что это по мне не было видно, разве что я сильно вдруг похудел от своей тайной мечты.

Абдурахим уехал тоже на свадьбу тридцатишестилетнего Аюбхана, горячо попрощавшись со мной, и он меня не выдал.

Старик сказал мне вслед: еще купи стиральный порошок.

— И чоклед,— кричал он. Это «долгоиграющие» конфеты.

А я все шел, кивая ему затылком, и не мог обернуться.

Все равно я сегодня убегу, пусть стреляют, так думал я.

Одет я был хорошо, честно говоря, насчет одежды у них не проблема, а вот только насчет жратвы — да. Ну, как у нас, масла сливочного не найдешь, а зимние сапоги есть. Ну, правда, у нас хлеба сколько хочешь. Даже под ногами валяется!.. А там крошка хлеба равняется килограмму золота. И вот я шел в новых шароварах, а ведь они мне уже заказали нарядные шаровары. Ну, смех.

Со мной была записная книжка адресов воинов советских, которых я встречал в тюрьмах в плену, адрес Ремаса был... И бумажка с планом.

Я вышел за ворота. Небо открылось надо мной. Я был копия афганца. Я побежал. Я остановил «муравья»-мотороллер, как у нас в Душанбе, я сказал ему, автовокзал. Он привез, сказав: четыре рупии. Сдачи не надо, сказал я. Я спросил: где автобус на Исламабад? Он указал на автобус, который уже медленно-медленно двигался. Я вскочил в автобус. Там было свободное место у окна. Я сказал человеку: будь братом, пересядь к окну. Я думал: вот кто-то меня увидит в окно. Я так охранял себя со всех сторон! Через каждый километр автобус останавливался, и обыскивали пассажиров насчет оружия, но я был перед ними чист и голый, безоружный, в новых шароварах, и я не знал этой страны, кроме того, что в ней есть посольство СССР, отмеченное на маленькой бумажке в моем кулаке в виде точки. Они руками проходили по мне сто раз, обыскивая меня, и вот мы приехали в Карачи. Я подошел к таксисту:

— Пожалуйста, где сифоратхона, туда.

— Не пеги,— сказал он,— не понимаю тебя.— После говорит: минуточку, и пошел куда-то, вернулся: тридцать пять рупий.

— Я тебе много дам,— сказал я.— Сорок. Сорок пять!

Сели в машину наподобие «Москвича-407», черного цвета, и доехали до министерства иностранных дел Пакистана, о чем я не знал, поэтому побежал, думая, что все, я в Советском Союзе. Но на пороге мне говорили «не пеги, не пеги». И потом один мне показал дорогу, но по дороге я не пошел, считая, что меня могут искать на пути к сифоратхоне. И я пошел через лес.

Сколько мучений и страха было за эту дорогу! Пойду, пойду — покурю. Долго ходил, искал, искал, всю посольскую сторону их обошел, и всякий мне махал неопределенно и говорил: дальше, дальше или говорил: «Не пеги!»

И я увидел спуск и подъем и на вершине увидел дом и на доме красный флаг. Клянусь: шесть рядов слез полилось из глаз, но смех был на моих губах! И давай я бежать до этого флага!

Бежал, бежал, бежал, бежал. И громко смеялся, один кругом.

Вижу издалека, что из ворот выходит мужик и две женщины, одеты нормально. Они садятся в «Мерседес». Я подхожу к ним быстрым шагом и слышу, что часовой у ворот щелкает затвором своего ружья.

— Скажите, пожалуйста, это советское посольство? — спросил я.

— Да,— сказали они удивленно и уехали.

Я остался с часовым, готовым в меня стрелять. Я пошел к нему.

— Руси пеги? — спросил я его, устав от родного языка.

— Пеги,— сказал он.

— Пусти меня туда,— сказал я.

Он подошел к воротам, и я слышу, как в микрофоне заговорила с ним девушка по-английски. Часовой поманил меня, и я услышал:

— Чего вы хотите?

— Вы меня извините,— поспешно сказал я,— но мне надо срочно видеть посла.

И — раз, открываются ворота. Я посмотрел на часового, не зная, что мне делать, а он рассмеялся, глядя на меня, и молчал. Тогда я ступил вовнутрь и увидел женщину, которая шла по этой территории с графином в руке. Она послушала меня и сказала: а вы пойдите по коридору, вторая дверь направо. И я пошел по коридору, и нашел дверь, и открыл ее. Теперь я был жив.

Там сидела девушка и печатала бумажку.

— Здравствуй,— тихо сказал я русской девушке, сестре.

— Здравствуйте, здравствуйте,— сказала она,— минуточку.

Она напечатала свою бумажку, встала, ушла и вернулась с ведомостью, на которой, как я потом узнал, был счет за пользование газом со стороны посольства. «Вы что мне даете?» — спросил я. «А что?» — сказала она.

— Спроси меня, кто я такой,— сказал я ей.

Она вдруг заговорила со мной по-английски.

— Вы меня извините, конечно,— сказал я ей,— но я не могу с тобой по-английски, если не хочешь по-русски, я могу по-таджикски.

— Кто вы? — сказала наконец она.

— Я из Таджикистана,— сказал я ей.— Я таджик родом из города Душанбе, с убедительной просьбой помочь мне вернуться на родину. Я из плена убежал.

Она упала на стул и стала смотреть на меня так, будто потеряла сознание. Потом она пришла в себя, схватила трубку и сказала: «Александр Федорович (или Федор Александрович), к вам человек».

— Минут пять можете подождать? — сказала она мне и вскочила. Она побежала к холодильнику, принесла фанту и пепси-колу, потом поставила передо мной вазочку с вафлями и печеньем.

— Какой вы худой, вы пока поешьте,— говорила она.

Но я сидел, как каменный, и не мог сделать даже глоток воды.

— У нас до ужина долго,— все уговаривала она меня.

Я ждал пять минут, и прошло пять или шесть минут, заходит пожилой мужик, здоровается со мной за руку и зовет за собой. Опять шли, он открыл дверь, я увидел фотографию Ленина.

Я рассказал ему автобиографию, а потом написал все на бумажке.

На Новый год, празднуя его в посольстве, я был подведен к Виталию Сергеевичу Смирнову, который пожал мне руку и поздравил с тем, что я попал в посольство. Он, как я понял, и был посол, к которому я бежал.

29 января 1983 года в двенадцать ночи я сел на самолет с заграничным паспортом на свое имя и полетел в Москву рейсом Карачи — Москва. В Москве со мной беседовал генерал-майор. Ему все было очень интересно. В частности, я ему сказал, что за границей не был, кроме Афганистана и Пакистана. Потом мне пришла в голову мысль: пусть хоть расстрел дают... Меня отправили в Ташкент, где я служил помощником прапорщика, состоя при кухне, пока не пришел ответ из части.

8 апреля я был в родном доме. Брат сказал, что уже купили корову, чтобы помянуть меня в годовщину моей смерти, потому что бумажке, где было написано, что я пропал без вести, не поверили, и мать почувствовала, что меня на земле нет, так что поминали уже все положенные сроки, остался последний. Корова стоит около тысячи, еще купили барана, потому что поминки мы делаем не так, как вы, когда приходит двадцать или тридцать человек, а должно быть, чтобы каждый в кишлаке или на улице, если город, мог войти и угоститься: поесть шорпо, плов, попить чайку... Брат сказал: теперь корову зарежем в честь того, что ты родился! Мой брат Абдукадыр... я не могу объяснить, что означает его имя, забыл. Теперь я у него, у братишки моего, и живу в общежитии бесправно.

29 мая 1985 года я женился, и с того времени у меня родились два сына, одному из которых два с половиной года, и он очень любит меня и очень мне верит, а младшему всего полгода, что он!..

Полтора года мы жили нормально, и я стоял в очереди на квартиру четвертый, работая ради квартиры маляром и получая сто десять рублей сначала, а квартира, которую мы снимали, стоила шестьдесят рублей. В жизни всякое бывает, и ссоры, и драки. Но все-таки жили неплохо. Однако она легкомыслящая: всему верит, и она стала сильно ждать квартиры, и потом стала кричать на меня:

— Ты купил свое удостоверение!

Так она кричала про льготное удостоверение. Я стал рассказывать ей про плен, и рассказывал долго, а потом она поплакала, а утром началось все снова, и мы ссорились беспрерывно из-за квартиры, (которую он наконец-то получил, но буквально только что! — Н. Ч.) она стала исчезать на два месяца, живя у матери. Что за жизнь! Что за жестокость в моей жизни? Я научился хорошо работать и впоследствии стал получать и по четыреста рублей, потому что наша бригада перешла на хозрасчет и часто мы работаем даже по десять часов, чтобы закончить. Она хорошая по характеру, но она меня оскорбляла тем, что я не участник войны в Афганистане, и поэтому 13 мая 1988 года я решил прекратить свою жизнь с супругой, и суд развел нас. Теперь она живет в семейном общежитии нашего СУ, а я проживаю у братишки. Жизнь моя не удалась. Но ничего. Правда, я начальству ничего не рассказывал про плен, потому что, думаю, мне от этого будут неприятности.

Однажды, честно говоря, я сильно опоздал на занятия в вечерней школе, где я учусь в одиннадцатом классе, и вот иду, а навстречу директор, и он говорит мне: Абдухолик Жураев, тебя ищут. Мне както нехорошо, не по себе стало. Он говорил: человек просил позвонить вот по этому телефону. А дома мать вдруг закричала и сказала:

— Тебя опять пошлют туда, знаю.

Человек сказал мне по телефону:

— Вы только не пугайтесь, но мне надо с вами встретиться. Где мы могли бы встретиться?

— Да хоть у базара,— сказал я спокойно.

— Вот как хорошо,— обрадовался он.— Я рядом живу.

А ничего оказалось, пустяк. Вызывали меня в Москву, чтобы выступить перед иностранными корреспондентами насчет того, судили меня после моего возвращения или нет. Я, как и было, сказал: нет. Только я был совсем неподготовленный и не успел сказать, как плохо моя жизнь все-таки удалась из-за квартиры. Но ничего. Я здоровый, ничем не больной. Я только не знаю, что мне дальше в жизни делать. А братишка говорит: да живи! Я живу».

*Храм и больница.
Когда-то, а по существу,
еще совсем недавно,
эти слова
были близки друг другу.
Богадельни,
лечебницы при монастырях,
сестры милосердия
и братские общины —
эти понятия всего
несколько поколений назад
служили
реальным воплощением
идеи милосердия,
тем социальным институтом,
что нередко брал на себя
оказание помощи человеку,
попавшему в беду,
пораженному недугом,
старику и немощному калеке.*

МИЛОСЕРДИЕ

Священнослужители разделили горькую участь интеллигенции, к которой «вождь всех времен и народов» был особенно нетерпим и жесток.

Поколениям с детских лет внушалось, что наше главное достоинство — сила. И чтобы никаких проблем с гуманизмом, милосердием! Пережитки...

А ведь где душа, там совесть. А совесть не может существовать без морали, жизненных устоев, без тех художественных, литературных ориентиров, которые на всю жизнь становятся маяками добра и любви. Кто же может быть союзником в поисках утраченного, потаенного добра и духовности, прежде столь явного и свойственного нашему народу?

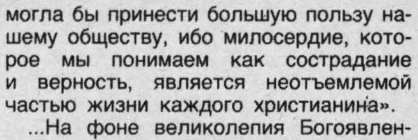
«Я убежден,— говорил в одном из интервью патриарх Пимен,— что в этой чрезвычайно важной в духовно-нравственном отношении сфере церковь

А. КРЫЛОВ,
В. ЛИХОЛИТОВ,
П. КРИВЦОВ (фото).

могла бы принести большую пользу нашему обществу, ибо милосердие, которое мы понимаем как сострадание и верность, является неотъемлемой частью жизни каждого христианина».

...На фоне великолепия Богоявленского патриаршего собора (более известного москвичам как Елоховская церковь) особенно неприглядно выглядит старинная Басманная больница. Годы, годы... Несчетным количеством ног стоптаны мраморные ступени, обрушилась штукатурка со стен и потолков, покосились некогда нарядные фасады. Не обошли стороной больницу и общие для нашего здравоохранения беды — слабость материально-технической базы, неукомплектованность медицинским персоналом, другими словами, повсюду проступает отношение к медицине как к непроизводительной, убыточной сфере нашего общества.

Об этом думалось, когда мы ходили с протоиереями Елоховской церкви Николаем, Герасимом, Даминианом и главным врачом А. Н. Соловьевым по корпусам больницы.

В палатах спрашиваем больных, их родственников, как они относятся к визиту священников, согласны ли принять помощь верующих. Признаться, думали, что многие испугаются, увидев в этом визите плохое предзнаменование. Ничего подобного! Отказов не было. Да и не о близком конце говорил с измученной тяжким недугом больной Т. отец Николай, а о жизни как величайшем даре, за который надо бороться всеми силами души до самого последнего мгновения.

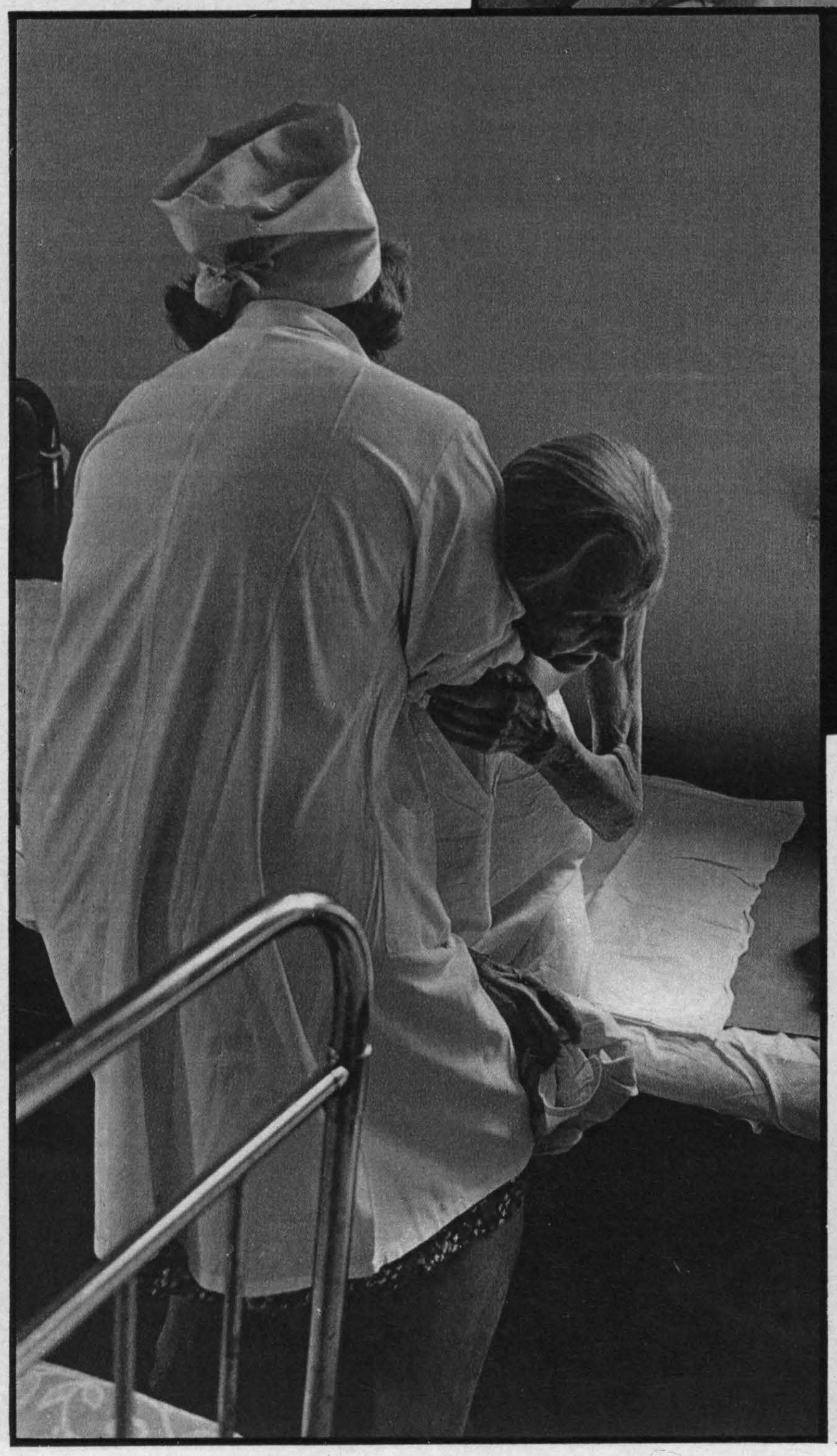
Святым делом назвал настоятель Богоявленского патриаршего собора протопресвитер Матвей Саввич Стаднюк помощь православной церкви больницам.

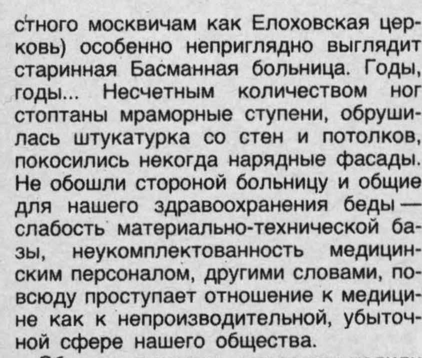
— Матвей Саввич, больница рядом с Елоховской церковью. Что же раньше сдерживало священников, прихожан от помощи делом?

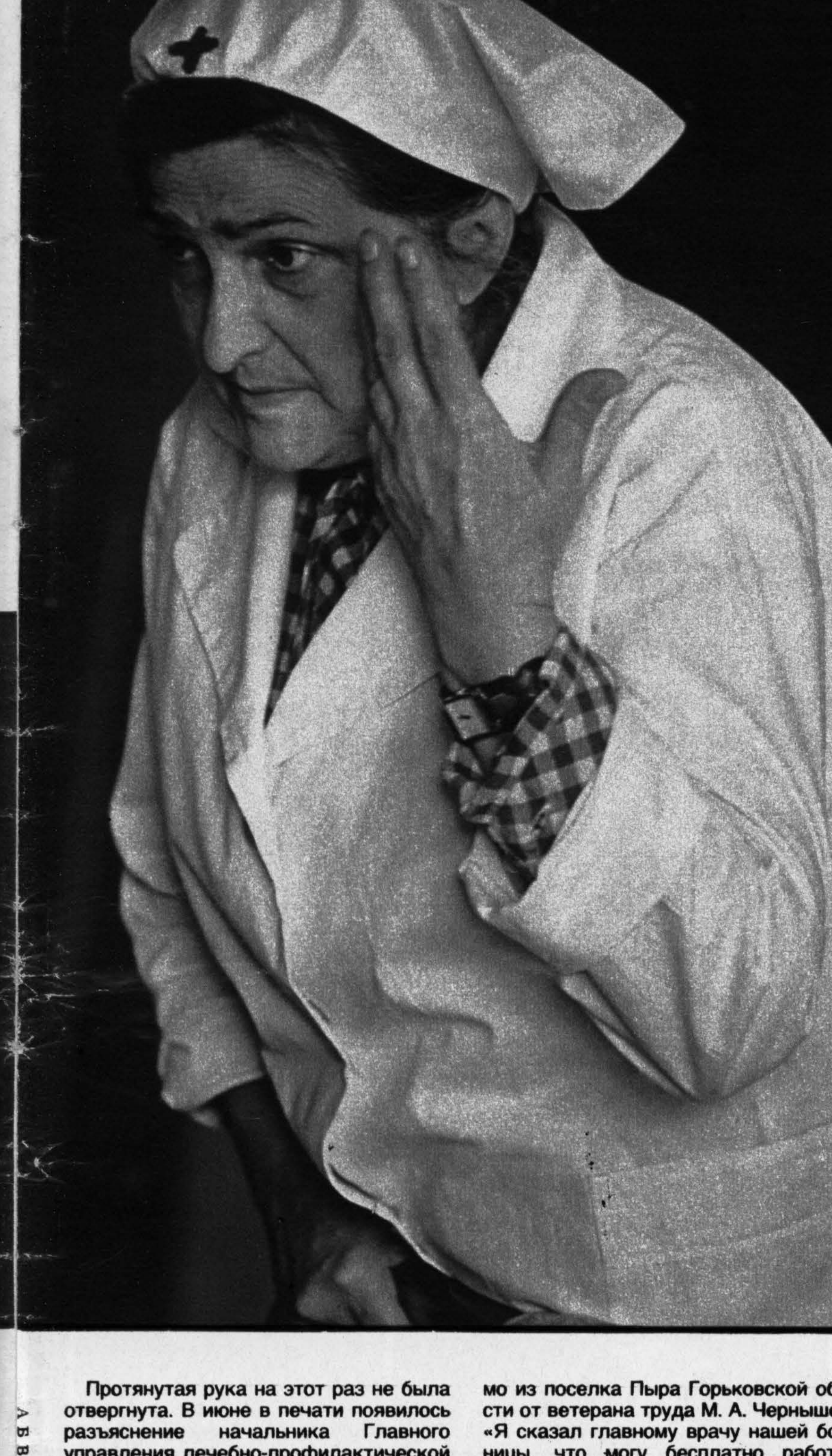
— Если вы нас хотите назвать виноватыми — полностью согласиться не могу. Мы давно взывали к различным организациям, хотели доказать, что во многих делах мы не просто попутчики, но и союзники. Ведь мы часть социалистического общества! Но дальше ответа «Вопрос изучается...» дело не шло. Выходить из застоя надо вместе. Вот и мы, священнослужители, стали настойчивее требовать своего права на участие в делах милосердия. И наш голос был услышан. Но, честно говоря, до встречи Михаила Сергеевича Горбачева с патриархом Пименом все сомневались — поймут ли нас правильно. Теперь чувствуем: пришло время личного участия в служении милосердию, отныне нужны не слова, а конкретные действия. Этого ждут от нас не только верующие, но и все общество, которое встало на всеочищающий путь духовного обновления.

Год назад духовенство обратилось с предложением помощи к Главному управлению здравоохранения Мосгорисполкома. Время шло... Что греха таить, многие настоятели московских храмов впали в сомнение: «Перестройка перестройкой, а нас опять и на порог больниц не пустят. Отвергнут протянутую руку...»

Многие ли способны на милосердие, какое проявляют эти люди? Вечером, после работы, идут они в больницу. Кормят тяжелобольных, меняют им белье, ухаживают за ними, как родные, близкие люди. Пока в больницах бесплатно трудятся единицы. Но они есть...

Протянутая рука на этот раз не была отвергнута. В июне в печати появилось разъяснение начальника Главного управления лечебно-профилактической помощи Минздрава СССР: органы здравоохранения примут помощь верующих в выхаживании больных — в любой предложенной форме.

Звоним в Ленинград ректору духовной академии, профессору-протоиерею Владимиру Сорокину.

— На наш призыв о милосердии откликнулось около четырехсот человек, а в больнице согласилось работать всего четыре... «Ибо много званых, а мало избранных».

Обзваниваем несколько московских больниц: 6-ю Басманную, Боткинскую, больницу имени Кащенко... Всюду число верующих, ухаживающих за больными, пока невелико. Связываемся с настоятелями ряда московских храмов. Всюду ждут какого-то указания. Глубоко поразила нас болезнь-привычка ждать разрешения, приказа, звонка. Да, на субботник можно заставить выйти, и пойдем — привыкли. Но можно ли заставить помилосердствовать? Вряд ли.

...Недавно в редакцию пришло письмо из поселка Пыра Горьковской области от ветерана труда М. А. Чернышева: «Я сказал главному врачу нашей больницы, что могу бесплатно работать истопником. Но ему непонятно, как это я буду работать просто так. Выходит, на милосердие тоже нужен разрешительный документ?»

Сделаны первые шаги, впереди нелегкая, тернистая дорога. Осилить ее можно только совместными усилиями атеистов, верующих, врачей, священников. Ведь цель у нас одна — помочь ближнему своему.

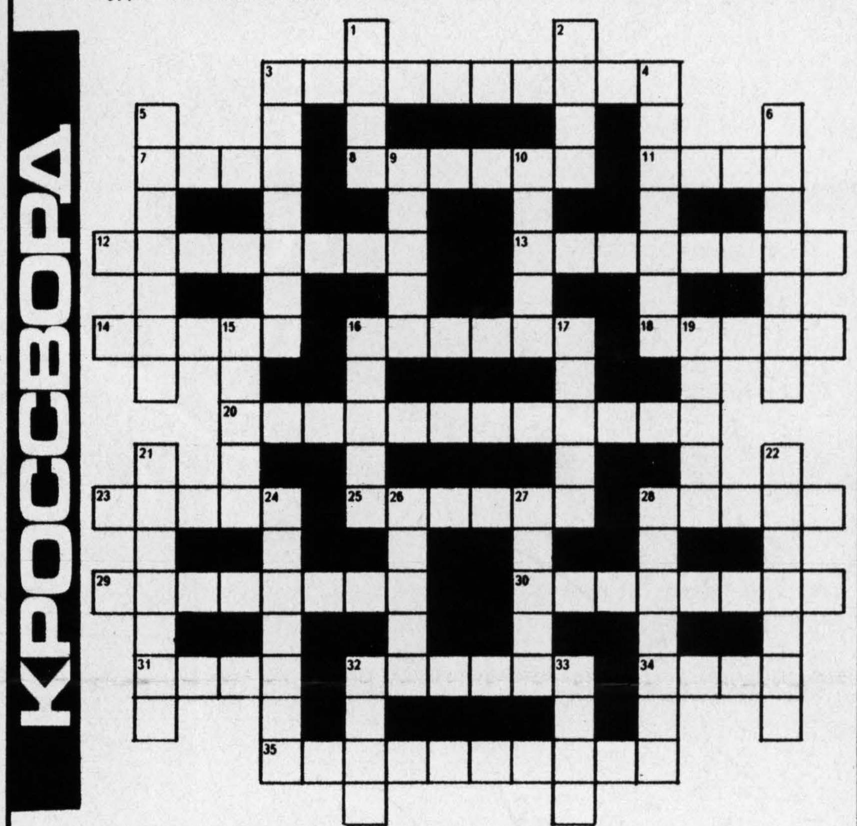
Некоторые приходы Москвы и Московской епархии, община баптистов уже развернули благотворительную деятельность в лечебных учреждениях. Верующие помогают медикам, священники имеют возможность утолять духовные нужды больных...

Мы долго считали слово «милосердие» архаичным, изгоняли само милосердие из нашей жизни. Настало время оглянуться и увидеть: оно еще существует. Ведь милосердие — норма человеческого бытия. Возвращаясь к нему, мы просто возвращаемся к нормальной жизни. Не больше.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Город в Латвии. 7. Легкоатлетический снаряд для толкания. 8. Край леса. 11. Подразделение в составе батальона. 12. Монгольский летчик-космонавт. 13. Картонная рамка или подклейка для фотографии, гравюры. 14. Отрезок прямой, соединяющий две точки кривой линии. 16. Французский естествоиспытатель, предшественник Ч. Дарвина. 18. Количество экземпляров печатного издания. 20. Город в Челябинской области. 23. Болотная птица. 25. Месяц календарного года. 28. Часть огнестрельного оружия. 29. Спортивная лодка. 30. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Воскресение». 31. Гимнастический снаряд для прыжков. 32. Река в Восточной Сибири. 34. Автор романа «Робинзон Крузо». 35. Часть математики.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Французский композитор XIX века. 2. Лиственное дерево, медонос. 3. Картина с объемным передним планом. 4. Степная птица семейства дроф. 5. Русский математик и механик, академик. 6. Озеро в Новосибирской области. 9. Древнее оружие для метания камней. 10. Индийский актер и режиссер кино. 15. Гидротехническое сооружение, земляная плотина. 16. Оптическое стекло. 17. Скульптор, автор конных групп на Аничковом мосту в Ленинграде. 19. Приток Ангары. 21. Способ художественной обработки металла. 22. Пушной зверек. 24. Цветное стекло для мозаики. 26. Пьеса М. Горького. 27. Тригонометрическая функция. 28. Бобовое растение. 32. Парусное двухмачтовое судно. 33. Часть света.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

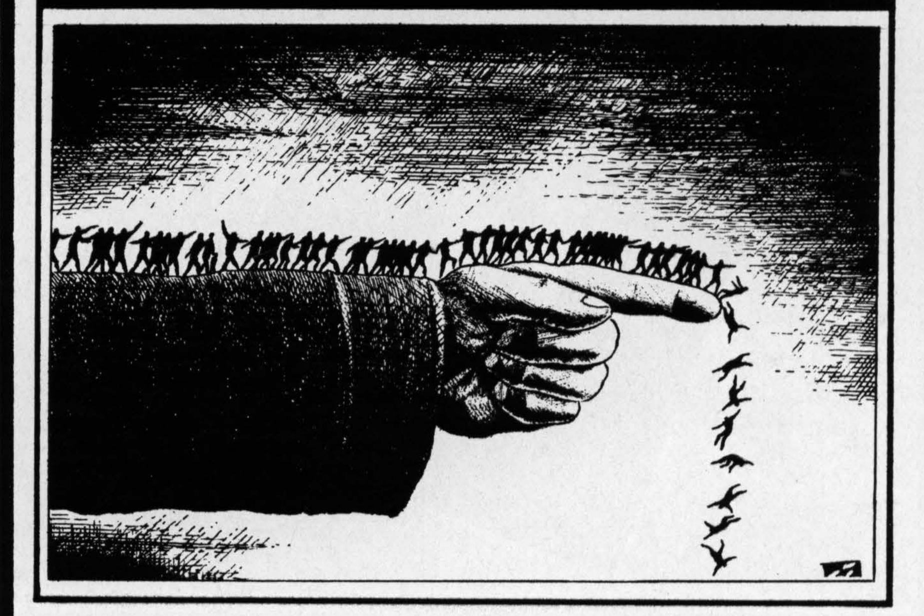
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Багратион. 7. Матэ. 9. Сват. 10. Лесозаводск. 11. Вагон. 16. Тушин. 19. Пастернак. 20. Березина. 21. Шмаринов. 23. «Холстомер». 24. Откат. 27. Барин. 31. Семеновское. 32. Гаша. 33. Флаг. 34. «Корнаковы».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Каратаев. 2. «Набег». 4. Грот. 5. Илот. 6. Лаваш. 8. Элен. 9. Скот. 12. «Альберт». 13. Оборона. 14. Нахимов. 15. Батарея. 17. Ученица. 18. Иравади. 22. Стилобат. 25. Казак. 26. Тиса. 27. Бьеф. 28. Роман. 29. Петр. 30. Эспо.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

МУЗА ВОСТОКА
Когда выходит на сцену Тамара Ханум, зал замирает, время стремительно несется назад, отсчитывая десятилетия. Непостижимо! Люди гадают: сколько же лет актрисе, если она так танцует и так поет, будучи матерью двоих детей, бабушкой пятерых внуков и прабабушкой четверых правнуков?
Тамара Ханум — это и муза и хранительница музея, где собраны удивительные ее костюмы. Вот это платье — подарок Джавахарлала Неру... А это — сама история, расшитая золотом парча, труд «главной жены Эмира Бухарского». Платью 200 лет (см. в номере материал «Тамара Ханум на сцене и дома»).
ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663
ОГОНЁК